

Владанъ Хмельницкій
Гетманъ Малороссійскій

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum miseris succurrere disco.

1819 годъ.

ЧАСТЬ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1819 года.

№ 9783/5

1879, кн. 1-я

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ
ши-пографіи, представлены были въ Цензурный
Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цен-
зурнаго Комитета, другой для Департамента
Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экзем-
пляра для Императорской Публичной Библио-
теки и одинъ для Императорской Академіи
Наукъ. Санктпетербургъ, _____ дня 1819
года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Гр. Яценковъ.

53404

П Р О З А.

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ, ИЛИ ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССІЯ.

*Зиновій Боеданъ Хмельницкій, Малорос-
сійскій обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ
Запорожскихъ Гетманъ (*). Ревнитель бла-
готестія, истребитель Уніи, защитникъ цер-
квей, избавитель православнаго народа; на-
ходящагося во всей Малороссійской и Поль-
ской Украинѣ, Подоліи, Вольніи, Черни-
русси, Бѣлорусси, Подеоріи, Полѣси и въ
протихъ странахъ Княженій Рускихъ, Вла-*

(*) Сія надпись и слѣдующія за оною спроки
списаны мною съ одного стариннаго пор-
треша Хмельницкаго, выгравированнаго, какъ
изъ надписи видно, въ честь Героя Мало-
россиіи оупъ лица съпущаго по немъ народа.

Ч. V. Кн. I.

1

дигерову престолу наслѣдственныхъ, страждущаго за благодетіе въ воненіяхъ, мученіяхъ, заточеніяхъ, подъ тяжкими иголи владѣнія Польскаго и Папежскаго. Который народъ за избавленіе свое отъ узъ, телницъ, смертей, и поныкъ приносилъ ему, Боедану Хмельницкому, вопль, рыданіе и слезы; и съ жалостію, при упокоеніи его на вѣчное блаженство 1657 года, вопіетъ сію надгробную плачевную пѣснь: „вѣтная память.“ въ Черинѣ. —

ВСТУПЛЕНІЕ.

Около половины 17 столѣтія общество наше было уже свободно и щасливо. Бурное время междуцарствія и крапковременное владычество Поляковъ въ Москвѣ исчезло какъ печальной сонъ. Алексѣй, сынъ Михаила, избраннаго общею волею народа, Государь мудрый и правосудный управлялъ Россією; но Малороссія съшovala еще подъ тяжкимъ игомъ чуждой власпи. Издревле Короли Польскіе, дорожа прекрасною спраною сей и уважая воинственнѣйшій духъ неперпѣвшихъ угнетенія сыновъ ея, даровали имъ великія преимущества, украшая цвѣтами

жельзныя узы, соединявшія ихъ съ народомъ Польскимъ, чуждымъ по вѣрѣ и правамъ храброму народу Малороссійскому. 1) Но мудрость не есть наслѣдственное достояніе Государей. Послѣдніе того времени Короли уже не радѣли болѣе о средспвахъ крошкоти и благоволенія, кошорыми предки ихъ привлекали сердца Малороссіянь. Великіе Гепманы Польскіе для личныхъ выгодъ и по жадности къ корыстямъ нарушили права народа свободнаго, права начертанныя на могилахъ предковъ его и запечатлѣнныя ихъ кровію. Къ жестокости и неразумію намѣстниковъ Королевскихъ присовокупилось еще гоненіе на вѣру православную отъ духовенства Польскаго. Оскорбленіе олшарей и древнихъ правъ долженствовало неминуемо возродить въ народѣ великое негодованіе къ пришестеламъ его.

Всѣ сказанія того времени и даже нѣкоторыхъ безприсрасшныхъ писателей Польскихъ явно свидѣтельствуютъ о несчастномъ состояніи Малороссіи. Но лучше всего объясняютъ оное *мужи, избранные* изъ среди народа Малороссійскаго, въ *грамотѣ*, поданной ими на общемъ *сеймѣ* въ *Варшавѣ*...

*

„Права наши нарушены и вольность попра-
 „на; священные храмы, издавно сооружен-
 „ные, иные запустѣли, иные и донинѣ за-
 „печатаны, дабы возбранишь намъ въ оныя
 „входъ. Знаменистые особы наши изгнаны
 „изъ правительсва за то только, *то онѣ*
 „*Русскія*; не позволяющъ жить въ сполит-
 „номъ городѣ и никшо не защищаешъ насъ
 „отъ сихъ и подобныхъ безчисленныхъ обидъ
 „и укоризнъ.“ Такъ говорили усердные за-
 „щипники Малороссіи. Но правители Поль-
 „ши не внимали гласу истины, гласу самаго
 „Бога въ сердечныхъ вопляхъ народа. — 2) „Въ
 „вольномъ Государствѣ мы ни въ чемъ не
 „имѣемъ вольности!“ Восклицающъ, въ той
 „же грамотѣ, пришещенные: „Гоненіе ко-
 „снумось храмовъ нашихъ и сокрушидо ол-
 „тари. Младенцы наши умирающъ безъ кре-
 „щенія; совершенно возросшіе живутъ
 „въ законнаго брака, и мерзвцы наши по-
 „гребающся безъ подобающихъ православной
 „церкви обрядовъ! . . . „Послѣдуйше“, продел-
 „жающъ они: „послѣдуйше стопамъ предше-
 „свенниковъ своихъ и возвратише прося-
 „щимъ со слезами прежнюю вольность на-
 „шу?“ . . . Поляки были равнодушны къ сле-

замъ и спюнамъ; но явился человекъ, предназначенный судьбами; сей новый Моисей народа Малороссійскаго. 3) Онъ явился, чинюбъ извесни его изъ *работы*, подобной Египетской. „Слезы приличны шолько же *„нальб“*“, сказалъ онъ, „мужи должны дѣйспво-
 „вашь!“ Такъ восклицалъ человекъ сей: и это былъ Зиновій Богданъ Хмельницкій! (*)
 4) Гласъ сего ревностнаго сына Опечесшва не былъ гласомъ вопіющимъ въ пустынь: повшоренный во всѣхъ краяхъ Малороссіи, онъ опшозвался въ сердцахъ сыновъ ея. Но несповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго угодно было подвергнушь Хмельницкаго шрудному испшпанію при самомъ вшпу-
 пленіи на поприще великихъ дѣлъ. Чаплинскій, гордый вельможа (и *староста* Польскій въ *Малороссіи*, проникнувъ въ шайну предпріяній будущаго Героя, схватилъ и ввергнуль его въ преисподнюю одной изъ башенъ своего замка. Безъ помощи и надеж-

(*) Подлинное имя Хмельницкаго ешть, кажешся, *Зиновій*, а *Богданъ* (какъ говоришь изустное преданіе) шолько почетный *придатокъ* къ его имени. Народъ почиталъ его *даннымъ отъ Бога* —

ды благородный узник помился, ожидая смерти. Но въ шѣхъ же самыхъ черстогахъ, гдѣ жила гонимель, наложившій цѣпи, обипала и красота, долженспвовавшая снятъ оныя. Любовь нашла средство разрушить зашворы, распоргнуть оковы и заключенный получилъ жизнь и свободу.

„Живъ Богъ!“ Воскликнулъ онъ, схвапая и съ восторгомъ лобызая саблю свою. „Живъ Богъ—и Машерь Козаковъ не умерла еще!“—

5) Свобода Хмельницкаго была близкою предвѣспницею свободы Опечеспва его и шяжкихъ бѣдъ для Поляковъ. „О, если бы можно было предвидѣшь будущее“, восклицаетъ одинъ изъ Польскихъ спихотпворцевъ шого времени— „шо ужаснаго Хмельницкаго сего надлежало бы повергнуть въ глубочайшія бездны земли, навалишь надъ нимъ горы на горы, или низринуть его въ пропащи шаршара и окружишь пламеннымъ шеченіемъ многобрежнаго Спикса!“ Но сіи непріязненныя восклицанія враговъ не сушь ли лучшія доказательспва шого, скодь спрашенъ былъ имъ Герой нашъ? — Быспрымицагами приближается онъ къ великой цѣли своей. Разбивъ передовой опрядъ Поляковъ

подъ предводительствомъ сына Великаго Гешмана Попоцкаго на *Желтыхъ водахъ*, онъ идетъ въ Крымъ, соединяешся съ Ханомъ и вскорѣ съ войскомъ, до 100,000 проспирившимся, вшоргаешся въ предѣлы Польши, пребуя свободы Малороссіи (*). Долго продолжался кровавый споръ, жестоки были бишвы и велики дарованія воинскія Хмельницкаго, долженспвующія поставишь его наряду съ лучшими Полководцами въ свѣшѣ. (6) Наконецъ по заключенному договору при *Зборовѣ* 17 Августа 1649 года, Малороссія освобождена; но ослабленная великимъ пролипнемъ крови, не могла уже спояшь долго прошивъ новыхъ ударовъ злобы враговъ своихъ: ей надлежало искашь надежной подпоры и вѣрнаго крова. — Корабль, гонимый вѣшрами по неизвѣспнымъ морямъ, гошовъ сокрушишься и погибнушь, искусной корм-

(*) Шереръ въ Малорос. Ишпорія и другіе лѣтописцы говоряшь, что прежде еще соединенія съ Татарами, Хмельницкій получилъ знапную помощь съ Дону. — Донцы и Малороссіяне часто подавали другъ другу руку брашспва и общими силами сражались за права и воляности свои.

чий квалитетъ кормлю и спасаешъ его: но не видя болѣе средствъ сражаешься съ бурями, ищешь надежной приспани, чшобъ укрышь его въ оной. Такъ сдѣлалъ Хмельницкій, поруча судьбу освобожденной имъ Малороссіи могущеслвоинному Монарху Россіи. (7)

Съ нѣхъ норъ Государи Россійскіе счищаютъ Малоросію драгоцѣннѣйшею перлою въ вѣщъ своемъ. Тихій *Донъ*, плодоносная *Украина* и цвѣтущая *Малоросіа*, соспавляя прелесннѣйшіе края Ощесства нащю, высылаютъ усердныхъ сыновъ и храбрыхъ воиновъ на службу и защиту онаго. (*) Кшо

(*) Всѣмъ извѣстно, что Малороссійскіе и Украинскіе козаки, хопя и опдѣлены опъ Донскихъ по пеперешнему ихъ мѣспному положенію, но происходятъ опъ одного колѣна и по близкому сходству образа жизни, обычаевъ и нравовъ соспавляютъ и понынь одинъ народъ. Родоначаліе Козаковъ производятъ иные опъ Скифовъ, другіе опъ Козаръ, а нѣкоторые опъ того Славянскаго племени, которое Несторъ называетъ Сѣверою, что значитъ воадники. Военными подвигами своими Козаки начали спановишья извѣстны еще въ началѣ ХІІІ вѣка. — Опъ Малороссійскихъ и Донскихъ Козаковъ про-

исчислить всё подвиги и заслуги жителей Дона и Малороссии на поприще воинскомъ и гражданскомъ? . . . Сколько знаменитыхъ мужей породили щасливвыя сираны сии подъяннымъ небомъ своимъ, мужей, которыхъ имена живутъ въ пономспивѣ и будутъ слышь немерцаемымъ блескомъ и въ поведѣннихъ лѣтописяхъ нашихъ!—Но долго еще, а можетъ быть и до сихъ поръ щасливвыя обласки сии возмущались бы набѣгами безпокойныхъ сосѣдей и бурями свирѣпой войны, когда бы Небо не послало въ лицѣ Героя Хмельницкаго, избавивша онымъ. Чюко безсмертныи Тель для Швейцарии, Густавъ Ваза для Швеции, Вильгельмъ Нассау для

изошли: Черноморскіе, Запорожскіе, Слободскіе, Волжскіе, Моздокскіе, Терскіе, Уральскіе и проч. изъ которыхъ кажды въ своемъ мѣспѣ службою и вѣрностію своею великую пользу Россіи приносятъ. — Всѣ грамоты, жадованныя Донскимъ и прочимъ Козакамъ, доказываютъ признапельность Государей за великія службы ихъ. Нѣкоторыя изъ сшаринныхъ грамотъ начинаются сими словами: „Нашии Ашаманамъ молодичамъ и проч.

Голландіи и *Пожарской* для Ошечества нашего, шо знаменишый Хмельницкій для освобожденной имъ Малороссіи. Но у насъ нѣшть еще и понынѣ Испоріи жизни его, хотя памяшь его дѣль и живешть въ сердцахъ соопчичей. „Они помняшь еще славу Хмельницкихъ!“ говоришь о Малороссіянахъ одинъ изъ почтенныхъ писашелей нашихъ.

(9) Желая описашь блисшашельную эпоху жизни Героя, кошорая была вмѣшть и незабвенною эпохою освобожденія Малороссіи, я спарался получишь о немъ всевозможныя свѣдѣнія во время пребывания въ Кіевѣ, Черниговѣ и на Украинѣ. Я сбиралъ всякаго роду преданія, входиль во всѣ подробности и вслушивался даже въ пѣсни народа, кошорыя нерѣдко объясняють разные мѣсшпа Испоріи его. Не упуская предмеша сего изъ виду, я говорилъ о немъ въ *Литвѣ* и *Варшавѣ* съ людьми, знающими Испорію Польши. Но больше всего принесли мнѣ пользы нѣкошорыя преданія Польскихъ писашелей запрошлаго вѣка. Сочиненія о Малороссіи Г-дѣ Шерера и Лезюра объяснили шакже многія шемныя мѣсшпа. Недавно Г-нъ *Плотто* издалъ ишпорію *Козаковъ*, а

на Рускомъ языкѣ нѣтъ еще Исторія Малороссіи!.. Съ благодарностію должемъ сказать, что недавно получилъ я отъ любительшей своей родины: почтеннаго В: И: Григоровича и М: К: Грибовскаго важныя рукописи. Такимъ образомъ собраны наконецъ главныя черпы изъ жизни Хмельницкаго и сдѣланъ, пакъ сказать, *отеркъ* жизнеописанія его, кошораго однакожь по недосугамъ и прочимъ обшояшельствамъ издашь теперь еще не могу. Но плѣняясь великими подвигами и славою Героя Малороссійскаго, я написалъ, между шѣмъ, основанное на Историческихъ преданіяхъ *повѣствованіе: Зиновій Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Малороссія*. Вильгельмъ Тель Флоріановъ, *Батавцы*, или освобожденіе Голландіи Вишобеля и прочія въ семь родѣ сочиненія всегда, если не ошибаюсь, приносили большее удовольствіе читателямъ. Я не смѣю и думать сравняться въ прелести слога и красотѣ вымысла съ извѣстнымъ Флоріаномъ и прочими ему подобными; но при несоравненно меньшихъ способностяхъ и способяхъ, восхищенный изящностію предмета моего, невольно ошважилса всшущица на

одинакій съ ними пущь. Помѣщая здѣсь начало повѣсти, ожидаю приговора просвѣщенныхъ чинашелей, копорому повинуюсь всегда съ покорностію; увижу, оспавили ли вы всегда въ забвеніи, или осмѣлились выдаться въ свѣтъ и продолженіе оной. — (*)

Примѣчанія ко вступленію.

1) „Король Польскій Казимиръ IV учредилъ изъ Малороссіянь (въ исходѣ XV столѣтія) Воеводъ, Каспеляновъ, Сшаросшъ, Судей и Урядниковъ; а прочихъ Дворянь и Боляръ, *цмныхъ, заслуженныхъ головъ*, всѣхъ честию и вольностію съ Польскими чиновными людьми поровнялъ. Тѣже права и преимуществва Янъ Албрехтъ и Александръ подтвердили и соблюли нерушимо.“ Такъ говоритъ Малороссійскій Лѣтописецъ. — Всѣ преданія соглашающіяся въ томъ, что Козаки

(*) Повторяю еще разъ, что повѣсть сія не есть — исторія; но основана полько на нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ. Спрогте изслѣдователи Исторіи сумнѣвающихся даже въ существованіи самаго Вильгельма Телля; рассказъ же о яблѣхъ почивающъ существе баснею.

всегда были народомъ, любившимъ славу и подвиги военные. Земледѣлемъ и рыбной ловлею занимались они не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ и вошь почему безъ спѣнъ и окоповъ не спрашивались нападенія враговъ „Слава не умираетъ!“ было любимое ихъ выраженіе. Сии любители славы умѣли заставить себя уважать. Одинъ изъ Турецкихъ Султановъ (*) говорилъ: „Если всѣ мой „сосѣди на меня возсѣпаютъ, я сплю; но когда подымутся Козаки — просыпаюсь!“ — Предъ тѣмъ временемъ, какъ Хмельницкій задумалъ отдаться подъ покровительство Россіи, Султанъ, испощивъ всѣ усилія привлечь его на свою сторону, написалъ грозную грамоту, въ которой между прочимъ говорилъ, что онъ возсѣпанъ съ огнемъ и мечемъ и во всей Малороссіи не оставилъ слѣда жилищъ человѣческихъ. Хмельницкій на большомъ листѣ пергамента написалъ въ описаніи слѣдующее: *то будетъ, то будетъ; то будетъ, то будетъ; то будетъ, то будетъ. . .* и, наполнивъ однимъ теми словами цѣлой листъ, необычайное

(*) Шереръ говоритъ, что это Амурашъ.—

посланиє свое заключаешть послѣднимъ словомъ: „а будетъ то, что Богъ дастъ!“

2) Лѣтопись говоришь, что представители или Депутаты народа Малороссійскаго, ходатайствовавшіе о возстановленіи древнихъ *правъ* (*), принуждены были возвратиться изъ Варшавы, горесно восклицая съ Пешромъ: „Наспавниче! объ ночь всю шрудшеса, ничесоже яхомъ!“—

Извѣсно также, что Владиславъ, немѣвший уже по причинѣ преклонныхъ его лѣтъ довольно бодрости, чшобъ обуздывашь дерзосшь сильныхъ въ народъ вельможъ, а между шѣмъ любя и уважая въ душѣ своей Малороссіянь, опшвѣчалъ присланнымъ опш нихъ: „что вы здѣсь жалуешесь, развѣ неспало у васъ рукъ и сабель?“—Сей опшвѣшь развязалъ руки и изосприлъ сабли Козаковъ на освобожденіе опшчизны ихъ.

3) *Извѣсти изъ работы Египетской.* — подлинное выраженіе грамошь Малороссійскихъ.

4) Въ Успенскомъ Кіевскомъ Соборѣ можно видѣшь изображеніе Хмельницкаго въ пол-

(*) Въ Лѣтописи права сіи названы *Конституціями.* —

номъ Гешманскомъ одѣяніи съ булавою, означающею санъ его. Тамъ написано: „Зиновій Богданъ Хмельницкій Великій Гешманъ Малороссійскій, и проч.

5) Подлинноежъ выраженіе Польскаго Лѣшописца.

6) Для освобожденія Малороссіянъ онъ долженъ былъ выиграть придцать *великихъ сраженій*. Быспроша была душею, а хипросъ опличительнымъ свойствомъ искуства его въ войнѣ.

7) Гешманъ Хмельницкій поручилъ освобожденный имъ народъ Государю Алексію Михайловичу, 6 Генваря 1654 года, дабы, по словамъ Лѣшописи, Малая Россія, *прицѣлости вольностей своихъ*, въ непремѣнной высокомонаршей милоспи всегда благонадежна пребывала. „И съ шѣхъ поръ, говоришь „Лѣшопись: когда Славено-Россійскіе Государи мужесства своего и государспвенныхъ „силъ спрахомъ обносили вселенную, Ко „заки всегда *участвовали въ подшеахъ славы!* . . . —

8) Владиміръ Васильевичъ Измайловъ въ пупешеспвин въ *полуденную* Россію. —

Въ Царспвованіи блаженной памяти Го-

сударя Павла I Бугскіе Козаки, желая сравниться въ правахъ съ Донскими, послали онъ себя Капитана Хмельницкаго съ прошеніемъ. — Хмельницкіе и понынѣ существуютъ въ Малороссіи; но не могу утвердительно сказать: попомкиль они знаменитаго освободителя оной, или производя онъ другаго колѣна. — (*)

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ.)

(*) Начало сей піесы было напечатано въ Письмахъ къ другу, *Ө. Н. Глинки*; но здѣсь помѣщается съ сдѣланными Авпоромъ поправками и значительнымъ дополненіемъ.

ПОЪЗДКА НА ИЛЕЦКУЮ ЗАЩИТУ (*).

• Въ шестидесяти семи версахъ отъ Оренбурга, въ обширной степи Киргизъ-Кайсаковъ, Природа заключила величайшій запасъ превосходной каменной соли, извѣстной подъ названіемъ Илецкой. Любопытство влекло меня къ сему несмѣшному богатству Россіи; я пожелалъ и отправился. День былъ прекрасный; благорасшворенный воздухъ и новосты предместовъ вливали въ душу неизъ-

(*) Илецкая защита есть селеніе, гдѣ добывается каменная соль, извѣстная подъ названіемъ Илецкой. Оно лежитъ между двумя рѣчками: Малой и Большой Елшанки; шупъ же, находишься рѣчка Сухая, которая во время наводненія впоргается въ самую разработку. Церковь, 138 деревянныхъ домовъ или, лучше сказать, хижинъ, 34 землянки и каменной острогъ, все въ строенія Защиты.

яснимое удовольствіе; самой спрахъ по-
пасься въ руки Киргизцевъ и невольно по-
сѣпишь Бухарію не безпокоилъ кропкаго
спранника: шесть вооруженныхъ козаковъ,
проворныхъ, искусныхъ въ рапоборствѣ
и храбрыхъ, обезпечивали совершенно мою
безопасность.

Мѣновой Дворъ.

Переправившись черезъ Уралъ, отдѣляю-
щій Европу отъ Азіи, казалось, я чувство-
валъ перемѣну климата. Воображеніе быс-
ро понеслося къ древнимъ событіямъ, въ
сихъ спранахъ совершившимся; различныя
воспоминанія наполняли мою душу, я не за-
мѣтилъ какъ проскакалъ около шрехъ верствъ
и явился подлѣ Мѣноваго Двора, построен-
наго для Азійской шорговли по Высочайше-
му повелѣнію Императрицы Елисаветы
Петровны. Любопытныя путешественни-
ки ничего не оспавляютъ безъ вниманія. Я
осмошрѣлъ сіе прекрасное каменное стро-
еніе, кошорое подобно величавому исполину,
гордо возвыщая главу свою, проспираетъ
взоры въ опдаленныя спраны богашой Бу-
харіи и, кажешся, ласково приглашаетъ къ

себѣ ея промышленниковъ. Здѣсь ничего не забыто для торговли необходимаго: шаможня, лавки, анбары, даже кухни для купцовъ нашихъ, весьма непривыкшихъ къ сырой пищѣ, каковою питаются Азіатцы. Здѣсь воздвигнута скромная изрядной архиепископской церкви; но внутри еще и до сего времени неокончанная; усердные богомольцы охотно путешествуютъ въ Оренбургъ, въ близкомъ разстояніи отсюда находящійся.

Можешь быть, нѣкоторые захотятъ узнать о Мѣновомъ Дворѣ подробнѣе; не смѣю отказать читателямъ моимъ въ справедливомъ требованіи. Строеніе сіе квадратное; каждая сторона его проспирася сажень на 150; на всѣхъ четырехъ углахъ построены башни. Посреди есть другое зданіе, также квадратное, названное Азійскимъ Господнимъ дворомъ. Вообще въ Мѣновомъ Дворѣ находятся лавокъ, анбаровъ и покойниковъ 427; всѣ они расположены во внутренности около стѣнъ и отдаются въ наймы за умеренную цѣну. Надъ воротами, сползающими къ Уралу, есть комнаты для Директора шаможни; а надъ другими, къ степ-

ной сшоронѣ, помѣщаеяся пограничная ша-
можня.

За Мѣновымъ Дворомъ взоръ вашъ оспа-
навливаеяся на красивой, довольно высокой
мечети, обнесенной каменною стѣною. По-
длѣ ворошѣ находяяся два дома: одинъ пред-
назначенъ для госшинницы, въ кошорой мо-
гли бы оспанавливаеяся знашнѣйшіе Бухар-
цы, а другой для училища, гдѣ обучалися
бы дѣши Киргизцевъ. Зданія сіи явились по
мановенію Великой Екатерины. Кшо не
видишь намѣреній ея? Премудрая Государы-
ня, заботяся о распроспраненіи шорговли
съ Азіашцами, спаралась /познакомишь ихъ
съ Россією. Она знала, что свобода одуше-
вляея и шипаея шорговлю; она знала,
что ласка привлекаея госпей иносшран-
ныхъ, въ особеннوشي полуобразованныхъ;
она знала сіе и ощушительные знаки сво-
боды и ласки блиспали при берегахъ Ура-
ла. Киргизцы обипавшіе въ шепяхъ ошда-
ленныхъ, самые Бухарцы спремилась къ пре-
дѣламъ Россіи какъ бы въ свою ошчизну; но
время и обспояшельспва нерѣдко разру-
шающъ и прекраснѣйшія заведенія! Такъ
случилось и здѣсь: мечеть, госшинница и

училище въ запусѣнни; даже мѣна весьма много измѣнилась! Было время, когда на необозримыхъ пажисяхъ предъ Мѣновымъ Дворомъ волновалось множество рѣзвыхъ коней и шучныхъ барановъ; но нынѣ едвали встрѣчаемъ и десяшую долю сихъ жертвъ людской промышленности. Прежде Киргизцы, пригоняя сюда, какъ сказывали мнѣ люди шорговые, до милліона барановъ и до тысячи лошадей, промѣнивали ихъ на разные шовары весьма выгодно для нашего конечества, а нынѣ едвали шаковой оборотъ соспавляетъ десяшую долю прошивъ прежняго. Къ сожалѣнію и караваны изъ Бухаріи не охотно идушъ къ Оренбургу по причинѣ грабежей, производимыхъ Киргизцами.

Прибытіе небольшого каравана оспановило вниманіе мое. До пятидесяти навьюченныхъ вельблюдовъ несли шкани Азіійскія. Каршина прекрасная! величаво изогнувшюю, слѣдуюшъ они другъ за другомъ поодиначкѣ. У нѣкоторыхъ сдѣланы на хребтахъ помосны, гдѣ сидѣли мащери сидяшъ съ малолѣтними дѣтьми. Вопшъ уже караванъ достигъ Мѣноваго Двора; здѣсь каждый Бухарець попрысаетъ удила вель-

блюда своего и послушное животное съ произвольнымъ визгомъ спанившись на колѣни. Въ семь положеніи оспаеися оно до пѣхъ поръ, пока снимуть съ него всю шяжесшь; тогда чиновники шаможенные совершають должный осмопръ и назначають мѣсто для складки шоваровъ. Доспойно замѣчанія, что и при навьючиваніи вельблюдъ споишь на колѣняхъ до пѣхъ поръ, пока накладушь столько шяжеспи, сколько онъ можешъ поднать. Какъ скоро мѣра исполнишь, то онъ возвѣщаетъ о семь произвольнымъ визгомъ. Грузу на каждого изъ нихъ полагаешся не болѣе 15 пудъ.

ДОРОГА ВЪ СТЕПИ.

Вскорѣ оспавиль я шумныя мѣста, куда народная промышленность привлекаешъ забойливыхъ и дѣяшельныхъ продавцовъ и покупателей; вскорѣ пушился въ безпредѣльную степь, гдѣ роскошная, дикая природа ошкрылась во всея ея величии. Тупь ровная, но необнаженная опъ зелени дорога была усѣяна разноцвѣтными шюльпанами; на улыбающихся лугахъ всюду разсыпаны цвѣшны, очаровывающіе зрѣніе; по необозримо-

му проспранспву индѣ перелешами тучныя дудаки (драфы), индѣ выступали длинноногіе журавли, а индѣ прыгали рѣзвые сайгаки. Сія послѣдніе, до словамъ здѣшнихъ жипелей, появляются около Урала и вообще на всей Киргизь-Кайсацкой степи тогда, когда чувспвують неурожай и засуху въ Бухаріи и пограничныхъ съ нею мѣспахъ.

Жалкій спранникъ, зноемъ ушомленный, пробѣжавъ верспъ шридацпъ, едва опыщеть здѣсь небольшой ручей, чупъ, чупъ по горячему песку кашящійся. О природа! сколь чудесна ты въ своихъ произведеніяхъ! Тамъ необозримыя моря вмѣщаютъ чрезмѣрное количеспво водъ; а шамъ едва примѣнный испочникъ журчитъ въ обширной, безплодной степи; шамъ вѣчная зима оковываетъ землю хладными цѣпями; а шамъ палющее льшо опыщываетъ жизнь у поблекшаго расшенія.

Къ чему всѣ сія сравненія, умщвованія и мечпанія? вопрошаютъ бюспипели вкуса. Когда узнаемъ мы о самой заципѣ? о добываніи соли и прочее. Поштерпице! Если кто желаетъ получить объ Илецкой заципѣ одиѣ Топографическія и Спащиспиче-

скія свѣдѣнія; пошть пусть чипаешть Паласа и Рычкова; но я, предспавляя чипашелямъ моимъ описанія мѣспъ, не скрываю опть нихъ шѣхъ ощущеній, какія наполняли шогда мою душу. Мѣшай полезное съ пріяшнымъ, сказалъ Горацій, и я слѣдую Пишшу-Философу.

Какъ сильный, спремипельный въспрь быспро несешть по клубящейся влагѣ ушлую ладью, парусами окриленную; шакъ чельпуре быспроногіе коня мчали мою коляску: Мгновенно промелькнула она при форпосста (*). Уже я приближался къ мѣспу, возбудишешму любопышшество мое; уже предспавилася взорамъ моимъ бѣлѣющая крушная гора, на вершинѣ кошорой ушпроена обсервационная крѣпосшца, опкуда въ случаѣ набѣга Киргизцевъ, даюшть сигналъ изъ пушки. Я полагаю, чшо шунть заключенъ несмѣшный запасъ соли, но обманулся: гора сія была алебасшровая.

(*) Опть Оренбурга по Илецкой дорогѣ учреждены при форпосста: Долгузской, Разбойной и Елшанской. Названія сіи получили они опть ручьевъ, при кошорыхъ основаны.

Илецкая защита.

Солнце склонялось къ западу и слабыми лучами играло надъ поверхностью скромныхъ хижинъ. Едва въѣхалъ я въ Защипу, какъ на гауптвахтѣ ударило девять часовъ. Работа кончена; барабанъ возвѣщаль зарю, и я съ нешердѣниемъ ожидалъ ушра. Любопытство сильно порывало меня и даже во снѣ представлялись мнѣ соляные бугры.

Наспала желанная минуша!—вошь мы уже въ соляныхъ копяхъ. Не буду изображать ни горизонтальнаго, ни вертикальнаго ихъ положенія; но поспѣшу къ самой разработкѣ. Здѣсь любопытный не подвергается ужасу, какъ въ копяхъ Велички (*), спускаясь въ коробъ, или не содрogaется отъ страха, сходя по узкой, темной лѣспницѣ; нѣтъ, здѣсь вся разработка открыта; ничто не препятствуетъ блистательному солнцу изливать лучи свои на несчастныхъ, осужденныхъ къ работѣ (**). Здѣсь оно не

(*) Славныя соляныя копи въ Польшѣ близъ Кракова.

(**) Въ Илецкой защитѣ соль рубятъ ссылонные за важныя преступленія; ихъ считается до 350 человекъ. Они раздѣлены на три

шомипь ихъ жаромъ: въ соляной ямѣ довольно прохладно, но ослѣпляешь блескомъ, ослѣжающимъ въ безчисленномъ множествѣ кристалловъ. Здѣсь воздухъ не удушаетъ работающих; они роются какъ муравьи въ обширной ямѣ, увеличившейся мало по малу въ печеніе пятидесяти лѣтъ. Но что значить яма сія въ сравненіи съ неизмѣримымъ пластомъ соли, здѣсь лежащимъ? Пылкое воображеніе представляетъ неисчисляемый рядъ годовъ и неупомимые шруды, потребныя на испорженіе сего богатого запаса изъ нѣдръ благодѣтельной Природы. Находящіяся повсюду близъ нынѣшней разработчи бугры и ямы доказываютъ, что соль вынимали здѣсь съ давнихъ временъ; но въ пользу казны начали рубить ее съ 1754 года. Теперешняя яма разрабатывается по

разряда: на солерубовъ, соленосцевъ и конныхъ. Всѣ они получаютъ провіантъ и сверхъ того съ работы: солерубы по деньгѣ съ пуда; соленосцы по 8 коп. за выноску кубическаго аршина, въ которомъ бываетъ вѣсу до 85 пудъ; а конные за рабочий день по 15 коп. Каждый солерубъ вырубаетъ соли пудовъ 15 и болѣе.

порядку съ 1766 года; длина ея простирается до 100, ширина до 60, а глубина до 6 саж. по мѣстамъ же и менѣе. Въ семидесятихъ годахъ, при изслѣдованіи глубины соли, проведена была шахта, углубленная сверхъ 6 саж. еще на 12, и пласть оставался неизмѣннымъ во всемъ состояніи, какъ и на поверхности. Въ шахтѣ сей воздухъ былъ шажель и имѣлъ нефтяной запахъ. Нѣкошорые говорятъ, что разработка сія покинула по причинѣ пятоснаго пребыванія въ ней работниковъ; другіе же приписываютъ сіе буншу Пугачева; но вѣрно то, что она нынѣ совсемъ засыпана. Всего пространства и глубины соли еще не опредѣлено: пробуя на семь верстѣ въ окрестности, повсюду ее находили.

Какой смершнй въ состояніи постигнушь неисповѣдимые законы Природы! Сколь часпо видимъ мы дары ея, разбросанные въ мѣстахъ неприступныхъ! Для чего сокрыла она превосходную соль въ шепяхъ безводныхъ, откуда нѣтъ нималѣйшаго сообщенія съ Царицею рѣкъ Россійскихъ, величественною Водгою? Сщоль безцѣнное сокровище едва не оспалось бы безполезнымъ, если

бы благонамѣренное правительство не употребило возможнѣйшихъ усилий—усилий клонящихся къ пользѣ народной. Уже приняты мѣры къ удобнѣйшей перевозкѣ Илецкой соли, кошорой предположено вырубашь до трехъ милліоновъ въ годъ, между шѣмъ, какъ прежде годовая пропорція состояла шолько въ 500.000 пуд. (*).

Не нужно говорить о весьма извѣстномъ превосходствѣ сей соли. Она бѣлизною и вкусомъ не шолько не уступаетъ, но и превосходитъ Англинскую, кошорую и успѣла уже вышѣснить ошъ Двора нашего. Соль сія лежитъ въ сплошномъ видѣ и цвѣтъ ея измѣняется ошъ бѣлаго, желшоващаго и до синеващаго. Въ ней встрѣчаются соляные валуны, извѣстныя подѣ названіемъ сердцевины. Изъ сей послѣдней нѣкошорые рабочіе весьма искусно дѣлаютъ разныя мѣдкія вещи: какъ шо подсвѣшники, солонки, папашерки, и даже зажигапельныя спекла.

Прежняя разрабошка была самая простая; (**) срывъ песокъ съ вершу аршина на

(*) Смотр. Учреж. Илец. Солян. Пром. Высочайше утвержденного 8 Маія 1816 года.

(**) Разрабошка, мною описываемая, была въ 1815

два, въ иномъ же мѣспѣ болѣе, открываюпгъ чѣшную соль; послѣ того рабочіе попорами изъ длинныхъ рукоянокъ проводятъ борозды, обрубаяпгъ глыбу въ сажень длины, въ аршинъ широты и высоты, и шремя или чешырьмя ударами барса опдѣляютъ ее отъ подошвы. Когда глыба при ударѣ барса (парана или барана—belier) даетъ шрецину; по приподнимаюпгъ ее рычагами; попомъ разби- ваюпгъ на куски, каждой пудовъ въ восемь, спаралсъ всячески избѣгаютъ мѣлкихъ. Соле- носцы на себѣ переносятъ сіи брусья въ магазины, находящіеся въ шой же ямѣ отъ разработкн саженьхъ въ десяти. При взгля- дѣ на сіе не возможно не удивляпгся духу человѣческому; ему все покорспвуешъ, все уступаетъ. Тщешно влажная спихія воз- дымаешъ громадами пѣнящіяся волны свои— человекъ сошворилъ огромныя пловучія зда- нія и посмѣвается бурному водѣ волненію; но сего недовольно казалось для его пред- приимчивости, онъ дерзоспно подымаетъ выше облаковъ и плаваешъ по воздуху.

году, когда я посѣщала Защитіу, теперъ же шамъ проводятъ шахпу сообразно прави- ламъ Горнаго искусства.

Когда Екатерина II совершала путешествие въ Крымъ; тогда въ ожиданіи прибытія Ея къ степямъ Киргизь-Кайсацкимъ, по словамъ шарожилловъ, вырублены были въ самой соляной ямъ прозрачныя палашы; но какъ она сей край не посѣдила, по и палашы вѣроятно обратились на приправку кушанья. Теперь даже не видно и слѣдовъ ихъ.

Въ яму сію, совершенно раскрытую набирается зимою ошъ снѣговъ, а лѣпомъ ошъ дожда много воды, кошорая препящспвуешъ работамъ. Для предупрежденія шаковаго неудобства успроени двѣ выливныя машины, приводимыя въ движеніе руками человѣческими (*). Я спросилъ Смоп-ришеля: для чего не заведутъ они паровую, посредствомъ кошорой скорѣе можно было бы осушить копи? Для шого, просто ошвѣчалъ ошъ, что на успроеніе и поддержаніе ея пошребовалися бы большіе расходы,

(*) Спроеніе сихъ машинъ слѣдующее: къ колесу, примѣрно сажени въ полшоры въ діаметрѣ, привѣщено на канатъ 24 бадъи, кошорыя при оберачиваніи колеса нагружающя водою и выливають ея въ желобы.

а пользы отъ нея было бы не болѣе нашей, спюющей въ годъ содержанія и съ поправками рублей двѣспи; ею дѣйствуютъ и починаютъ сами рабочіе; а для паровой надобно имѣть Иностранца и давать ему большое жалованье; но здѣсь, благодаря Бога, и безъ нихъ дѣло идетъ хорошо.

Въ близи копей на соляномъ грунтѣ есть много небольшихъ прѣсныхъ и соляныхъ озеръ. Сіа послѣднія по видимому соспавились изъ тузлука (*) или солянаго разсола, въ оспавленныхъ разработкахъ, разными людьми въ старину неправильно произведенныхъ. Окружные жишелі въ лѣпнее время пользуются сіми ваннами, починая ихъ за цѣлебныя. Г. Рычковъ подпверждаетъ сіе мнѣніе въ описаніи Илецкой соли (**). Сверхъ того онъ рассказываетъ о чрезмѣрной упругости воды, содержащейся въ соляныхъ озерахъ. Я желалъ удостовѣриться въ ономъ собственнымъ опытомъ и узналъ, что при великомъ усилии погрузиться всему не воз-

(*) Тузлукъ слово Киргизское происходитъ отъ тузь (соль) и лукъ (растворъ.)

(**) Описаніе сіе напечатано въ 1772 году въ трудахъ вольнаго Экономическаго Общества.

можно. Сложивъ руки свободно споялъ я по грудь на самой глубинѣ, простирающейся до 2 сажень. Озеро, въ кошоромъ мною дѣланы были наблюденія, почши кругло, вода въ немъ прозрачна, въ верьху довольно прокладна, а чѣмъ далѣе въ глубь, тѣмъ шеплѣе, ко дну же совершенно горяча. Пуспъ искусившіеся въ Физикъ, изслѣдуютъ причину сего явленія. Упомяну еще, что въ двухъ саженьяхъ опгь солянаго озера лежишъ пресное. Вошъ какъ чудесно природа распоряжаешъ своими произведеніями.

Опгь озеръ прошли мы къ каменному оспрогу, весьма удобному и красивой Архипешкшуре. Онъ раздѣленъ на двѣ половины и заключаешъ въ себѣ хорошіе преспорныя казармы; въ одной половинѣ помѣщающся рабочіе, а въ другой воинская команда. Чисшоша въ покояхъ, довольно вкусная пища и снисходительность начальспва, облегчающъ учаспъ несчастныхъ, осужденныхъ на вѣчную ссылку. Хвала правительспву, которое караешъ преспупленіе и услаждаешъ по возможности жалкое соспояніе преспупившаго. Соспраданіе и кропость проникающъ въ душу даже самаго закоренѣлаго

въ порокахъ; онъ часто, весьма часто обращаютъ его на сиезю добродѣтели. Мудрые законы преслѣдуютъ пресупника; но добрые граждане ежальютъ объ немъ, какъ о заблудшемся собратѣ. Слѣдствіемъ таковой снисходительности было то, что многіе изъ рабочихъ поженились и завели общенныя дома. Если не было бы недоспаха въ женщинахъ, то и прочіе послѣдовали бы ихъ примѣру, отъ чего со временемъ Илецкая Защита сдѣлалася бы прекрасною и выгодною колонією. Дѣши ссылочныхъ имѣютъ право избирашь родъ жизни: они въ большей части поступаютъ въ Козаки.

КИРГИЗСКІЕ АУЛЫ.

Послѣ обѣда отправились мы къ рѣчкѣ Илеку (*). Какъ уединенная, оставленная

(*) Она течетъ отъ защиты верспахъ въ долину и впадаетъ въ Уралъ подлѣ Илецкаго городка. По сей рѣчкѣ выгодно было бы сплавлять соль, но къ сожалѣнію она мѣлка и неширока; на плоскодонныхъ судахъ едва можеть поднять до 500 пуд., а при томъ и лѣсу для строенія барокъ не ближе можно доспашь, какъ вершнѣ за приспа

сироша тихо прошекаетъ она по необозримой пущынѣ; едва, едва мѣлкіе кустарники опушаютъ пологіе берега ея; кругомъ все пусто—все безмолвно; одни длинно-носые кулики посвистываютъ, разрывая зловидный песокъ. Близъ Илека находящаяся Киргизскіе Аулы, въ коихъ сохраняется жизнь совершенно Пашриархальная. Десятъ кибишкь (*) уславлены вокругъ; я заглянулъ въ одну изъ нихъ, и увидѣлъ Киргиза съ двумя Киргизками въ одѣяніи, въ какомъ бываетъ человекъ при самомъ появленіи его на свѣтъ. Такъ—они не спѣсняютъ себя ни легкими шкандями Воспока, ни тяжельми мѣхами Сѣвера; не подчиняются обременительнымъ и нерѣдко безобразнымъ законамъ

(*) Кибишки сіи не шакія, въ которыхъ вьзять; это родъ круглыхъ палатокъ, сдѣланныхъ изъ спонкихъ жердей, удобно разбирающихся и обшянурыхъ войлокомъ изъ вельблюжей шерсти. Для входа въ кибишку дѣлается дверь, или лучше сказать, лазей, а въ верху опверстіе для выхода дыма, скопьяющагося ошь горящаго; по срединѣ палатки коспра, около котораго Киргизы грѣются во время спужи.

употребленія: они свободны шѣломъ и душою. Сіи дикари часно нуждаются въ пищѣ, даже умѣренной—особенно зимою; тогда байгуши (такъ называются бѣдные Киргизцы или ~~и~~иціе) прешерпѣвають ужасный голодь и охотнѣе соглашаются сносить оный, или продавать дѣшеи своихъ, нежели шрудомъ извлекать пищу изъ нѣдръ матери Природы. Споль велика лѣносшь и привязанносшь ихъ къ кочевой жизни. Посредствомъ одного изъ сопутниковъ моихъ, знающаго языкъ Киргизцевъ, я спросилъ ихъ: довольны ли они своею участью? Когда мы не нуждаемся въ необходимѣйшихъ потребностяхъ къ поддержанію существованія, ошвѣчалъ прешарѣлый обипашель спени, тогда бываемъ совершенно довольны. Сіе привело мнѣ на мысль различныя пошлія о счастіи. Одинъ ищешь его въ духовномъ, другой въ вешественномъ мирѣ; одинъ не удовлетворяется ни богашествомъ, ни знаншостью; другому достапочно куска хлѣба, чшобы считалъ себя совершенно счастливымъ. Вотъ удивительное доказательство мудраго изрѣченія, что истинное счастіе заключаеш-

ся въ насъ самихъ. Но обратитесь къ Киргизцамъ. Правительствову упопребляешъ разныя мѣры, чпобы приохотишь ихъ къ осѣдой жизни; однако не могло достигнуть сей цѣли. Время и общошительствва дѣйствуюшъ сильнѣе всѣхъ людскихъ предпріятій. Башкиры были споль же дики, а щеперь многіе изъ нихъ воздѣлываютъ поля и живутъ въ селеніяхъ. Конечно и Киргизцы, увидя довольство, каковымъ наслаждаются собранія ихъ, послѣдуютъ споль полезному примѣру. По крайней мѣрѣ Киргизцы, кочующіе вблизи Оренбурга, довольно покойны и рѣдко берутся за арканъ; копорымъ удостоивали прежде подхващивашъ жипелей праваго берега Урала, или перешаскивашъ на свою спорону ихъ скотъ; но обищающіе во внутренности степи все еще не оставяють грабительства. Бухарскіе караваны, идущіе въ Россію; или плашатъ имъ пошлину, или служатъ добычею, не смотря на то, что въ Оренбургѣ естъ ихъ заложники; изъ знаннѣйшихъ поколѣній и учреждена пограничная коммисія для разбора Азійскихъ дѣлъ и обезпеченія шорговли.

Долго съ неизъяснимымъ удовольствіемъ любовался многочисленными стадами Киргизцевъ, пасущимися на цвѣшущихъ лугахъ. Тамъ юные, обнаженные Киргизцы быспрогонялись за рѣзвыми степными конями и съ невинною улыбкою обнимали пучныхъ барановъ. Удовольствіе людей близкихъ къ природѣ весьма ограничено: образованный Европейецъ плѣняется искусствомъ ловкаго шанцовщика въ богатомъ уборѣ; грубый, по нашему разумѣнію, дикарь плѣняется прыгающимъ сайгакомъ.

Свѣшло дня сокрылося, густойъ тмакъ распросперся надъ поверхностію земли, я проспился и съ Киргизцами и съ неизчерпаемымъ солянымъ хранилищемъ. Не знаю, какое-то предчувствіе увѣряло меня, что наснанеть время, когда сіи дикія, уединенныя мѣста будутъ населены по Европейски, что на обширныхъ степяхъ Киргизъ-Кайсаковъ возвысятся города вельѣпные и народы спранъ сихъ получають не только образование, но и просвѣщеніе—просвѣщеніе, . поспавляющее челоѡвка превыше прочихъ созданій, на землѣ обитающихъ.

Мечта! мечта! скажуть многіе; но мечта сія восхишила душу любопытнаго спранника, довольнаго совершенною имъ поѣздкою.

А. Боровковъ.

МОРОВАЯ ЗАРАЗА ВО ФЛОРЕНЦИИ.

(Изъ Боккаччо.)

Въ 1348 году, по Рождествѣ Христо-
вомъ, во Флоренціи, одномъ изъ великолѣп-
нѣйшихъ городовъ Италіи, показалась ужа-
сная моровая зараза, въ наказаніе за грѣхи
наши, правосуднымъ небомъ посланная. За
нѣсколько предъ тѣмъ годовъ, она появи-
лась въ странахъ воспочныхъ: шамъ, погу-
бивъ несчетное множество народа, не оспа-
навливаясь нигдѣ, изъ края въ край разли-
валась и, наконецъ пришла на западъ. Не
смотря на предосторожности и на всю
человѣческую прозорливостъ, въ началѣ ве-
сны 48 года, страшнымъ, чудеснымъ обра-
зомъ начала свои опустошенія. Напрасно
Градоначальники очищали Флоренцію; напра-
сно входъ въ оную воспрещенъ былъ зара-
женнымъ и всѣ пособія искусства врачевна-
го для сохраненія здравія истощены въ го-

родъ и въ окрестностяхъ; напрасно беспре-
спанные моленія возносились къ небесамъ
и крестные ходы совершались благочести-
выми людьми и служителями церкви! (*)

Ни искусство лѣкарей, ни лѣкарства, не
могли принести изцѣленія сему недугу. Свой-
ство ли самой заразы прощивилось враче-
ванію, или невѣжество врачей, неумѣвшихъ
испробовать начала оной, шолько число спраж-
дующихъ умножалось безпрестанно. Къ не-
счастію, кромѣ пѣхъ, коя посвящали себя
врачебной наукѣ, многие мужчины и женщины

(*) На Чоспокъ, признаки ее были отличны
отъ здѣшнихъ. Тамъ кровопеченіе изъ носу
было непреложнымъ вѣспникомъ смерти.
Здѣсь у мужчинъ и женщинъ вначалѣ рожда-
лись или въ пахахъ, или подмышкой нѣко-
порые нероспы, у иныхъ съ обыкновенное
яблоко, у другихъ съ яйцо: иногда менѣе
иногда болѣе. По образованіи сихъ нарывовъ,
повсюду равномерно опасныхъ, начиналась
разливаясь маперія; появлялись по чер-
ныя, по желтыя пятна вдоль рукъ, лядвй
и подругимъ часпямъ пѣла. У иныхъ въ
большемъ видѣ, но рѣдкія; у иныхъ малыя,
но весьма частыми ^{орган} гнѣздами: и нарывы и
пятна оія были знаками смерти.

мы, не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣ-
жарствахъ, брались за лѣчение: малое число
избѣжало неминуемой гибели! Почти всѣ
на шредній день (кпо ранѣе, кпо позже),
по опарыши смертельныхъ признаковъ,
безъ малѣйшей лихорадки, или другихъ неду-
говъ, лишались я силъ и жизни. Зараза без-
преспанно усиливалась. Она сообщалась здо-
ровымъ съ чудесною быстротою, какъ огонь
захватываетъ сухія или горючія вещества.
Не только разговоръ, или обращеніе съ боль-
ными, но даже малѣйшее прикосновеніе къ
ихъ одеждамъ, къ шѣмъ вещамъ, копорыя
прошли чрезъ ихъ руки, сообщало боязнь
и смерть. Чудесное дѣло я долженъ объ-
авить вамъ! Если бы другіе и съ вами я
самъ не были этому очевидцами, то не
только, не осмѣлился написать, едва повѣ-
рилъ бы даже свидѣтельству челоука, до-
стойнаго уваженія и правдиваго. Сила зара-
зительная сподъ была ужасна, япо одно
прикосновеніе къ одеждамъ больного, убива-
ло звѣрей домашнихъ. Между прочимъ, я
видѣлъ собственными глазами двухъ свиней,
копорыя, нашедъ на площади рубище зара-
женнаго, по обыкновенію своему начали обе-

рачивать добычу и шрясти въ челюстяхъ; но вдругъ закружились, какъ будто оправленныя сильнымъ ядомъ, упали и издохли.

Опъ сихъ зрѣлицъ и шому подобныхъ ужасовъ родились различныя страхи и ожесточили сердца. Почши всѣ хотѣли убѣгать больныхъ и не касаться вещей, имъ принадлежащихъ. Иные, полагая, что жизнь умеренная есть лучшее средство опъ заразы, собирались въ малыя общества и заключались въ домахъ своихъ, прерывали сношеніе съ городомъ, упошребляя съ умеренностію легкую, здоровую пищу и опборныя вина. Другіе, прошивнаго шому мнѣнія, утверждая, что пьянство и веселіе, удовольвореніе прихотливости и спрасней, наконецъ веселое презрѣніе смерти, суть лучшія предохраненія опъ заразы, проводили дни и ноци въ пьянствѣ неумѣренномъ, въ стѣхъ и пляскѣ, посѣщая по одну, по другую гостинницу, а всего чаще дома и общества совершенно незнакомыя. И легко было сіе дѣлать: каждый полагая, что жить болѣе не долженъ, опъ себя и собственности опрекался. Многіе дома совсемъ запу-

спѣли и поспоронній распоряжалъ въ нихъ какъ хозяинъ. —

Посреди сихъ бѣдспвій города нашего, все уваженіе къ законамъ божеспвеннымъ и человѣческимъ, исчезло. Сами блюстители законовъ, или вымерли, или боролись со смерщю, или окруженные погибающимъ семействомъ, не въ силахъ были исправлять и легкую должность. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, что ему вздумалось: общеспвенная воля была закономъ. —

Многіе избирали середину изъ двухъ крайностей: не ограничивая себя ни въ пищѣ, ни въ яспвахъ, не предавались вину и сладоспращію; но удовлетворяя нуждамъ своимъ по обыкновенію, выходили изъ домовъ, нося въ рукахъ цвѣшны, благовонныя шпавы и нюхая крѣпкіе аромашы. Они увѣрены были, что аромашической запахъ есть лучший способъ укрѣплять мозговыя нервы и предохранять отъ заразы. Вся атмосфера ошягонена была смрадомъ отъ умирающихъ и умершихъ, и куреній лѣкарспвенныхъ. —

Иные и безъ причины, ища спасенія въ бѣгспвѣ, съ жестокосердіемъ покидали сокровища, дома свои, родину, ближнихъ, дру-

вей и въ края чужіе удалялись. Гнѣвъ Божій (говорили они, убѣгая) не будешь ихъ преслѣдовать: онъ весь обрушился на сей городъ, на шѣхъ, копорые обищаютъ въ преступныхъ спѣнахъ Флоренціи; здѣсь ни одинъ не спасеть себя отъ гибели; здѣсь каждый обреченъ смерти.

Разсуждая споль разнообразно, вначалѣ не все умирали и не все спасали себя отъ лютой язвы; но вскорѣ шѣ, копорые, будучи въ силахъ, не спѣшили на помощь болящимъ и подавали другимъ примѣръ гнуснаго жестокосердія, сами лежали безъ призора! Гражданинъ убѣгалъ гражданина, сосѣдъ не подавалъ руку помощи сосѣду, родственники или рѣдко, или никогда не посѣщали родственника: споль великій былъ ужасъ, споль опасность возрастала повсюду! Наконецъ, братья покидали братья, дядя племянника, сестра брата, всего чаще жена мужа своего. И что всего ужаснѣе, всего невѣроятнѣе, опцы и мапери забывали дѣтей своихъ и уклонялись отъ нихъ, какъ отъ чуждыхъ!—Между шѣмъ число больныхъ мужчинъ и женщинъ всякаго возраста и сосноянія, шакъ увеличилось что и

помощь учинилась рѣдкою. Одни сострадательные и вѣрные друзья (шаковыхъ было не много), одни корышполюбивые слуги, и по за неимовѣрную цѣну, подавали слабую помощь. Непривыкшіе ходишь за больными, большею часпю люди изъ послѣдняго соспоянія, необразованные, грубые, оставались при одрѣ богашыхъ; вся услуга ихъ соспояла въ шомъ, что они подавали, что больной шребовалъ, или смотрѣли, какъ онъ умиралъ. Многіе изъ слугъ учинились жершвою корышполюбія и сами съ золощомъ въ рукахъ погибали. Случалось, что покинушые со всѣхъ шпоронѣ друзьями, ближними, родшвенниками, молодья и прекрасныя женщины (дѣло не елыханное!) брали въ услуженіе мушину, спараго или молодого безъ разбору, и ему ошкрывали нѣчто свое, изнуренное болѣзнію! Таковыя женщины шеряли спыдливосшь, лучшее украшеніе пола, и по выздоровленіи ихъ, мы примѣшили вольносшь осудищельную въ ихъ обращеніи.

И шакъ многіе погибали за неимѣніемъ помощи и число умирающихъ днемъ и ночью возрасшало болѣе и болѣе; спрашно, было

слышашъ о немъ, не только бытъ очевидцемъ бѣдствій Флоренціи. Опъ сихъ нещастій послѣдовало во нравахъ великое измѣненіе. По древнему обычаю, кошорый и понынѣ сущесвуесть, женщины, родственники, и ближніе собирающя въ домъ умершаго и съ дѣшми его оплакиваютьъ общую пошерю. Къ нимъ присоединяющя сосѣди, именьшые граждане, и смощра по званію умершаго, въ большемъ или меньшемъ числѣ приходящъ служители Олшаря; гробъ, окруженный пылающими свѣчами и факелами, при уныломъ гвнїи священниковъ вносищя въ Церковь, имъ назначенную. Всѣ сіи обряды при ожеспоченїи сердець измѣнились, или уничтожились, или замѣнились другими. Многіе умирали безъ свидѣтелей, въ совершенномъ одиночеспвѣ, малое число удоспоилось слезъ приближенныхъ и друзей. Чашто на мѣспо плача и рыданїй раздавался смѣхъ и дикая радость окружающихъ. Женщины, полагая, что веселїе есть лучшее лѣкаршво; первыя забывали соспраданїе, споль свойсщвенное ихъ полу.—Рѣдко видѣли мы, чшобы шѣло покойника провожалидесять или двенадцать человекъ изъ его

близнихъ. Не родшвенники, а наемные погребашели приходили за гробомъ, въ шоропяхъ хвашали его и скорыми шагами уносили не въ шу церковь, кошорую покойный назначилъ умирая, а въ ближайшую. Нѣсколько Священниковъ, иногда чепыре, иногда шесшь (а чаще менѣе) провожали гробъ съ одною свѣчею, иногда вовсе безъ огня, безъ молишвъ, безъ пѣнія, и пришедъ на кладбище, бросали въ первую яму. Такова была участь богашыхъ; но проспой народъ и люди средняго соспоянїя являли зрѣлище и болѣе плачевное! удержанные нуждою или надеждою въ пѣсныхъ и душныхъ домахъ своихъ, они шысячами заражались въ одни сущки. Безъ помощи, безъ врачевныхъ пособій, они умирали безпреспанно; днемъ и ночью, на площади, на улицѣ, насспигала ихъ неопспраимая гибель. О смерти ихъ сосѣды узнавали по спрашному смраду загнившихся шруповъ. Однимъ словомъ, все умирало или умерло, и шрупы валялись на шрувахъ.

Болѣе спрахъ, чшобы не умножилась зараза, нежеди уваженіе къ мершвымъ, засспавлялъ пемышляшь о погребенїи шѣль, лежа-

щихъ у дверей и предъ окнами домовъ. Жители сами, или съ помощію наемныхъ носильщиковъ, всечасно уносили покойныхъ; за недоспашкомъ носилокъ бросали на споды.—Случалось, что одинъ гробъ заключалъ двоихъ и болѣе; случалось что мужъ и жена, два или три брата, или опецъ съ сыномъ въ одномъ гробу уносились на кладбище.—Священники, идущіе за покойнымъ съ распятіемъ въ рукахъ, встрѣчали носильщиковъ; шѣ примыкали къ нимъ съ гробами людей неизвѣстныхъ и на мѣсто одного погребалось семь, восемь, а часно и болѣе. И ни слезы, ниже малѣйшая скорбь не зрѣлась на лицахъ погребавшихъ; ни дѣти, ни друзья не провожали усопшаго въ жилище вѣчное. Наконецъ ожесточеніе споль было велико, что о людяхъ забошились споль же мало, какъ о животныхъ, погибающихъ въ лѣсахъ и пустыняхъ. Тѣламъ, выносимымъ ежеминушно, не доспало священнаго мѣста въ оградѣ кладбища. За оградю изрывались глубокіе, проспранные рвы и покойники повергались въ оныя десятками и сотнями. Подобно какъ на корабляхъ кладушь шовары, плошно одинъ на другой—шакъ сперва

опускался одинъ шрупъ — на него бросали горсть земли—шамъ другой, шамъ шрепшій и шакъ далѣе, доколѣ вся яма была наполнена!

Бѣдствія въ городѣ превзошли мѣру; но зараза не ѳспанавливалась и опустошала окрешносши. Такъ и зѣмки и селы и деревни достались ей на пожраніе. Въ бѣднхъ хижинахъ, на распупіяхъ, посреди подей и нивъ своихъ, несчастные земледѣльцы, лишенные всякой помощи врачешной, гибли цѣлыми семейспвами. Нравы ихъ подобно городскимъ разврашились. И домъ и дѣла сельскія были забышы. Вспрѣчая каждый день, какъ послѣдній день жизни, не помышляли о шрудахъ наспящихъ, не помышляли собирать плоды опѣ шрудовъ прошекшихъ и спѣшили поглощать шо, что у нихъ было предъ глазами. Волы, ослы, овцы, всѣ звѣри и пшцы домашніе, самыя собаки, споль вѣрныя человѣку, изгнанныя изъ домовъ и хлѣвовъ, бродили шамъ и сямъ, посреди полей недожашыхъ или недопаханныхъ. Влекомыя навыкомъ они сами собою возвращались ночью къ домамъ и крикомъ и воемъ шревожили умирающихъ.

Скажу въ заключеніе: споль ужасень былъ гнѣвъ Божескій и опчаспи ожесточеніе и виновная беззабопливость людей, что съ Марша до Юля, погибло болѣе спа пысячь въ спѣнахъ одной Флоренціи, а до сей ужасной эпохи никшо не полагаь, чтобъ и все число ея жишелей было споль велико.

О! сколько великолѣпныхъ дворцовъ, огромныхъ домовъ Дворянскихъ, замковъ, нѣкогда населенныхъ знаменишыми гражданами, красошою и юношцію, внезапно опустошились заразою и все въ нихъ, даже до послѣдняго слуги вымерло! сколько славныхъ поколѣній, богашыхъ наслѣдспвъ и сокровищъ несмѣшныхъ оспалось безъ наслѣдниковъ! сколько людей dospойныхъ, женщинъ прелесшныхъ, юношей любезныхъ и образованныхъ, копорыхъ бы Галліенъ и Иппокрапъ нашли въ полномъ и цвѣшущемъ здравіи, обѣдали по ушпру съ шоварищами, родспвенниками, друзьями, а къ ночи, уже въ другомъ мирѣ, вечеряли съ праощами!...

К. Батюшковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СМЕРТЬ КОЛИНЬИ.

(Отрывокъ изъ второй пѣсни Генриады.)

Наспала ужасный часъ невинныхъ истре-
бленья;
Уже надъ ихъ главой висятъ перуны мщенья!
Лишь полночь разлила вездѣ шуманный мракъ,
Средь мершвой тишины убійцамъ поданъ знакъ,
Луна злодѣйства ихъ, казалось, шрепѣтала,
И въ грозныхъ облакахъ чело свое скрывала.
Надъ ложемъ Колиньи изъ урны золотой
Сонъ рассыпала цвѣпы волшебною рукой;

*

Внезапно громкій шумъ , пронзившій слухъ Ге-
роя,

Прервалъ его мечпы въ часъ общаго покоя.

Какъ волны бурныя разлившия кругомъ ,

Злодѣи въ ярости къ нему впекающъ въ домъ ;

Онъ видипь , какъ лучи свѣшильниковъ зажжен-
ныхъ

Скользящъ по лезвеямъ мечей окровавленныхъ ,

И пламенемъ объащъ чершого мрачный сводъ.

Онъ видипь въ ужасѣ , въ смяшенъи весь на-
родъ ,

Повсюду прупы жерпвъ , повсюду кровь рѣкою ,

И изъ объащпй сна базжалоспной рукою

Поверженныхъ въ огонь служиселей своихъ ;

Онъ зрипь шолпы убійце , онъ внемлетъ кли-
ки ихъ :

„Пощады никому ! Смерпъ ! смерпъ !“ они взы-
вающъ ,

„Богъ , Царь и Медисисъ разипъ повелѣва-
ющъ !“

Во всѣхъ успахъ гремипъ названье Колинъи.

Онъ внемлетъ смерпный спонъ младаго Те-
линъи ,

Копорому вручилъ онъ дней своихъ отпраду ,

Единспвенную дочь , любви его въ награду .

Воспишайный въ бояхъ для славы и побѣдъ ,

Прелеспный юноша , сраженный въ цвѣщѣ
лѣщъ ,

Къ нему послѣднія обѣщанья простираеть
И взоромъ спраждущимъ къ опмщенью призы-
ваеть.

Одинъ и безъ меча, несчастный сей Герой
Зришь неизбѣжную погибель предъ собой;
Но хочеть умереть со всей своею славой.
Убійцы, довершивъ алкая пиръ кровавый,
Убѣжища его полпятся у дверей.
Онъ отверзаеть входъ къ себѣ рукой своей,
И смерти не спрашась, назначенной судьбою,
Идетъ къ чудовницамъ безпрелепной спокою;
Спокойствіе души блеспиль въ его очахъ.
Таковъ являлся онъ врагамъ своимъ въ бояхъ,
Когда въ крови омывъ разящую десницу,
Онъ вдругъ оспановлялъ Побѣды колесницу!
Злодѣи на него бросають бысшрый взоръ,
И въ спрахѣ позабывъ Царицы приговоръ,
Недвижимы, безъ словъ, обѣщанья изумленьемъ,
Предъ жершвою своей стоятъ съ благоговѣн-
емъ.

Напраено Колинъи ждеть казни роковой.
„Друзья! вѣщаеть онъ, свершите подвигъ свой!
Предъ вами грудь моя: приближшесь и ра-
зите!

Въ крови моей власы сѣдые обогрише,
Которые досѣль во браняхъ Богъ щадиль,
И смерть рукой своей онъ-спарца опводиль!
Разите: Колинъи даруеть вамъ прощенье!

Но лучшебъ я хотѣлъ окончить дней печенье
 Подъ знаменемъ войны и умерѣшь за вась!
 Убийцы, древняго Вождя услышавъ гласъ,
 Въ смущеньи падаютъ Героя предъ сполами
 И орошаютъ ихъ горячими слезами.

Одинъ отходитъ прочь, желая скрыть свой
 спыдъ,

Другой въ отчаяньи у ногъ его лежитъ,
 Отбросивъ казни мечъ, къ нему возведши
 взгляды,

Какъ предъ судьей своимъ ждешь съ шрепетомъ
 пощады,

И спарець, окружень полпой злодѣевъ сихъ,
 Подобень былъ онцу средъ нѣжныхъ чадъ сво-
 ихъ.

Бѣмъ долго во Дворцѣ ихъ ждавшій возвращенья,
 Пылаешь яростью, спрашився ихъ медленья,
 Во гнѣвѣ самъ спѣшишь за жертвою своей:
 Пришекъ—и зришь убійць, шрепещущихъ предъ
 ней!

Не зная жалости, сей извергъ разъяренный,
 Спрямишся казнь свершишь, какъ первый долгъ,
 священный;

Измѣною Царю раскаяніе чпипъ;
 Сквозь воиновъ полпу въ неистовствѣ лешипъ;
 Но Колинъи его спокойно ожидаешь.

Чудовище разить и очи отшрацаешь,

Спрашась, мшобы Герой воззрѣнемъ однимъ
 Не удержаль меча, внесеннаго надъ нимъ.
 Злодѣй свершилъ ударъ—и спарець паль, прон-
 зенный!

Кровавый прунъ его, народомъ посрамленный,
 Безъ погребенія во прахѣ исплѣваль,
 И грудь геройскую вранъ хищный разперзалъ!
 Съ главой его въ рукѣ, какъ съ жертвою оп-
 радной,
 Бемъ въ поржествѣ идетъ къ Царицѣ крово-
 жадной.

И Медичесъ ее спокойно приняла,
 Не отвративъ отъ ней пресупнаго чела,
 Съ душою хладною къ веселью, къ угрызеньямъ,
 И какъ привыкшая къ подобнымъ приношеньямъ!

А. Крылоб.

СТИХИ ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ бурю, въ легко́мъ челнокѣ,
Окруженный шучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ
И несло челнокъ волною.

Буря вокругъ него кипишь,
Челнъ ужасно колыхаешь;
Беззаботно онъ сидишь,
И весломъ своимъ играешь.

Волны плещушь на челнокъ—
Онъ веселыми глазами
Смогришь, бросивъ въ нихъ цвѣшокъ,
Какъ цвѣшокъ кружишь волнами.

Челнѣ, ударясь у бреговѣ
 Обѣ ушесы, развалился,
 И на брегѣ межѣ цвѣшповѣ
 Мореходецѣ очутился.

Челнѣ забышь! а буря! спрахъ!
 Ихъ невинность и не знаешь!
 Улыбаясь на цвѣшахъ
 Мой младенецѣ засыпаетъ.

Вопъ примѣръ! Безпечно въ свѣшъ!
 Пусть гроза! пускай волненье!
 Намъ погибели здѣсь нѣшъ!
 Правиль челнѣ нашъ Провидѣнье.

Здѣсь швоя спезя вѣрна!
 Менѣ, чѣмъ другимъ, опасна!
 Жизнь красой души красна!
 А душа швоя прекрасна!

В. Жуковскій.

ПОСЛАНИЕ къ А. Н. О...у.

Желаешь ты, чтобъ я, пѣвецъ безвѣстный,
Для дружества на лирѣ! спалъ бряцать!
Увы! почто мнѣ не данъ даръ чудесный
Сердца людей гармоніей прельщать?
Тогдабъ спрунамъ коснулся я рукою,
И звуки ихъ повсюду пронеслись,
И сонмы дѣвъ, цвѣшущихъ красотою,
Вокругъ меня съ вѣнками собрались!
Тогдабъ огнемъ небеснымъ вдохновенья
Я освѣпилъ протекшихъ рядъ вѣковъ,
Славеновыхъ безпрепетныхъ сыновъ,
Почіющихъ въ сѣни глухой изплѣня,
Воззвалъ изъ пыльныхъ ихъ гробовъ
И славу ихъ извелъ изъ пьмы забвенья!
Или подь часъ фантазіи святой,
Эфирными крылами осѣненный,
Сквозь мракъ время спремься своей мечпой
И древности подъявъ покровъ священный,
Вѣкъ золотой въ спихахъ бы воскресилъ!
И обновилъ дни радости безпечной,
Какъ человекъ въ невинности сердечной

Блаженство здѣсь прямое находиль!...
 Какъ брани гласъ еще не раздавался
 И ужасомъ сердце не поражаль!
 Миръ, сынъ небесъ, въ поляхъ не содрогался
 И взоръ его оружіи не вспрѣчалъ;
 Когда любовь о крыльяхъ забывала
 И на цвѣтахъ подъ тѣнію дровесъ
 Въ объятіяхъ счастливцевъ опдыхала!
 И жили превыспреннихъ небесъ
 Въ подлунную къ невиннымъ низходили
 И райское блаженство низводили!...
 Иль славою опчизны увлеченъ,
 Гремящею во всѣхъ странахъ вселенной,
 Понесся бы душой воспламененной
 Въ кипящу брань, подъ сѣнь ея знамень!
 Въ поля, гдѣ Богъ съ высотъ небесъ разлцій,
 Къ сынамъ своимъ въ перунахъ низходилъ,
 Гдѣ Россъ одинъ, побѣдами тремящій,
 Власпишеля народовъ сокрушилъ,
 Оковы снялъ съ племень поработенныхъ,
 Страны родной на тибель устремленныхъ!
 Тогдабъ мой гласъ какъ громъ небесъ гремѣлъ,
 И славою Героевъ незабвенныхъ
 Воспламенилъ потомковъ опдаленныхъ!.....
 Но, милой другъ, безвѣстность мой удѣлъ!
 Незнаемый,—съ крылатыми мечтами
 Живу одинъ: они—моя семья;
 Тѣснятся вокругъ веселыми шолпами;
 Но радостей нѣтъ больше для меня

И счастье спрдальца не ласкаетъ;
 Надежда лишь одна во тьмѣ мелькаетъ!...
 Опъ нѣхъ спремясь унылою душой
 Къ пропекшимъ днямъ, днямъ райскаго веселья,
 Все взятое жестокою судьбой,
 Минувшее, какъ призракъ сновидѣнья
 Назадъ зову,—но возвращуль опяшь
 Погибшее души очарованье?.....
 Прошедшее не придетъ ужъ назадъ,
 И въ будущемъ,—изчезло ожиданье!.....
 О милой другъ, уже назначень часъ!
 И вижу я жестокою разлуку!
 „Подай друзьямъ!—“ея вѣщаетъ гласъ—
 „Въ знакъ вѣчнаго прощанья съ ними руку!“
 Туда, туда, гдѣ Исполинъ Рифей,
 Опершися огромною сполою
 На длинный рядъ безчисленныхъ спѣпей,
 Средь облаковъ скрывается главою!
 Гдѣ жизни нѣтъ, гдѣ все наводишь страхъ,
 Какъ будто бы самъ Ангель испребисель,
 Поставиль тронъ на вѣковыхъ снѣгахъ
 И основаль во льдахъ свою обисель!
 Туда, туда мой рокъ меня влечетъ,
 Ведетъ меня рукою сокровенной;
 Тамъ юности моей увянешъ цвѣпъ,
 Тамъ кончится мой пупъ опредѣленной...
 И опчужденъ опъ милыхъ мнѣ друзей,
 Далекъ того, что сердцу столько мило,
 И что судьба въ жестокости своей,

Смягченная мольбой моей, щадила.
 Лишень всего памь другъ пвой будешь жить:
 Съ подругою несчастливыхъ — пскою,
 Съ спраданиемъ часы свои дѣлишь
 И услаждашь печаль—одной мечшою!
 Дай руку другъ! иду въ далекій пущь;
 Прими мое послѣднее желанье:
 Всегда счастливъ, всегда доволенъ будь
 И обо мнѣ храни воспоминанье!
 Бышь можешь, здѣсь опячь услышишь ты
 Знакомый звукъ моей неспройной лиры;
 То знай, мой другъ, что сладкія мечшы
 Еще лешяпъ, какъ пихіе Зефиры,
 Къ моей душѣ и ебюпся надо мной,
 Какъ неспрой рой въ полянѣ надъ цвѣшнами
 Шумящихъ пчель; что шумный Геній мой
 Еще парипъ надъ вѣчными снѣгами! . . .
 И что вдали, желанный видя часъ,
 Я жизнь влачу, надеждой озаренный
 Прижашъ друзей къ груди моей опѣсенной
 Съ опрадою еще единый разъ. (*)

А. Кулибинъ.

(*) Общество съ удовольствіемъ помѣщаетъ стихи сія, въ ко-
 порыхъ виденъ возникающій талантъ молодого сочини-
 теля, окончившаго курсъ ученія въ Горномъ Кадетскомъ
 Корпусѣ и; предназначеннаго на службу за высокіе
 хребты Рифел. Прим. Ред.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

На булашь опершись бранный,
Рыцарь въ горести спояль,
И смотря на пущь пространный;
Со слезаму онъ сказалъ :

*

„Въ цвѣтѣ юности прелестной
Отчій кровь оставилъ я,
И мечемъ въ спранѣ безвѣспной
Я прославить мнилъ себя.

*

„Былъ за дальними горами,
Видѣлъ чуждыя моря;
Вѣкъ сражался я съ врагами
За отчизну и Царя.

*

„Но душа моя спрадала!
 Въ лаврахъ щастья не найди!
 Всюду горестъ разсыпала
 Терны на моемъ пуши!

*

„Безъ опчизны, одинокой,
 Безъ любезной и друзей,
 Я грущу въ спранѣ далекой
 Среди вражескихъ полей!

*

„Воронъ сизый, быспрокрылый
 Полети въ родимый край;
 Живъ ли мой отецъ унылый—
 Въспъ душъ моей подай.

*

„Спарецъ, можеть бышь, поскою
 Въ кладну землю положень;
 Можеть бышь, ни чьей слезою
 Гробъ его не орошень!

*

„Сядь, мой воронъ, надъ могилой,
 Вздохъ мой праху передай;
 А попомъ, къ подругъ милой
 Въ древній перемъ шы слепай!

*

„Еслижь грозный рокъ, жестокой
 Мнѣ судиль ее не зрѣшь,
 Воронь! изъ спраны далекой
 Для чего назадъ летѣшь?“

*

Долго Рыцарь ждалъ напрасно:
 Воронь все не прилепалъ;
 И въ опчаянъи несчастный
 На равнинѣ бившы палъ!

*

Надъ высокою могилой,
 Гдѣ спрадальца прахъ сокрышь,
 Дремлешь кипарись унылой
 И зѣленый лавръ шумишь!

Вильгельмъ Крф.

СОЛОВЕЙ и ЯСТРЕБЬ.

Б А С Н Я.

Весной при солнечномъ восходѣ
На вѣпкѣ Соловей сидѣлъ
И пѣлъ

Гимнь упренній Природѣ.

Пріятнымъ голосомъ онъ лѣсъ обворожалъ:

Дробиль, свисталь, щелкаль.

Малиновки, дрозды всѣ слушали прилѣжно,

Какъ трели разносилъ по роцѣ вѣтерокъ.

Но Ястребъ вдругъ сказалъ: прекрасной голо-
сокъ,

А мясо у него, я чаю, очень нѣжно, —

Пѣвца схватилъ

И проглотилъ.

Ну! право въ городахъ я тоже находилъ:

Тамъ Соловьи пусть громко свищуть;

Но люди не шалантъ, своей лишь пользы ищуть.

Графъ Хвостовъ.

МАДРИГАЛЬ.

Едва узрѣлъ тебя—плѣнился
Небесной красотою своею;
Когдажъ услышалъ я звукъ сладостныхъ рѣчей,
Гармоніей своею пріятной восхищился;
Тогда еще ты мнѣ любезнѣе была:
Я видѣлъ прелестей въ тебѣ очарованье,
Души, ума образованье,
И еслибъ зналъ, что такъ ты будешь мнѣ
мила,
Что буду такъ тебя, мой другъ, любишь сер-
дечно,
Я не плѣнилсябъ вѣчно.

Ал. Дуропъ,

И С Т О Р І Я .

Не помню, гдѣ, въ какое время
Татарь неугомонно племя
Съ оружіемъ и пламенемъ въ рукахъ
Набѣгъ на обласць учинило,
И всюду смерть, пожаръ и страхъ
Передъ собой распространило.
Ихъ люшый Кузлу-Хань
Столицей овладѣлъ и, свой покинувъ стань,
Перебрался въ нее. Тамъ все плѣняло чувства
Сего питомца дикихъ странъ:
Признался вѣрный Мусульмань,
Что услаждающъ жизнь пріятныя искуства;
Но болѣе всего
Обворожала взоръ его
Стоявшая близъ Царскаго чертога
Злашная спашуя работы мастерской
И съ надписью такой:
„Царю, въ которомъ чтили Бога,
„Царю, который былъ Владыкъ земныхъ красой:
„Въ немъ мудрость съ благоспѣю свяшой сое-
динялась
„И слава дѣль его вселенна удивлялась!“

*

Прочтя сіи слова, суровый Хань сказалъ:

Вопь памятникъ безцѣнный!

И съ уваженіемъ смопря на ликъ священный,
Исторію сего Царя онъ знашь желаль.

И что же въ оной прочипаль?

„Сей Царь,—нельспивая Исторія вѣщаешь,

„Вселенной въ казнь былъ грознымъ
небомъ дань;

„Былъ бичъ опечества и подданныхъ ширань;

„Вопль ушѣсненныхъ имъ еще не умолкаешь!“

Осполбенѣль Татарской Хань,

Окончивъ чшенье!—

— Къ чемужь, вскричалъ онъ въ уди-
вленьи:

Когда Исторія намъ правду говоритъ,

Ложь спашуѣ безспыдно льспишь?

„ Я разрѣшу швое неудоуѣнье!“

Татарину одинъ придворный опвѣчалъ:

„Сей памятникъ Царю при жизни былъ воз-
двигнушь;

„А испину объ немъ Историкъ написалъ,

„Когда онъ смершью былъ постиг-
нушь.“

Орестъ Соловѣ.

С М Ъ С Ъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ ПРО- СВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Юноша пишетъ сладоспныя мечпанія о будущемъ; мужъ дѣйствуетъ въ настоящемъ времени; а старцы ушѣшаютъ себя приятными воспоминаніями о прошедшемъ. Уваженіе къ Исторіи возрастаетъ съ лѣтами; чѣмъ болѣе человекъ приближается къ зрѣлости, тѣмъ болѣе обращается онъ къ самому себѣ; а изслѣдованія собственной природы столь тѣсно сопряжены съ познаніемъ предшествовавшаго, что безъ историческихъ свѣденій никакъ, ни въ какомъ дѣлѣ, не можешь дѣйствовать съ успѣхомъ. Чѣмъ образованнѣе человекъ, чѣмъ просвѣщеннѣе на-

родъ; шѣмъ болѣе любопышно проходишь въ умѣ всѣ степеня, по коимъ какъ пошъ, такъ и другой, достигли настоящаго своего совершенства; — шѣмъ занимательнѣе изслѣдованія о причинахъ ихъ возвышенія.

Замѣшаятъ, можетъ быть, что къ воспоминаніямъ прошедшаго прибѣгаемъ мы погда только, когда настоящее перестаетъ уже по прежнему снабжать насъ пищею: такъ почно какъ замѣчено, что словари пишущся погда, когда языки начинаютъ уже перьятъ первоначальную свою силу. — Но это софизмъ, который легко опровергнутъ можно. Не имѣемъ ли мы Испоріи рода человѣческаго? — а чело-вѣкъ существуешь, усовершеняется. —

Какъ бы то ни было, для просвѣщеннаго всема занимательно знаешь, какимъ образомъ достигъ онъ своего совершенства: — вопъ главный предметъ, который всегда предъ глазами имѣешь долженъ дѣписатель цѣлыхъ народовъ и частнаго чело-вѣка.

Не восхищительно ли для каждаго Россіянина видѣешь, какимъ образомъ великій народъ нашъ въ продолженіи многихъ вѣковъ преоборялъ всѣ препящствія, полагаемая его образованію. Съ шѣхъ времянь, когда предки наши были еще въ независимости кочующими дикарями, или доблестными въ брани воишелями, и когда наконецъ свѣшь Христіанства озарилъ просшран-

ное отечество наше, — коль многочисленныя преграды предспояли усовершенствованію Россіи! — Но со времянь опдаленнѣйшихъ и по наши дни, не взирая ни на поработченіе со стороны Татарь, ни на покоренія первопреспольнаго града, всегда были у насъ мужи, копорые въ тишинѣ домашней жизни, часы свои посвящали наукамъ. Сохраняшь имена, воспоминашь о прудахъ ихъ: — эшо долгъ каждаго сына Спечесва.

Существующія понынѣ извѣстія о постепенномъ усовершенствованіи отечественнаго просвѣщенія въ поль многихъ швореніяхъ разсѣяны, что въ наше время для составленія Исторіи просвѣщенія въ Россіи необходимо нужно напередъ приготоовить особые маперіалы. Просвѣщеніе или образованіе народа впрочемъ бышь можетъ разсмаприваемо съ столь разныхъ споронь, что и самыя маперіалы для Исторіи онаго шребуюшь подраздѣленій, дабы предспавить въ полнѣйшемъ видѣ всѣ памяшники, сооруженныя науками, искусствами и народною промышленностію. Но поелику Исторія Словесности какаго либо народа служить вмѣстѣ и ключемъ къ познанію онаго во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ: шо я рѣшился собиращать свѣдѣнія о пѣхъ сочиненіяхъ, въ коихъ упоминается о Россійскихъ ученыхъ или художникахъ и ихъ произведеніяхъ. Все, что мною собрано по сему предмету, покажетъ слѣдующее

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ИСТОРИИ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

1). *Journal des Sçavans*; à Paris. (*Журналъ Ученыхъ* въ Парижѣ). Это первое критическое сочиненіе, которое издавалось съ 1665 года сперва въ 4, а потомъ въ 8 долю листа, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Амстердамѣ. Мысль къ нему подаль *Бошаръ* (Bochart), присокупивъ къ своему *Герозоикону* разборы нѣкоторыхъ вновь выходящихъ книгъ (*). *Салль* (Salles) былъ первымъ издашелемъ сего Журнала, который продолжался до времени революціи ш. е. до 1793 года. Въ послѣдствіи времени *Ле Камю* и *Бодинъ* (Le Camus et Baudin) опять возстановили оный. — *Андрей Деклаустръ* (Andre Declaufstre) составилъ оглавленіе сего изданія по 1750 годъ, которое въ двухъ частяхъ напечатано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Table générale des matières contenues dans le Journal des Sçavans, depuis l'année 1665 jusqu'à 1750; Paris 1765. 8.* — Въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII вѣка есть спашьи

(*) Bocharti Hierozoicon, seu de animalibus sacrae scripturae. Londini 1663 in fol.; второе изданіе: Francofurti 1675 in fol.; шредіе и четвертоѣ: тамъ же 1690 и 1706 г. въ 4. Сочиненіе сіе помѣщено также въ полныхъ швореніяхъ Бошара, которыя въ трехъ частяхъ напечатаны въ 1692, 1707 и 1712 годахъ.

касающіяся Россійскихъ ученыхъ и вообще нашей словесности того времени.

2). *Acta eruditorum*; Lipsiae 1682—1731. *Труды ученыхъ*; въ Лейпцигѣ, коихъ съ прибавленіями всего вышло X частей. Съ 1732 по 1773 годъ сочиненія сіи издавались въ Лейпцигѣ же подъ заглавіемъ: *Nova acta eruditorum*. Первымъ издавателемъ славныхъ сихъ крипическихъ извѣстій былъ Профессоръ *Федоръ Отто Менкенъ*. Въ нихъ содержится много относящагося до Исторіи и Россійской словесности при Пётрѣ I; на пр: объ учрежденіи 1703 года Академіи въ Москвѣ. (см. 1705 г. стр. 383 и пр). Также съ похвалою упоминается (въ 1739 году на стр. 383) о неизвѣстномъ нынѣ швореніи: *Annales literarii Magnae Russiae, Poloniae, Lithuaniae, Prussiae, Livoniae et Curoniae*.

3). *Diarium biographicum* ab *Henningo Witte*; Gedani 1688; II части въ 4. *Дневникъ Биографическій Геннинга Витте*, въ кошоромъ вкратцѣ приведены писатели XVII вѣка. Данцигъ 1688 г. Второе изданіе напечатано въ Ригѣ 1691 г. (*)

4). *Henr. Wilh. Ludolfi Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam*. Additi sunt in forma dialogorum

(*) О сихъ первыхъ трехъ швореніяхъ см: J. T. Buhle—*Pro-lusio de auctoribus suppellectilis literariae Historiam Russicam proxime spectantis*; N. N. 13, 11 и 1.

modi loquendi communiore, Germanice aequae ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. *Охоні*, e Theatro Sheldoniano, a. MDCXCVI. 97 стр. въ 8.—(Генр. Вильг. Лудольфа *Россійская Грамматика*). За Лапинскимъ посвященіемъ Тайному Совѣшнику Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, слѣдующе Россійское Царю и Великому Князю Пепру Алексѣевичу, въ коемъ авторъ подписался: „Смирннѣиши **Рабъ Андрейшка Виллемка Лудольфъ**. Лудольфъ, уроженецъ Эрфурпскій; онъ былъ Кабинетскимъ Секретаремъ и въ 1683 г. посыланъ ко Двору Россійскому отъ Принца Датскаго Георга. Въ предисловіи упоминаетъ онъ объ отношеніи языка Россійскаго къ Славянскому и увѣряетъ, будто бы въ Россіи тогда утверждали, что *говорить должно по Руски, а писать по Славянски* (loquendum est Russice et scribendum Slavonice). До сего времени, говоритъ авторъ, проснымъ нарѣчіемъ напечатано одно только Уложеніе, въ коемъ однако конспрукція также болѣе сходствуетъ съ Славянскою, нежели съ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ. *Симеонъ Полотскій*, продолжаетъ онъ, въ *Духовномъ Обѣдѣ*, въ *Духовной вечери* и въ *Многоцвѣтномъ Вертоградѣ* по возможности избѣгалъ труднѣйшихъ реченій; но при всемъ томъ слова имъ употребляемыя суть Славянскія и часто непонятныя

(ignota). Къ сей же Грамматицѣ присовокуемъ оны спашью относящуюся къ Россійской Естественной Исторіи, въ коей вкратцѣ упоминается о Рускихъ минералахъ, прозябеніяхъ, живописныхъ и разноплеменныхъ жителяхъ (*).

5). *Nova Literaria maris Balthici et Septemtrionis; Lubecae ab a. 1698—1707*; X часпей въ 4 (**).

6). *Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts; à Tréroux*, изд.: съ 1701 г. Обзорѣніе или содержаніе сего памятника Исторіи наукъ и изящныхъ искусствъ помѣщено въ Амстердамскомъ изданіи Журнала Ученыхъ (*Journal des sçavans*). см. No 1.

7). *Freundliches Ansinnen an die Hrn. Liebhaber der Russischen Sprache, Bücher und Historie, Nachricht davon zu ertheilen; Narva 1702. 4.* (О Россійскихъ книгахъ, языкѣ и Исторіи). Авторъ, Николай Бергъ, бывшій Лифляндскій Суперинтендентъ, съ 1701 по 1706 г. былъ также Прокандлеромъ Пернавскаго Университета. Онъ же написалъ сочиненіе *Exercitatio Historico-Theologica de statu Ecclesiae et Religionis Moscoviticae* Holm. 1704. 8. (О состояніи Церкви и Религии Россійской). Мнѣ случилось свидѣть только Любекское III. е. второе изданіе 1709 г. въ 8. Въ первой главѣ (спр. 1—13.) авторъ приводитъ источники, изъ коихъ почерпалъ онъ свѣденія о Рус-

(*) См. *А. Селія* Каталогъ писателей, Ст. Лудольфъ.

(**) *Buhle Prologus*: No 4.

ской Церкви, съ мнѣніемъ своимъ объ оныхъ, а на стр. 150 *Бергъ* говоритъ о Россійскихъ пи-пографіяхъ.—Еще началъ онъ сочиненіе *de libris et re literaria Ruthenorum* (о Россійскихъ книгахъ и Словесности), которое однако имъ не окончано (*).

8). *Gabrieles Sjöberg Pernavia literata breviter concinnata et in lucem publicam emissa; Pernaviae 1703.* II части въ 4; обѣщанная третья часть не издана. Сочинитель сего шворенія о *Пернавскихъ ученыхъ, Сіобергъ (Шёбергъ)*, Шведскій уроженецъ обучавшійся въ Германіи, былъ Профессоромъ Логики и Метафизики въ Упсалѣ, откуда въ 1688 г. переведенъ въ возстановленный Дерптскій Университетъ. Попомъ въ 1702 г. вмѣстѣ съ Университетомъ будучи перемѣщенъ въ Пернаву, скончался 1704 г. (**).

9). *Christiani Gryphii (Rectoris olim apud Vratislavienses Magdalenaei) Apparatus sive Dissertatio isagogica de scriptoribus Historiam seculi XVII illustrantibus; Lipsiae MDCCX.* Въ швореніи семь: О сочинителяхъ XVII столѣтія, авторъ *Христіанъ Гриффій* XII главу (стр. 556—566) посвящилъ Писателямъ о Россіи (*De scriptoribus rerum Moscarum*).

(*) См. Nachrichten von den ehemaligen Universitäten zu Dörpat und Pernau, von H. L. C. Backmeister въ Müllers Samml. Russ. Gesch. Ч. IX. стр. 218—220.

(**) Сіобергъ въ сочиненіи семь желалъ изложить состояніе и успѣхи Пернавскаго Университета. Объ авторѣ, равно какъ и о прочихъ его ученыхъ занятіяхъ, см. Müllers Samml. Russ. Gesch. Ч. IX, стр. 149 и 243—247.

10). *Die gelehrte Fama*; Leipzig 1711. XII частей въ 8.

11). *Jo. Mich. Heineccius, Eigentliche und wahrhafte Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche*; Leipzig 1711. 4. Въ прибавленіи къ книгѣ сей Авторъ сообщилъ каталогъ писателей, пояснявшихъ своими сочиненіями Церковную Россійскую Исторію (*).

12). Въ царствованіе Петра I. *Баронъ Генрихъ Гизенъ* (Liber Baro Henricus de Huysen), бывший Военнымъ, Юстиціи и Спасскимъ Совѣтникомъ въ Россійской службѣ и съ 1703 г. воспитателемъ Царевича Алексѣя Петровича, написалъ сочиненіе: *Von den Russischen Schriftstellern (О Россійскихъ Писателяхъ)* съ изложеніемъ какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ оныхъ. Это безъ сомнѣнія поже самое твореніе сего автора, о коемъ предварительно упоминается въ No 41. Датскихъ Ученыхъ Вѣдомостей (in Ephemeridibus literariis Danicis) 1714 года подъ названіемъ: *Von den berühmten und gelehrten Männern Russlands*. О напечатаніи сей книги нынѣ споль же мало извѣстно, какъ и о существованіи самой рукописи (**). Бишингъ

(*) см. *Селія* — Каталогъ писателей, Сп. Гейнекцій.

(**) См. Новый опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ, помѣщенный въ *Журналъ: Другъ просвѣщенія* 1805 г. Ч. I. стр. 262 — 264 и Buhle — Prolusio No 5. — Болѣе однако найти можно въ извѣстіяхъ Датчанина Петра Фонъ Гавена (Р. v. Haven.), помѣщенныхъ въ твореніи: *Nue*

повѣспивуя о Баронѣ Гизенѣ въ своемъ Магази-
нѣ (*), о семъ твореніи ничего не упоминаеть.
Между прочими сочиненіями Гизена писанными по
повелѣнію Петра I. приводитъ онъ спсашьи *Объ
учрежденіи Школъ, Гимназій и Академій для обу-
ченія морскихъ и сухопутныхъ кадетовъ, также ху-
дожествъ и наукъ; объ ученомъ обществѣ правовѣ-
денія, Математики и Исторіи для изданія, раз-
смотрѣнія и перевода полезныхъ книгъ; объ учре-
деніи Публичной Библіотеки, также Кунстъ-Ка-
мѣра и Кабинета Натуральной Исторіи; объ
усовершенствованіи книгопечатанія; о почтахъ;
о мануфактурахъ; о Герольдіи и пр.* Извѣстія
о Россіи помѣщенные въ *Гибнеровомъ Staats-
Zeitungs-Lexicon* и другихъ, въ чужихъ краяхъ
издававшихся твореніяхъ, большею частію со-
общаемы были Барономъ Гизеномъ, который
по опечетивенной Исторіи и въ полипическомъ
отношеніи достоинъ вниманія.

13). Грекъ *Аѳанасій Скиада* (Athanasius Schiada),
бывшій учипелемъ въ заведенной при духовной
типиграфійи Греческой школѣ, по повелѣнію Пе-
тра I. въ 1723 г. на Лапинскомъ и Рускомъ

og forbedrede Underrættinger om det Russiske Rige (Новыя и
исправленныя извѣстія о Россійскомъ Государствѣ). II ча-
сти. Копенгагенъ 1747. Авторъ сего путешествія пользо-
вался жизнеописаніемъ Барона Гизена, имъ самимъ написан-
нымъ и, сколько извѣстно, ни гдѣ не напечатаннымъ.

(*) Büschings Magazin für die neuere Historie und Geographie.
Ч. X. стр. 317—326.

языкахъ составилъ и напечаталъ въ 4, въ числѣ
 пятидесяти токмо экземпляровъ *два каталога*
рукописныхъ книгъ Греческихъ, въ Синодальной
(Паптіаршей) Библиотекѣ въ Москвѣ обрѣтающихся
 (Catalogi duo codicum manuscriptorum Graecorum
 in Bibliotheca Synodali Mosquensi). Первый изъ
 сихъ Каталоговъ содержишь описаніе 50^и, а второ-
 вой 304^{хъ} рукописей. Въ присовокупленномъ къ
 симъ еще прешьемъ каталогѣ упомянуто о 93
 рукописяхъ хранящихся въ Московской Сино-
 дальной Типографіи. *Баронъ Гизенъ* одинъ эк-
 земпляръ сихъ каталоговъ послалъ къ Лейп-
 цигскому Профессору *Ө. О. Менкену* (см. Но
 2.) который перепечатавъ Профессоромъ *Кап-
 тиемъ* 1724 г. въ 8. подъ заглавіемъ: *Arsena*
bibliothecae Synodalis Mosquensis. (Тайнства Сино-
дальной Московской Библиотеки). Вновь перепе-
 чатавъ оный *И. В. Шереръ* въ сочиненіи сво-
 емъ; Nordische Nebenstunden, Frankfurt и Leip-
 zig 1776 г. въ 8; Ч. I. No. 13. — Еще до
 Скіады бывший въ Москвѣ Гамбургскій уро-
 женець *Шумахеръ*, который хорошо зналъ
 Восточные языки, составилъ Каталогъ руко-
 писей Синодальной Библиотеки, вѣроятно и по-
 нынѣ гдѣ нибудь въ С. Петербургѣ хранящій-
 ся (*). — Не довольствуясь симъ каталогомъ, Го-

(*) Знаменитый филологъ *И. Х. Вольфъ* изъ Гамбурга 23
 Октября 1725 г. писалъ въ Берлинъ къ *Ла-Крозу* (La-
 Croze): Vidisti procul dubio, Vir amicissime, Indicem Mss.

сударыня Екатерина II, чрезъ Тайнаго Совѣтника Теплова повелѣла Епископу Крутицкому Салуму (Мисдавскому), бывшему пошомъ Минпрополисомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, принявъ мѣры къ составленію полнѣйшаго и точнѣйшаго списка помянутыхъ рукописей, что имъ и поручено было Московскому Профессору *Маттею*. Изданіе такимъ образомъ вновь составленнаго каталога начало по приказанію Князя Пономкина въ Москвѣ 1776 года, въ самомъ большомъ форматѣ; но оно пресѣклось на первыхъ уже листахъ. За симъ въ С. Пешербургѣ напечатанъ оный 1780 г. въ 4. подъ заглавіемъ: *Index Codd. Mstorum graecorum Bibliothecarum Mosquensium S. Synodi*; ed. Chr. Frid. Matthaei. Но и симъ писаніемъ каталогъ мало еще сдѣлался извѣстнымъ. Новѣйшее же изданіе она-

Graecorum, quem Schiada nuper nobis dedit. Codices illos Petropolin propediem translaturum iri, ex literis Kohlii, novelli ibidem Professoris, accepi. — Accuratiorem eorum designationem a Cl. Schumachero profectam Petropoli exstare affirmat. «См. Thesaur. Epist. La Crozian. Т. II р. 217. — По Обстоятельному Каталогу рукописныхъ книгъ, къ Россійской Исторіи и Географіи принадлежащихъ и въ Академической Библіотекѣ находящихся, которой напечатанъ въ С. Пешербургѣ въ концѣ 1818 года въ 8. на сир. 46 значится также подъ No 68: *Каталогъ книгъ Греческихъ, Харапейныхъ и персидскихъ, находящихся въ тизницѣ Патріаршей 1718 г. а подъ No 69: Каталогъ Универсальной книгъ, находящихся въ Библіотекѣ Московской Типографіи*, оба въ 4. Но тѣ ли это самые списки, о коихъ упоминали *Коль* и *Вольфій*, мнѣ не извѣстно.

го вышло въ Лейпцигѣ 1805 г. въ II часпяхъ, въ 8 долю, подъ заглавіемъ: *Accurata Codd. graecorum Mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio; edita a Chr. Frid. Matthaei* (*).—Впрочемъ извѣстно, что Греческія рукописи доставлены въ Москву Іеромонахомъ Арсеніемъ (Сухановымъ), который вмѣстѣ съ Іеродіакономъ Іоною Маленькимъ въ 1649 г. по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича посланъ былъ во Святыя Мѣста Восточныя.

14). *Praesens Russiae literariae status: Epistola Michaëlis Schend van der Bech ad Koeleserum de Kereseer*, Principis Transylvaniæ Secretarium, e Petroполи primo Cal. Aug. anno qVo MagnVs petrVs CoeLos aDVoLaVerat (1725). *Нынѣшнее состояніе Словесности Россійской: Письмо Мих. Схендфана деръ Бехъ къ Келезеру де Керезеру, Секретарю Князя Трансилванскаго (**).* Писатель, Македонскій Грекъ, обучался въ Голландіи, былъ Философіи и Медицины Докпоромъ

(*) См. *Селія* каталога писателей, Ст. Скіада; — Buhle Prolegomena No 6; — Н. L. C. Vasmeister's Russische Bibliothek ч. IV. стр. 606. — Сочинитель Историческаго Словаря о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, объ одной изъ погрѣшнѣйшей сего послѣдняго изданія (относительно рукописи подъ No 353), упоминаетъ на стр. 266.

(**) См. Acta Phys. Med. Acad. Nat. Curios. Vindob. Ч. I. стр. 131. въ прибавленіяхъ къ No 7 и въ Galleria di Minerva. — Kohlíj Introductio in Histor. etc. p. 22; здѣсь Коль автора называетъ: Schendo vanderbegius; — Селія каталога стр. Бехъ; — Ж. Другъ Просвѣщ. 1805 г. ч. II. стр. 223.

и Медикомъ Россійскихъ военныхъ гошпиталей. Онъ скончался уже по возвращеніи изъ ссылки.

15). *Труды Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ*, а именно: а) *Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*, съ 1726—1747 XIV помовъ въ 4; б) *Commentarii novi Academiae S. P.* съ 1738—1776 г. XX помовъ. — с) *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolit.* XII часпей въ 4; — d) *Acta nova Academiae Scientiarum Imperialis Petrop.* Сихъ послѣднихъ по 1817 годъ вышло XV часпей въ 4. — Сюда же причислишь должно и *Санктпетербургскія Вѣдомости* издающіяся при Академіи Наукъ съ 13 Апр. 1728 г., копорыя до 1805 г. выходили въ 4, а нынѣ издаются въ листъ. Въ сихъ послѣднихъ пакже помѣщаются бывающіе извѣстія о разныхъ книгахъ, большею часпію однако книгопродавцами сообщаемыя. (См. также No. 30).

16). *L. Frischii quatuor Programmata de lingua et literis Slavonicis* (*Л. Фриша четыре программы о языкѣ и письменахъ Славянъ*): А) *Origo Characteris Slavonici, vulgo dicti Glagolitici, paucis generatim monstrata; ortus vero et progressus Characteris vulgo dicti Glagolitici, pluribus sigillatim descriptus, tamquam eximia historiae linguae Slavonicae pars; Berolini 1727. 4. (*)*.

(*) Въ Копенгагенской Вибліотекѣ хранится экземпляръ сего изданія, снабженный примѣчаніями Хр. Фр. Темлера.

B) *Historiæ linguæ Slavonicæ Continuatio IV capitibus: 1) de origine characteris Cyrilli speciatim; 2) de cultura linguæ Slavonicæ; 3) de typis novis Slavonico-Moscoviticis; 4) de dialecto Russica, tanquam filia linguæ Slavonicæ.*

C) *Historiæ linguæ Slavonicæ Continuatio secunda: Historia dialecti Venedicæ meridionalis s. Vinidorum in provinciis Austriæ vicinis, nimirum in Carinthia, Stiria, Carniola, Istria et Marchia Vinidorum; Berolini 1729. 4.*

D) *Continuatio tertia: de dialectis Venedorum in Lusatia, et in Ducatu Luneburgico.*

Изъ четырехъ сихъ сочиненій важнѣйшія для Исторіи нашей Словесности супъ безсомнѣнія два первыя; прочія же для насъ имѣютъ пошлѣко относителное достоинство, такъ какъ оныя касаются не прямо Россійскаго языка,

который будучи Посланникомъ въ Константинополь научился Илирійскому Дialectу и написалъ Славянскій Словарь (*Dictionarium Slavonicum autographum in 4. 1103 стр.*), въ рукописи хранящейся также въ Копенгагенѣ. См. J. Dobrowsky *Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland. Prag 1796. стр. 18 и 14.* Черезъ посредство извѣстнаго по ученымъ изслѣдованіямъ своимъ Копенгагенскаго Профессора Раске, пробывшаго при годѣ въ Исландіи и нынѣ готовящагося къ путешествію въ Восточную Индію, имѣлъ я случай получить списокъ съ небольшого сравнительнаго Словаря Славянскихъ нарѣчій съ другими преимущественно Сѣверными языками, который составляетъ симъ же *Теллерольдъ*.

✻

мо покмо другихъ нарѣчій одного съ нимъ происхожденія (*).

17). *Johannis Petri Kollii* in *Academ. Scientiar. Petropolitanae Histor. Eccles. et Human. Literar. Professoris Introductio in Historiam et rem literariam Slavorum*, imprimis sacram, sive *Historia Critica versionum Slavonicarum* maxime insignium, nimirum *Codicis Sacri et Ephremi Syri* duobus libris absoluta.—Accedunt duo sermones *Ephremi Syri*, nondum editi, de *Sacra coena*, fidei Lutheranae testes ac vindices. *Altonaviae MDCCXXIX.* (Io. Петра Колл руководство къ Исторіи и Словесности Славянъ, особливо Церковной, или Критическая Исторія Славянскихъ переводовъ, преимущественно же Св. Писанія и Ефрема Сирина).—Авторъ сего сочиненія, весьма достопримѣчательнаго по части Исторіи нашей Словесности, въ коёмъ между прочимъ упоминается также о разныхъ духовныхъ Россійскихъ Писателяхъ, былъ Профессоромъ Церковной Исторіи и Словесности при С. Петербургской Академіи Наукъ; сочиненіе же сіе напечаталъ онъ уже по возвра-

(*) Подобныя шворенія о разныхъ Славянскихъ нарѣчійхъ приводить Буле въ *Lit. d. allg. Nord. Gesch.*, стр. 378—386. Новѣйшая же въ отношеніи къ сему предмету книга, есть второе изданіе Добровскаго сочиненія: *Geschichte der Böhmischen Sprache und ältern Literatur. Prag 1818.* 408 стр. въ 8. (первое изданіе напеч. въ Прагѣ 1792 г.) Добровскій помянулъ здѣсь также Исторію Славянскаго языка.

щеніи въ свое опечество 1729 года (*). — Эта книга, говоришь Шлецеръ (**), теперь забыта, но содержишь въ себѣ очень много хорошаго.

18). *Sammlung Russischer Geschichte von Gerh. Fr. Müller.* 8. *Собрание Россійской Истории Герг. Фридр. Миллера*, Профессора Истории въ Академіи С. Пешербургской; въ коемъ участвовали также Адъюнктъ *Крамеръ* и Профессоръ *Байеръ*. Творенія сего, важнаго особливо для Истории Россійской, и выходившаго съ 1732 по 1737 г., а потомъ съ 1758—1764 г., издано Миллеромъ всего IX часшей. Новое изданіе онаго, въ копоромъ статьи расположены по матеріямъ, послѣдовало въ Оффенбахѣ 1777 г. въ V часпяхъ подъ заглавіемъ: *Sammlung Russischer Geschichte des Herrn Collegienraths Müllers in Moskaw.* In einer mehr natürlichen Ordnung als bey der ersten Herausgabe geschehen konnte. Offenbach 1777—1779 въ 8. Нынѣ съ 1816 года Гг. *Густавъ Эверсъ* и *Морицъ фонъ Энгельгардъ* спали издавашъ въ Дерптѣ продолженіе сего Собранія, коего по нынѣ вышло два опдѣленія соспавляющія вмѣстѣ X ю часть. Продолженіе

(*) Другое сочиненіе *Коля de Ecclesia Graeca Lutheranizante* etc. напечатано въ Любекѣ 1723 г. 8. — О неисполненномъ впрочемъ, сколько извѣстно, намѣреніи его издашь сочиненіе: *de Diis. sacrisque Scythicis*, см. *Thesaur. Epist. La-Crozian.* Ч. III. стр. 224; *Buhle Lit. d. allg. Nord. Gesch.* Ч. I. стр. 160.

(**) Введеніе къ переводу сличеннаго Неспора стр. рж.

сїе по второму своему заглавію называется также: *Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte*; herausgegeben von Gustav Evers und Moritz von Engelhardt; I Bandes I Hälfte 1816; 2 Hälfte 1818. Въ Миллеровомъ Собраніи весьма часто упоминается о Россійскихъ Писателяхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣшскихъ.

19). *G. W. Leibnitii Epistolae ad diversos*; Lips, 1734. *Г. В. Лейбница письма къ разнымъ лицамъ*. Нѣкоторыя изъ оныхъ, особливо же писанныя къ *Ла-Крозу*, относящяся до Исторіи Славянскаго языка (*).

20). *Adami Burchardi Sellii Schediasma literarium de scriptoribus, qui Historiam Politico-Ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*; Revaliae 1736. 8. — *Литтературная записка о Писателяхъ объяснявшихъ сочиненіями своими Политическую и Церковную Исторію Россійскую*. Въ сей книжкѣ *Адамъ Бурхардъ* (Никодимъ — Неспоръ?) *Селлій* по алфавиту изчислилъ (кромѣ безымянныхъ) 164 автора, писавшихъ до его времени хопя нѣчто о Россіи (**). Сочиненіе сїе спараніемъ нынѣшняго Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Кур-

(*) Buhle Lit. d. allg. Nord. Gesch. T. I. s. 380.

(**) О другихъ сочиненіяхъ *Селлія*, равно какъ и общаго-дѣльствахъ жизни его, см. *Ж. Друзъ Просвѣщенія* 1805 г. Ч. I. стр. 110—115. смаш. *Адамъ Б. С.* или *Историчес. Словаря о Духовн. Писател.* стр. 463—470. смашью *Никодимъ С.*; — Buhle Prologio No 9

ляндскаго *Евгенія*, въ бытность его Вологодскимъ Епископомъ, переведено въ памошней Семинари и въ 1805 году съ присовокупленіемъ жизни сочинителя напечатано въ Москвѣ подъ заглавіемъ: *Катологъ Писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ Гражданскую и Церковную Россійскую Исторію, Сочиненный Адамомъ Селлемъ*. 68 стр. въ 8. — При всемъ уваженіи къ иудамъ сего ученаго Монаха Александро-Невскаго Монастыря, должно однако, сознаваться, что сочиненія его не можно почестъ досповѣрнымъ источникомъ (*). — Автора сего впрочемъ не должно смѣшивать съ однофамильцемъ его, Данцигскимъ уроженцемъ, *Готфридомъ Селлемъ*, бывшимъ въ 1735 г. Профессоромъ въ Геттингенѣ, а попомъ учителемъ Нѣмецкаго языка въ Парижѣ, и переведшаго на Французскій языкъ Путешествіе С. Пепербургскаго Академика *Гмелина* по Сибири.

21). *Rud. Aug. Noltenii Diatribe litteraria de genuinis Historiæ Russicæ fontibus. Lipsiæ*

(*) См. Сов. *Ө. П. Адельунгъ* въ книгѣ: *Siegmund Freiherr von Herberstein etc. St. Petersburg 1818. 8.* въ разныхъ мѣстахъ упоминаеть объ ономъ, исправляя его погрѣшности. См. примѣч. на стр. 315 также стр. 333 и 335. Сочинитель Историческаго Словаря о Духовныхъ Писателяхъ, положившись на него, также говоритъ, что Баронъ Герберштейнъ, Посланникъ Римскаго Императора Максимилиана II, призжалъ въ Россію въ 1497 и 1523 (вмѣсто 1517 и 1527) годахъ; стр. 265.

MDCCXXXIX; 28 стр. въ 4. *Рудольфа Августа Нольтена извѣстiе объ источникахъ Россiйской Истори* написанное имъ въ память посольства (*Барона Крамма*) бывшаго оу Герцога Брауншвейгъ-Линбургскаго Антона Улриха къ Россiйскому Двору въ 1739 году. Упомянувь о древнихъ авшорахъ, копорые говорили о Скии и Сармацiи, Нольтенъ приводитъ нѣсколько Нѣмецкихъ о Россiи Писателей; коснувшись же Шведскихъ Лифляндскихъ, Польскихъ и Прусскихъ Сочинителей, служащихъ къ поясненiю Россiйской Истори, онъ переходитъ къ тѣмъ, копорые непосредственнѣо писали объ опечетвенной нашей Истори или вообще, или о частныхъ предметахъ оной; попомъ приводитъ онъ авшоровъ книгъ о Воспочнои Церкви, о гражданскомъ и военномъ соспоянiи Государства, именуешь жизнеописателей отличныхъ мужей Россiйскихъ, и наконецъ тѣхъ, копорые писали объ Имперашорскомъ Титулѣ и Россiйскомъ правѣ.

22). *Thesaurus Epistolicus Lacrozianus. Ex bibliotheca Jordaniana* edidit. Io. Ludov. Vhlius; Lips. 1742 — 1746. 4. Мы выше уже упомянули о *Ла-Крозѣ* (въ примѣч. къ сп. 13 и въ сп. 19); важнѣе прочихъ въ семь собранiи сунъ письма *Лейбница* и Санктпешербургскаго Академика *Байера*.

23). Въ 1442 году напечатана въ II частяхъ *Ростись Библиотеки Санктпешербургской Акаде-*

ми Наукъ (Catalogus Bibliothecae Imperialis Petropolitanae; Petropoli 1742. 8.) копорою и Сопиковъ пользовался при сочиненіи Опыта Россійской Библиографіи. По сей Росписи въ Академіи было всего 394 печатныхъ и 333 рукописныхъ книгъ, изъ коихъ 50 твореній погребло по случаю бывшаго въ 1747 году пожара. Съ 1748 же по 1776 годъ Библиотека Академіи по словамъ Бакмейстера возросла до 1860 печатныхъ (со включеніемъ дублеповъ) и 500 рукописныхъ книгъ (*).

24). *Nachricht von der Stadtbibliothek der Stadt Riga*. Riga 1743. въ листъ. (О Рижской Библиотекѣ).

25). G. A. Heu *Historia Academiae Petropolitanae*; Cassellis 1744. 8. (Гел Исторія С. П. Б. Академіи Наукъ).

26). РОЗЫСКЪ ѿ РАСКОЛНИЧЕСКОЙ БРѢННОСТИ ВЪ
 РЪ, ѿ ОУЧЕНІИ НѢХЪ, ѿ ДѢЛАХЪ НѢХЪ И ИЗЛА-
 ГЕНІЕ СЯКѸ ВЪ РА НѢХЪ НЕПРАВА, ОУЧЕНІЕ НѢХЪ ДѢ-
 ШЕВРЕДНО, И ДѢЛА НѢХЪ НЕ БГОУГОДНА. Въ прехъ
 часняхъ.—Св. Димитрій Ростовскій рѣшилъ со-
 чинить книгу сію попому, что написанныя
 предъ симъ Московскими Папріархами въ об-
 личеніе раскольниковъ заблужденій двѣ убъ-
 дительныя книги: *Жезль правленія* и *Увѣтъ
 духовный*, мало были извѣстны въ его Епар-
 хіи, поелику раскольники истребляли оныя.

*) Jean Basmeister; Essai sur la Bibliothèque etc. стр. 90.

Въ семь пѣвереніи въ первый разъ различены всѣ раскольническія секшы. Оно сочиненіемъ окончено невадолго уже до смерти автора, и. е. въ 1709 году, однакожь онъ успѣлъ оно списками разослать по Епархіи. Первое изданіе напечатано въ Москвѣ 1746 года въ листъ; второе въ Кіевѣ 1748 года въ 8; третье и четвертое въ Москвѣ 1755 и 1762 оба въ листъ, а потомъ уже многократно въ Москвѣ и Кіевѣ (*). Св. Димитрію Ростовскому также обязаны мы первымъ на *Россійскомъ* языкѣ писаннымъ, но весьма крапкимъ, извѣстіемъ о началѣ книгопечатанія въ Россіи. Однако мнѣніе его, будто при Лжедимитріи уничтожена Московская Тинографія, — возстановленная потомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Феодоровичемъ, — которое въ послѣдствіи времени принято также *Колемъ*, *Бахмейстеромъ* и *Шлецеромъ* (**), оказалось несправедливымъ: ибо въ Библіотекѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ былъ *Апостоль*, напечатанный при Лжедимитріи; а по Каталогу Императорской Библіотеки значится

(*) См. *Словарь Историч. о Духовныхъ Писателяхъ*, статья о Св. Димитріѣ, Митрополитѣ Ростовскомъ.

(**) *Розыска*. ч. 1, г. 8.; — Kohlii Introductio p. 17; — Vasmeister Essai sur la Bibliothèque etc. p. 21; — *Шлецеръ* *Исторія* Введ. стр. 94.

шакже книги выхоу 1610, 1616, 1618 п 1619 годовъ (*).

27). *В. Тредяковскаго Разговоръ съ пріятельмъ объ Орвографіи Россійской*; С. Петербургъ 1748 г. 8. На стр. 359 ѣ авторъ между прочимъ говоришь о судьбѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ буквъ по случаю изобрѣшенія Пепромъ I. новаго почерка гражданской печати.—Въ Академическихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 г. ч. I. стр. 467 — 510 помѣщено его же *Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ*.: Тредьяковскій сочинилъ шакже книгу: *Россійской Парнасъ*, кошо-рая однако не напечатана (**).

28). *Leben des Adj. Georg Wilhelm Steller's*. Francfurt. a. M. 1748. 8. (*Жизнь Г. В. Стеллера*.)

29). *Nachricht von dem Tode des Prof. Richmann's* Danzig. 1753. 8. (*Извѣстіе о кончинѣ Профессора Рихмана*).

30). *Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащихъ*; всего XX часп. въ 8. Сіе первое на Россійскомъ языкѣ періодическое сочиненіе, коего нѣкоторыя часпи напечатаны уже вшорично, издавалось при Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ съ Генваря 1755 г.

(*) *Ж. Другъ Просв.* 1806 г. ч. IV стр. 155.—Предувѣдомленіе къ *Опытъ Рос. Библіогр. Соликова* стр. LXVIII;—*Истор. Слов. о Дух. Писат.* стр. 282.

(**) *Новикова Опытъ Исторіи, Слов. о Росс. Писател.* стр. 219.

до конца 1764 г. — Въ изданіи онаго преимущественно участвовалъ Академикъ *Гер. Фр. Миллеръ*. Къ важнѣйшимъ спашьямъ помѣщеннымъ въ семь швореніи принадлежать, напечатанныя пакже въ Миллеровомъ собраніи (*Sammlung Russischer Geschichte*): *Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю съ Россійской стороны учиненныхъ—1758 г. ч. I. и II.*; *Извѣстіе о находящихся съ Западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ, народахъ и земляхъ, и о ихъ состояніи въ 1727 году,—1760 г. ч. II.*; *Извѣстіе о Ландкартахъ касающихся до Россійскаго Государства и проч.—1761 г. ч. II.*; *Описаніе Каспійскаго Моря и проч.—1763 г. ч. I. и проч.* — Справедливо ли однако приписываютъ Барону Гизену помѣщенное Миллеромъ въ I. ч. 1761 г. начало *Опыта новѣйшей Исторіи о Россіи*, еще не извѣстно, хотя Селлій (въ 1736 году) дѣйствительно увѣрялъ, что дерзкіе и неблагодарные пользуются прудами его, выдавая ихъ за собственныя свои произведенія (*).

31). *Московскія Вѣдомости* издаваемыя съ 1756 года при Московскомъ Университетѣ въ 4. Въ Газетахъ сихъ Книгопродавцами обыкновенно припечатываемы бывають извѣстія о

(*) См. *Селлія катологъ* стр: Гизень;— *Ж. Друзъ Прогр.* 1806 г. ч. IV. стр. 264;—*Buhle Prolusio* No. 5. —

выходящихъ вновь и продающихся у нихъ книгахъ. Сопиковъ въ Опытѣ Росс. Библиографіи подь No 2711 упоминаеть также о разныхъ стапьяхъ которыя издавались въ видѣ приложеній къ симъ Вѣдомостямъ. —

32). *Discours sur les progrès des beaux arts en Russie par Lefèvre.* 1760. 8. (Рѣчь объ успѣхахъ искусствъ въ Россіи соч. Лефевра).

33). *Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland, herausgegeben von A. Fr. Büsching.* Leipzig, Königsberg und Mitau 1764 и 1765 г. въ 8. *Ученыя разсужденія и извѣстія о Россіи А. Ф. Бюшинга*; въ одной часпи.

34). I. H. Frommann et I. F. Wölfling *Structura de statu scientiarum et artium in Imperio Rossico,* Tubingae 1766. 4. — (О состояніи наукъ и искусствъ въ Имперіи Россійской, Сочин. Фромманна и Вѳлингга). Фромманъ былъ Профессоромъ Филологіи въ Москвѣ. Въ сочиненіи семь упоминаеться о многихъ, по большой части погоже времени, духовныхъ и свѣпскихъ писателяхъ.

35). *In originem et historiam Alphabeti Slavonicæ, Glagolitici, vulgo Hieronymiani, disquisitio, antiquitatis populorum Septentrionalium rei que literariae Slavonicæ et Runicæ studiosis a Clem. Grubissichio proposita;* Venetiis 1766. 8.

36). Въ помъ же 1766 году напечатано было въ нѣкопормъ (?) Лейпцигскомъ журналѣ, сообщенное какимъ по пупешественникомъ

известіе о разныхъ Россійскихъ писателяхъ, ко-
пюрое однако по свидѣтельствъ Новикова (*)
„весьма крапко индѣ не весьма справедливо,
„а въ другихъ мѣстахъ приспраспно напи-
„сано.“ Должно бы думать, что спашья сія
напечатана была въ трудахъ Лейпцигскихъ у-
ченыхъ (Acta Eruditorum, см. Но 2): но шакъ
какъ она написана на Нѣмецкомъ языкѣ; шо
конечно помѣщена въ другомъ какомъ либо по-
временномъ изданіи.

37). *Io. Bilmark de statu literarum antiquo et ho-
dierno in Imperio Russico*, Aboae 1767. 4. (И.
Бильмарка сочиненіе О древнемъ и нынѣшнемъ
состояніи Литературы въ Россіи).

38). *Büsching's Magazin für die neue Historie und
Geographie*. Halle 1767—1789; XXII части въ 4.
Бюшингъ неусыпно собиравшій свѣдѣнія о Рос-
сіи, помѣщаль оныя въ семь *Магазинѣ*. Особен-
ное вниманіе кажется заслуживаетъ для Испо-
рій Россійской Словесности помѣщенное въ IX
части извѣстіе о сочиненіяхъ относящихся до
Россійской торговли (*Verschiedene Russlands Han-
del betreffende Schriften*) стр. 123—256.

39). *Beschreibung derer Bemühungen der Glieder der
Kaiserlichen Akademie der drey vornehmsten Künste*.
St. Petersburg 1768. 8. (Описаніе Занятій Членовъ
Императорской Академіи Художествъ).

(*) Въ предисл. къ Опыту историк. Слов. о Росс. писате-
ляхъ.

40). *Haigolds (Schlözers) neuverändertes Russland.* I. Th. Riga und Mitau 1767. 8; II Th. Riga und Leipzig 1772. 8. (*Вновь преобразованная Россія*). Здѣсь въ I части, на стр. 185—246, помѣщена статья объ учрежденіи И. Академіи Художествъ въ С. Петербургѣ.

41). *Rerum Russicarum Scriptores aliquot eosque notabiles atque illustres sistit et recenset Ioan. Andr. Godofr. Schetelig, Ioannei Hamburgensis collega.* A. O. R. MDCCLXVIII; Hamburgi. XXIII стр. въ 4. (*Разборъ нѣкоторыхъ писателей о Россіи*). Въ сочиненіи семь Шетелигъ разсмаприваетъ только прехъ авторовъ писавшихъ о Россіи. Повѣспвуя въ *Герберштейнѣ* онъ служилъ пакже Э. П. Аделунгу источникомъ къ сочиненію книги: *Siegmund Freihort von Herberstein; St. Petersburg 1818.* Помомъ обращается онъ къ сочиненію Датчанина *Якова Ульфельда* *Hodoerogicon Ruthenicum etc. Francof. MDCVIII. 4.* (или изд. второе *Iacobi Vlfeldii legatio Moscovitica sive hodoerogicon Ruthenicum etc. Francof. 1627. 4*); окончиваетъ же сочиненіе свое Шетелигъ извѣспіями о путешествіи *Барона Майерберга: Iter in Moschouiam Augustini Liberi Baronis de Mayerberg etc. an. MDCLXI.*

42). *Aug. Ludw. Schlözers Probe Russischer Annalen; Bremen und Göttingen. 1768. 8.* (*А. Л. Шлөцера опытъ о Рускихъ Лѣтописяхъ*).

43). Егоже *Allgemeine Nordische Geschichte oder*

allgemeine Welthistorie. Thl. XXXI; Halle 1771. 4. (Общая Свѣтская Исторія).

44). *Николая Новикова, опытъ историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ*. С. Петербургъ 1772 г. въ 8. *Новиковъ* многія извѣстія объ умершихъ и живыхъ, еще сочинителяхъ собралъ изъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и пользовался даже словесными преданіями; большая же часть спящей объ Историкахъ, сколько извѣстно, сообщена ему *Г. Ф. Миллеромъ*; о духовныхъ писателяхъ *Н. Н. Бантышемъ Каменскимъ*; о стихотворцахъ *А. П. Сумароковымъ*. Словарь *Новикова* не могъ быть удовлетворителенъ, но какъ первый опытъ въ семь родѣ онъ заслуживалъ всякое одобреніе, вмѣсто чего однако онъ принялъ даже съ бранью (*).

45). *Abhandlung von Livländischen Geschichtschreibern*; Riga 1772. 270 стр. въ 8. — Хотя сочиненіе сіе по заглавію своему относится только до Историковъ Лифляндскихъ, однако въ ономъ авторъ (*Галебушъ*) упоминаетъ также неоднократно о такихъ книгахъ, которыя непосредственно касаются и самой Россіи.

46). *Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland, herausgegeben von Hartwich Ludwig Christian Baccmeister*. St. Petersburg, Riga und Leipzig 1772 — 1789.

*) *Солитова* въспытъ Росс. Библиогр.; предувѣдомл. стр. XV.

ХІ частей въ 8. *Россійская Библиотека для познанія состоянія Словесности въ Россіи*. Издашель Надв. Сов. Гаршв. Лудв. Хрисп. Бакмейстеръ съ 1772 до 1787 года сообщалъ въ оной извѣстія о важнѣйшихъ печатаемыхъ въ Россіи книгахъ, а въ 1789 году окончилъ онъ послѣднюю или ХІ часть общимъ оглавленіемъ всего пворенія, которое почестъ можно главнымъ испочникомъ Библиографіи того времени.

47). *Schmidt Phiseldock's Beiträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland*; Riga 1772. 8. — Шмидтъ Фисельдекъ написалъ и другое еще сочиненіе подь заглавіемъ: *Materialien zur Russischen Geschichte seit dem Tode Peters des Grossen*; Riga 1777—1788; III части въ 8.

48). *A. F. Büsching's Wöchentliche Nachrichten*. Бюшинга еженедѣльные извѣстія издавались въ продолженіи 15 лѣтъ, съ 1773—1787 г., въ Берлицѣ. Въ 1775 г. помѣщена между прочимъ статья о Профессорѣ Ловицѣ, извѣстномъ измѣреніями дѣланными имъ надъ Волгою (Сл. N. 55.).

49). *Слово похвальное М. В. Ломоносову*, писанное Мих. Муравьевымъ; С. Петербургъ 1774 г. въ 8.

50). *Essai sur la littérature Russe*; à Livourne 1774. 8. (Опытъ о Россійской Словесности).

51) *Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'Histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg*; par Jean Bacmeister, Sous-

bibliothécaire de l'Académie des sciences; (St. Pétersbourg) 1776. Кромѣ разныхъ любопытныхъ извѣстій до самой Академіи Наукъ относящихся, *И. Бакмейстеръ* въ семь *Опытъ о Библиотекѣ и Кабинетѣ рѣдкостей и Исторіи Натуральной С. Петербургской Императорской Академіи Наукъ* на стр. 91—106 касается также Исторіи книгопечатанія, сообщая извѣстія о первыхъ на Славянскомъ языкѣ изданныхъ книгахъ. Переводъ сего сочиненія на Россійскій языкъ сдѣланный *Вас. Костыговымъ* напечатанъ въ С. Петербургѣ 1779 г. въ 8; — а Нѣмецкій переводъ: *Versuch über die Bibliothek und das Naturalienkabinett der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg*, помѣщенъ въ *St. Petersburgisches Journal* 1777 г. въ III части, и сверхъ того напечатанъ также особою книжкою.

52). *Исторія о невинномъ заточеніи ближняго Боярина Артемона Сергіевича Матвѣева* и пр. изданная *Н. Новиковымъ*; С. Петербургъ 1776 г. 8. Книга сія, напечатанная по повелѣнію Государыни Екатерины II, содержитъ челобитныя Боярина Матвѣева къ Царю, Патриарху и разнымъ Вельможамъ Московскимъ. Несчастный Матвѣевъ, любимецъ народа и Царя своего Алексѣя Михайловича, — Матвѣевъ, которому народъ и спрѣльцы Московскіе для фундаменша Палаты его, за неимѣніемъ другихъ матеріаловъ, по собственному лобужденію

пожертвовали надгробными камнями опцевъ и праопцевъ своихъ, — преемникомъ престола посланъ въ започеніе въ Пусто-озерскій острогъ, гдѣ будучи лишень всего имѣнія, (всей рухляди), въ бѣдствіи провель цѣлыхъ семь лѣтъ. — Письма, писанныя имъ въ оправданіе свое, чрезвычайно любопытны для Исторіи погдашняго времени. Въ нихъ чинатели усмотрѣшь могутъ степень образованія Россіи до Петра I; и уваженіе къ славному Преобразователю нашего Отечества, невольнымъ образомъ должно усугубиться въ сердцахъ безприспирасныхъ.

53). *Deutsches Musäum*; Leipzig 1776—1788; всего XIII годовъ по 12 нумеровъ въ 8. — Въ 1776 г. помѣщено извѣстіе о кончинѣ Профессора *Ломница*, а въ 1777 г. напечатана жизнь *Фалька*, вочиненная *Георгіемъ* (см. No 48).

54). *Латинская Бургіева Риторика*, изданная *Н. Н. Бантышемъ-Каленскимъ*; Москва 1776. 12. второе изд. 1779 г. При концѣ сей книги, кромѣ жизнеописанія автора, приложена систематическая роспись до 700 Россійскихъ книгъ (*).

55). *Санктпетербургскія ученые вѣдомости*, коихъ съ 1777 года въ продолженіи трехъ лѣтъ вышло 22 номера въ 8. Онѣ содержали въ себѣ сужденія о новыхъ Россійскихъ книгахъ.

56). *St. Petersburgisches Journal*. — С. Петербург-

(*) *Ж. Друзъ Просвѣтъ* 1806 г. ч. II. стр. 149.

скій Журналъ сей началъ издаваться въ С. Петербургѣ съ 1776 г.; попомъ съ 1781 г. переименованъ оный въ *Neues St. Petersburgisches Journal*, подъ каковымъ названіемъ и продолжаемъ былъ до 1784 года въ 8. Издашеlemъ сего Журнала былъ М. Арндтъ, который въ періодическомъ сочиненіи своемъ сообщалъ также извлеченія изъ книгъ. Здѣсь между прочимъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1780 г. на стр. 419—426 помѣщено извѣстіе о семействѣ Шлаттера и о заслугахъ онаго по горной и монетной части въ Россіи.

57). *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, коего вышло съ Генваря 1778 г. до Юля мѣсяца 1781 г. VII частей въ 8. Въ составъ Журнала сего, согласно съ полнымъ оглавленіемъ онаго, входили: „всѣ Указы Ея Императорскаго Величества и Правительствующаго Сенапа; извѣстія о достопамятныхъ происшествіяхъ въ „споллицахъ, въ намѣстничествахъ и Губерніяхъ; *Росписаніе всѣмъ выходящимъ въ Государствѣ книгамъ съ краткимъ разсужденіемъ объ „онихъ*; разныя мѣлкія сочиненія, для полезнаго и пріятнаго чтенія; перечень важнѣйшимъ „иноспраннымъ новостямъ и проч.“ — Извѣстія о книгахъ заслуживають вниманіе.

58). *Meusel's Miscellen artistischen Inhalts*. Во второй изъ 30 книжекъ сего сочиненія, выходившаго въ Эрфуртѣ съ 1779 по 1787 г. въ 8, Спашскій

Совѣтникъ Стелинъ (von Stählin) помѣспилъ списокъ опличныхъ Россійскихъ художниковъ (Verzeichniß der vornehmsten Künstler in Russland).

59). *Levesque, Catalogue raisonné des principaux ouvrages qui ont servi à la composition de l'Histoire de Russie.* Каталогъ сей напечатанъ въ началѣ первой части Истории Левека: *Histoire de Russie tirée des Chroniques originales, de pièces authentiques, et des meilleurs Historiens de la nation; Paris M.DCC.LXXXII.* стр. XIV—XXXII. (*).

60). *Совѣтникъ Любителей Россійскаго слова.* Журналъ издававшийся въ С. Пестербургѣ въ 1783 и 1784 г. XVI частей въ 8. Здѣсь, сдущя 28 лѣтъ послѣ *Тредьяковскаго* (см. No 27), *Ипполитъ Богдановичъ*, помѣспилъ свое сочиненіе о древнемъ и новомъ стихосложеніи. Липераторы наши безсомнѣнія прибѣгнутъ къ журналу сему погда, когда спануть опредѣлять точное значеніе разныхъ подобнозначущихъ выражений: ибо здѣсь подъ спашьею *Сословникъ* помѣщаемы были опышы о Синонимахъ Рускихъ.

61). *Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen; insonderheit gelehrter Männer; Halle 1783—1789.* Здѣсь помѣщено также жизнеописаніе *Гергарда Фридриха Миллера*, кошорое напечатано Бюшингомъ особо подъ заглавіемъ: *Lebensbeschreibung des Sel. Wirkl. Statsraths G.*

(*) О достомиствѣ самаго Левека см. введеніе къ *Шлецерову Исторіи*.

F. Müller. Herausg. von A. F. Büsching. Berlin 1788. 8.

62). *Eloge de Mr. Léonard Euler par Nicolas Fuss, avec une liste complète des ouvrages de Mr. Euler; St. Petersbourg. 1783. 4.*—*Н. И. Фуса Похвальное Слово Эйлеру.*—Такое же напечатано и въ Hist. de l'Acad. Royale des Sciences. Année MDCCLXXXIII; à Paris 1786. № 4. стр. 37—68.—На Нѣмецкомъ языкѣ: Lobrede auf Euler von N. Fuss. Basel 1786. 8; также въ Gallerie historischer Gemälde aus dem XVIII. Jahrhundert, von Samuel Baur; 18b4. 8. стр. 88—93.—На Англійскомъ языкѣ Memoirs of the life and writings of the late celebr. Lh. Euler, въ Европейск. Магазинѣ 1786 г. No II.

63). *Житіе Святѣйшаго Патріарха Никона, сочиненное Иваномъ Шушеринымъ и издаваемое со списка Иверскаго монастыря Осипомъ Петровичемъ Козодавлевымъ 1784 г. въ Санктпешербургѣ.* Изъ сей же книги Миллеромъ 1761 г. напечатано было извлеченіе въ V части Sammlung Russischer Geschichte; а *Бахмейстеръ* по подробное сокращеніе оной издалъ въ Ригѣ 1788 г. (*).

64). *Краткое введеніе въ лѣтописаніе Всероссийской Имперіи; С. Пешербургъ 1785 г. 8.* Книгу сію Профессоръ Буле причисляетъ къ ист-

(*) См. Историч. Олов. о духовн. Писател. стр. 482 и 483. Въ Библіотекѣ И. Академіи Наукъ хранится также рукописное извѣстіе о рожденіи и воспитаніи Никона Патріарха Московскаго; см. прибавленіе къ обстоятельному дашамогу No 41 на стр. 43.

щочникамъ Исторіи Росс. Словесности; вѣро-
яшно, что онъ разумѣлъ: *краткое введене въ
бытописаніе Всероссийской Имперіи*, сочиненное
Сп. Сов. *Безакомъ*, Профессоромъ при сухопут-
номъ Кадетскомъ Корпусѣ (*).

65). *Растущій виноградъ*, ежемѣсячное сочи-
неніе, которое издавалось отъ Главнаго народ-
наго училища Святаго Петра, съ Апрѣля мѣ-
сяца 1785 по Маршъ 1787 г. въ 8. — Къ важ-
нѣйшимъ спашьямъ сего Журнала причислить
должно разсужденіе о народномъ просвѣщеніи
въ Европѣ и письмо къ Тайн. Сов. Тюммелю
Осипа Петровича Козодавлева; извѣстія о Сла-
вянскомъ народѣ, Коха; опыты изьясненія дре-
внѣйшихъ о Сѣверныхъ народахъ извѣстій (по
IV и V кн. Иродота); разсужденіе о Кипайцахъ;
о Геркуланѣ; о началѣ и происхожденіи горъ;
письма о началѣ наукъ и народовъ Азійскихъ;
шашке мнѣніе С. Пепербургской Губерніи Совѣсп-
наго суда, по дѣлу Кол. Асс. Гарезина и проч.

66). *Зеркало свѣта*, еженедѣльное сочиненіе
издававшееся *Федоромъ Туманскимъ* и *Петромъ*
Богдановичемъ въ С. Пепербургѣ съ 9 Фев. 1786
до 24 Дек. 1787 г. Почти въ каждомъ номерѣ
сего журнала находящіяся любопытныя извѣстія о
лучшихъ Россійскихъ и иностранныхъ книгахъ.

67). *Bellerman's Bemerkungen über Russland in
Rücksicht auf Wissenschaften, Kunst und Religion.*
Erfurth. 1788. II части въ 8.

(*) *Buhle Prolusio* No. 28; *Ж. Другъ Просв.* 1806 г. ч. II. стр. 221.

68). *H. L. C. Bacmeister, Projet d'une Bibliothèque peu nombreuse, pour servir à donner quelque connoissance de l'état de l'Empire de Russie depuis les tems les plus reculés jusqu'à nos jours; St. Petersbourg 1789. 8.*—Г. А. Х. Бакмейстера проектъ немногочисленной библиотеки служащей къ познанію состоянія Россійскаго Государства съ отдаленнѣйшихъ временъ по настоящія (*).

69). *D. Anton Friedr. Büschings Lebensgeschichte von ihm selbst beschrieben; Halle 1789. (8. А. Θ. Бютинга, жизнеописаніе или самимъ сочиненное).*

70). *Московский Журналъ, издававшийся Н. М. Карамзинымъ въ Москвѣ, въ 1791 и 1792 годахъ. (2 изд. 1803 г.).* Здѣсь по словамъ Г. Шторха, издапель сочиненіемъ прехъ рецензій показалъ первый примѣръ крипики въ Россіи (**).

71). *Remarques sur la Langue Russe et sur son Alphabet avec des pièces relatives à la connoissance de cette langue. Publiées et augmentées par Phéodore Karjawine, ancien Interprète pour le Roi à la Martinique; St. Pétersbourg 1791. 8. (***)*.

72). *I. Jac. Lerche's Lebens und Reisegeschichte von*
 (*) Buhle Prolusio N° 26, Bause Oratio p. 34.

(**) *Систематич. обзоръ Литературы въ Россіи.* стр. 34а.
 Сюда же можно отнести и извѣстія о книгахъ и разборъ сочиненій помѣщенные въ пвореніяхъ означенныхъ подъ номерами 30, 55, 57 и 66.

(***) О семь, равно какъ и о другомъ печатномъ, и еще одномъ рукописномъ пвореніи Каржавина см. *Catherine's der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde von Fr. Ad. Jung; St. Petersburg. 1815: въ примѣч. на стр. 143—145.*

ihn selbst beschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von A. F. Büsching; Halle 1791. 8. Кол. Сов. Лерхе былъ Медикомъ въ Россійской службѣ и дважды ѣздилъ въ Персію (*).

73). *Journal von Russland, herausgegeben von Johann Heinrich Busse, Bibliothekar bey der Russisch-Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Журналъ сей издавался въ С. Петербургѣ въ продолженіи прехъ съ ряду лѣтъ, (съ половины 1793 до половины 1796 года), въ 8. Издашель помѣщала въ ономъ спашь доспойныя вниманія по части Россійской Испоріи и Топографіи, и примѣчательныя въ опношеніи къ Библиографіи, законодательству и другимъ опечеспвеннымъ предмешамъ.

74). *Кабинетъ Петра Великаго* или подробное и обстоятельное описаніе восковаго Его Величества изображенія, собспвенноручныхъ его издѣлій и прочихъ доспомятпныхъ вещей въ С. Петербургской Кунсткамерѣ сохраняемыхъ; С. Петербургъ 1793 г. 8. въ II часпяхъ.

75). *Deutsches Magazin*. Въ VI часпи сего *Нѣмецкаго Магазина* на стр. 1008—1018 помѣщена, въ Августѣ мѣсяцѣ 1793 года, спашья: *Kurze Uebersicht der Litteratur in Russland von Hrn. W.* (*Краткое обозрѣніе Россійской Словесности*).

76). *Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque stu-*

(*) Извѣстіе о второмъ пушешествіи Лерхе въ 1747 г. помѣщено въ X часпи Бюшингова Магазина на стр. 367—476.

dis merita, dicta a Theod. Bause; Mosquae MDCCXCVI.
45 стр. въ 4. Слово о просвѣщеніи въ Россіи
до XVIII столѣтія (до времени Петра I.)

Рѣчь сія сочинена на день всшупленія на прешполь Императрицы Екашеринны II, 30 Іюня 1796 года. Авторъ Исторію просвѣщенія въ Россіи до XVIII вѣка раздѣляетъ на три періода. Въ первомъ, оканчивающемся вмѣстѣ съ жизнію Св. Владиміра, главное вниманіе заслуживаютъ: пришествіе Рюрика, крещеніе Ольги и предпріятое Владиміромъ I заведеніе школъ, равно какъ и переводы церковныхъ книгъ съ Греческаго на языкъ Славянскій. Во второмъ періодѣ отъ Ярослава I до Іоанна Васильевича I (III), преимущественно упоминается о ревности Ярослава къ наукамъ, о заведеніи имъ въ Новгородѣ школы для 300 дѣтей дворянскаго и духовнаго званій по Руской Правдѣ; потомъ объ Аннѣ дочери Всеволода I, которая основала въ Кіевѣ училище для воспитанія дѣвиць; о Владимірѣ II, ознаменовавшемъ царствованіе свое законодательствомъ по части гражданской, и наконецъ о лѣтописцѣ Несторѣ, шрудившемся надъ составленіемъ лѣтописи нашего отечества въ то время, когда прочія страны Европы не имѣли своихъ Историковъ. Въ прешнемъ періодѣ Профессоръ Баузе изложилъ въ кратцѣ успѣхи просвѣщенія до Государя Петра I. Здѣсь между прочимъ говоритъ онъ, что

Іоаннъ Васильевичъ II (IV), повелѣвшій учредити во всѣхъ городахъ училища, имѣлъ также намѣреніе завести въ Псковѣ и Новгородѣ диспуты (*ludos litterarios*), для обученія или усовершенствованія юношества въ языкахъ Латинскомъ и Нѣмецкомъ (*). Объ Орд. Профессорѣ Словесности и Педагогіи при Московскомъ Университетѣ Ф. Ваузе см. Ж. Другъ Просвѣщенія 1805 г. ч. II. стр. 216—218.

77). *Litterarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der böhm. Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland von I. Dobrowsky*; Prag 1796. 8. (*Литературныя извѣстія о путешествіи въ Швецію и Россію I. Добровскаго*). Путешествіе сіе предпринято было по опредѣленію Богемскаго Общества Наукъ въ 1792 году. Добровскій въ сочиненіи своемъ повѣствуетъ о всѣхъ рукописяхъ и древнихъ книгахъ, въ разныхъ городахъ Германіи, Даніи, Швеціи, Россіи и Польши обратившихъ на себя его вниманіе по отношенію ихъ къ Славянской Словесности и въ особенности къ Богемскому языку. О томъ, что видѣлъ онъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ, говорится на страницахъ 100 — 115. Въ концѣ сочиненія находится сравненіе Россійскаго языкъ

(*) Первая Диссертація, по коей въ С. Петербургѣ происходили диспуты, была: *Theologia universa*, аuct. R. P. Georgii 1725. 4.

ка съ Богемскимъ, для составленія коего авторъ руководствовался Сравнительнымъ Словаремъ всѣхъ языковъ и нарѣчій, напечатаннымъ въ С. Петербургѣ 1790 и 1791 г. въ IV ч. въ 478). *Christian Meiner's Vergleichung des älteren und neueren Russlands in Rücksicht auf die natürliche Beschaffenheit der Einwohner, ihre Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche, so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber; Leipzig 1798; двѣ часпи въ 8. Христиана Мейнера сравненіе древней и новой Россіи въ отношеніи къ естественному состоянію и образованности жителей, къ ихъ нравамъ и обычаямъ также Конституціи и управленію Государства.* Въ предисловіи авторъ, бывшій Профессоромъ въ Гемптингенѣ, разсмаприваетъ достоинство какъ древнихъ такъ и новыхъ путешествій по Россіи, коими руководствовался онъ при сочиненіи сей книги.

79). Карпина Просвѣщенія Россіянь предъ началомъ XIX вѣка; С. Петербургъ 1799 г. въ 8,

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Въ Вѣнѣ выходитъ достопамятное периодическое сочиненіе подъ названіемъ *Jahrbücher der Literatur* 1818. gr. 8. (*Лѣтописи Словесности*). Оно содержитъ критическое разсмотрѣніе важнѣйшихъ произведеній Европейскихъ ученыхъ и извѣстія о книгахъ. Первая мысль къ составленію онаго кажесть заимствована изъ Единбургскаго журнала *Edinburgh Review*, съ коимъ оно сходствуетъ какъ внутреннимъ своимъ достоинствомъ, такъ и наружною формою; отличающею изданіе Англинскихъ книгъ. Первая часть сего сочиненія, здѣсь показавшаяся, вышла за мѣсяць Генварь, Февраль и Мартъ, изъ чего можно видѣть, что въ продолженіе года должно издано быть еще такихъ же три части. Книга сія состоитъ изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ въ первомъ помѣщено 15 рецензій на вышедшія въ послѣднія годы сочиненія, имѣющія предметами Восточную Словесность, Древности — Египетскія, Іудейскія, Греческія и Германскія, — Эстетику, Филологію, Путешествія и Медицину. Все сіе занимаетъ

295 стр. — Второе отдѣленіе *Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst* содержитъ извѣстія о новѣйшихъ произведеніяхъ Италіанской Словесности, выписки изъ двухъ крапкихъ сочиненій: о коренныхъ жишеляхъ Австріи, особенно же о Маркоманахъ; о Генрихѣ Тейхнерѣ, Вѣнскомъ правоучительномъ Спихопворцѣ XIV вѣка; на послѣдокъ извѣстія о выходящихъ въ Австріи книгахъ и журналахъ на Нѣмецкомъ и Венгерскомъ языкахъ. Сіе отдѣленіе составляетъ 56 стр. напечатанныхъ мѣлкимъ шрифтомъ.

Рецензіи начинаются ученымъ вступленіемъ; потомъ слѣдуетъ подробная выписка изъ разсматриваемаго сочиненія съ примѣчаніями Рецензента; на послѣдокъ сообщается мнѣніе о самомъ сочиненіи. Вездѣ примѣпно, что Рецензенты болѣе стараются научить и научиться, нежели произвести строгой судъ надъ Сочинителями.

Дабы хотя опчастіи воспользоваться симъ любопытнымъ изданіемъ извлечемъ изъ него замѣванія на нѣ сочиненія, коихъ содержаніе для просвѣщенной публики наиболее занимательно.

Исторія измѣныхъ наукъ Персіи съ присовокупленіемъ избранныхъ мѣстъ изъ двухъ сотъ Персидскихъ Стихотворцевъ. Сочиненіе Іосифа Галлера, Кава-

- *дѣра Св. Анны 2 класса и Данеброга 3 класса, Главнаго Переводчика при Австрійской Придворной и Государственной Канцелярии. Съ портретомъ Сочинителя и приложеніемъ реэстра содержащихса матерій. Вѣна 1818. больш. 4. VIII. и 432 стр. (Geschichte der schönen Redekünste Perfiens von I Hammer.)*

Сія Исторія объясняетъ весь ходъ изящныхъ наукъ у Персовъ со времени освобожденія ихъ изъ подъ власти Арабовъ. Извѣстія о состояніи Словесности до сей эпохи, по причинѣ недостатка источниковъ, предлагаются отрывками. Сочинитель коснулся также вліянія Индійскаго просвѣщенія на Азію. Онъ замѣчаетъ, что просвѣщеніе и художества Индійцевъ, процвѣтавшія въ высочайшей степени въ Баміанѣ, перешли изъ онаго по сосѣдству въ Балхъ (Бактрію), а отсюда распространились во всей Персіи. За симъ слѣдуетъ собственная Исторія изящныхъ наукъ.

Первый періодъ. Персидская Поэзія въ перво-бытной своей чистотѣ. Эпическій вѣкъ. *Фирдусси* (913—1166) Сей періодъ заключаетъ знаменитый Персидскій Стихотворецъ *Фирдусси* (Райскій), который по желанію Шаха Магмуда, (родоначальника династіи Гасвенидовъ), написалъ обширное стихотвореніе подъ названіемъ

Шанами, въ коемъ воспѣны происшествія Персидской Монархїи и слава предковъ. Симвъ произведениемъ Фирдусси занимался 30 лѣтъ. Гаммеръ въ издаваемомъ имъ журналѣ *Fundgruben des Orients* помѣстилъ многія мѣста изъ сей поэмы. Гёрресъ (Göttes) издаесть полный переводъ оной.

Второй періодъ. Вліяніе Арабовъ. Лирическіе Панегиристы и Сочинители романовъ. *Эверки и Нисали* (1106—1203).

Третій періодъ. Мистическій и нравоучительный вѣкъ. *Джелаледдинъ Руми и Сади* (1203 до 1300).

Четвертый періодъ. Вѣкъ нѣжныхъ поэтовъ. Цвѣтущее соспоянїе лирической Поэзіи и Риторики. *Гафисъ и Вассафъ* (1300 до 1397).

Пятый періодъ. Единообразное соспоянїе Персидской Поэзіи, продолжающееся до послѣдняго великаго Спихошворца *Джами* (1397 до 1494).

Шестой и седмой періодъ. Упадокъ Поэзіи и успѣхи Испорїи и искусства писанья письма.

Рецензентъ, предложивъ извлеченіе свое, слѣдуя сему порядку, въ заключеніе говоритъ: изданіемъ сего сочиненія Г. Гаммеръ отверзаесть врата къ познанію Персидской Словесности. Многомудрый подвигъ его опличаестья досто-вѣрностію и почностію; онъ заслуживаетъ также вниманіе безпристрастною оцѣнкою всего того, что Англичане, а особливо Азіатскіе

Общество для Персидской Словесности оказали.

Описание Египта или собраніе наблюдений и изысканий, учиненныхъ въ Египтѣ во время пребыванія Французской Арміи. Въ больш. листѣ. 3 Т. съ 97, 92 и 69 Картинами. — Древности. Описанія. Записки. (Description de l'Egypte ou recueil des observations et recherches qui ont été faites en Egypte pendant l'expédition de l'armée française). Рецензія продолжается опть 25—49 стр.

Журналъ происшествій во время послѣднеего (Амелинскаго) посольства въ Китай, содержащій подробнѣйшее извѣстіе о дипломатическихъ переговорахъ сего посольства; о путешествіи въ Китай, съ приобщеніемъ вальсганій о свойствахъ страны, политикѣ, нравахъ и обычаяхъ Китайскаго народа и приложеніемъ обширныхъ картъ и рисунковъ. Соч. Генриха Элліса третьяго Коммисіонера сего посольства. Лондонъ. 1817. 626

Ч. V. Кн. I.

8

стр. 4. (Journal of the proceedings of the last Embassy to China и пр.)

Опытъ теоріи Комическаго Сост. Шюце. Лейпцигъ 1817. VII 274 стр. 8. (Verfuch einer Theorie des Komischen von Schütze.)
Желательно, чтобы Россійскіе Драмматическіе писатели воспользовались симъ сочиненіемъ, о коемъ Нѣмецкіе Рецензенты говоряшь съ особеннымъ уваженіемъ, доставляя подробнѣйшее разсмотрѣніе его содержанія.

Разсужденія Георга Созги, изданныя Велкеромъ Геттингскимъ Профессоромъ, Корреспондентомъ Итальянской Академіи. Съ 5 картинками. Геттингенъ 1817. 8. 420 стр. (Georg Zoega's Abhandlungen.)

Сіе сочиненіе содержитъ антикварныя изслѣдованія Созги, переведенныя съ Латинскаго, Итальянскаго и Датскаго языка на Нѣмецкій. Любители Древностей безъ сомнѣнія поспѣшашъ воспользоваться онымъ. Рецензентъ Іосифъ Гаммеръ проходитъ одно только разсужденіе: о Римскихъ искусственныхъ памятникахъ, относящихся къ служенію Митрасу (солнцу), сравнивая

миеологическія системы Грековъ, Сиріянъ и Египтянъ. Здѣсь замѣчено, что не смотря на подвиги Калькупскаго Общества сокровища священнаго Санскрита весьма еще мало намъ извѣстны.—Однѣ только изящныя искусства суть природныя произведенія Греціи; всѣ же прочія сокровища духовнаго и умственнаго образованія перенесены въ оную съ Востока. Слѣды древнѣйшей восточной Философіи, а особливо Платона такъ, какъ и духъ древнѣйшей мудрости и ученія о Богахъ примѣленъ въ Греческихъ изъяснителяхъ Миеологии. Открытъ сіи слѣды было покушеніемъ многихъ ученыхъ. За 20 предъ симъ лѣтъ Вилліамъ Джонсъ при основаніи Калькупской Академіи чиналъ шесть разсужденій о единствѣ Индійской и Греческой Миеологии. Но достовернѣйшими разысканіями о семъ предметѣ обязаны мы Крейцеру, Гуго, Герресу, Шеллингу и Аспу. Не желая рѣшить, какая страна была источникомъ первоначальнаго просвѣщенія, довольно того, что принятыя Арабами и Персами преданія о древнѣйшей Миеологии весьма явственно означаютъ путь, коимъ сіе ученіе переходило чрезъ малую Азію и Сирію въ Грецію. Сравненіе Арабскихъ и Персидскихъ миеологическихъ лицъ и богослуженія съ Греческими (стр. 94—108) собственно принадлежатъ Гаммеру, въ коемъ онъ показываетъ глубокое знаніе Арапскаго и Персидскаго языковъ. Созги

былъ родомъ Датчанинъ и занималъ въ Римѣ важнѣйшую Государственную степень.

Словарь, служащій къ объясненію подлиннаго текста пѣсни о Нибелунгахъ и сѣтованіе. Для употребленія въ училищѣхъ. Соч. К. Ф. Л. Ардта. Рацебургъ, 1815. VIII и 91 стр (Glossar zu dem Texte des Liedes Nibelungen und der Klage и пр.)

Пѣснь о Нибелунгахъ есть такого же рода достопамятності въ Нѣмецкой Словесности, какъ наша пѣснь о походѣ Игоря. Она нынѣ сдѣлалась любимѣйшимъ предметомъ Филологовъ и Словесниковъ. Сіе стихотвореніе написано на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ въ родѣ рэпсодовъ, содержаніе коихъ относится къ фамиліи Нибелунговъ. Рецензентъ, разсматривая сей Словарь, сравниваетъ многія реченія съ Скандинавскими, въ чемъ онъ не весьма плочень и основателенъ.

Переписка Профессоровъ Готфр. Германа въ Лейпцигѣ (в Фр. Крейцеромъ въ Гейдельбергѣ о Гомерѣ и Гезіодѣ, особенно же о Θεогоніи. (Она основана на диссертаціи перваго de mythologia graecorum antiquissima и сочиненіи послѣд-

няго Символика и Миѳологія древнихъ народовъ.) Гейдельбергъ 1818. VIII и 224 стр. 8, (Briete über Homer und Hesiodus vorzüglich über Theogonie von G. Hermann und F. Creutzer).

О свободѣ книгопечатанія въ Англіи.
 Пясть англійскихъ сочиненій сего содержанія служили поводомъ къ изслѣдованію сего предмета въ отношеніи его исторіи, переписки и постановленій правительствъ. Сіе изслѣдованіе продолжается въ описываемомъ нами періодич. сочиненіи отъ 210 до 255. стр.

Описаніе и употребленіе новой скалы (раздѣленія на степени) для измѣренія посредствомъ барометра высоты мѣстъ безъ всякихъ вычисленій. Сот. Іакова Бертонсели, Верона 1817. (Descrizione ed uso d'applicarsi al barometro и пр.)

Мысль о приложеніи къ барометру логоримическаго раздѣленія не новая. Она употреблена уже была и прежде въ Италіи при одномъ аз-

роспапическомъ опытѣ. Однакожь до сихъ поръ посредствомъ сего раздѣленія можно было только опредѣлить высоту мѣста, приближаясь къ истинѣ. Нынѣ Г. Бершончели изобрѣлъ механизмъ, помощію коего, отъ различной температуры воздуха происходяція перемѣны, равно какъ и давленіе ртутни могутъ раздѣленіемъ каждой степени по лагориѣмическому исчисленію измѣрены быть съ точностію. Припомъ сей механизмъ соединяетъ методу посредствомъ лнній и привинчиванія дѣлать сложение и умноженіе, а попому сіе орудіе, облегчая запруднительныя вычисленія для всякаго занимающагося измѣреніемъ горы, должно быть благопріятнѣйшимъ изобрѣтеніемъ.

Нѣкоторыя критическія замѣсанія Доктора Джіана Діонисіа Авраміотти на путешествіе въ Грецію, составляющее первую часть путешествія Шатобріана изъ Парижа во Іерусалимъ. Съ различными примѣсаніями о Грегескихъ древностяхъ. Падуа. 1816. (Alcuni cenni critici del Dre Avramiotti sul viaggio i Grecia del Sig. de Chattaubriand и пр.)

Шатобріанъ въ описаніи своемъ Греціи сполько показалъ незнанія о мѣстномъ положеніи сей

спраны и ея древностяхъ, что сочинитель поспавиль себѣ долгомъ ошкрыть большую часть его заблужденій. Авраміюшпи извѣснень сей предметъ какъ жителю Аргоса, изъ Ипаліи шуда переселившемуся.

О разительности свойствъ Россійскаго языка съ Латинскимъ. (Observations sur la ressemblance frappante entre la langue des Russes et celle des Romains. Milan. 1817.)

Изученіе эшимологіи сколь ни привлекатель-но и занимательно для ума нерѣдко перяло достоинство свое опъ того, что многіе опдичались въ ней величайшими спранностями. Впрочемъ несправедливо было бы опвергать возможность переходенія словъ одного языка въ другой, совершенно опъ него различный. Сочинитель сего изслѣдованія собралъ до 200 первообразныхъ Россійскихъ словъ, имѣющихъ разительное сходство съ Латинскимъ, какъ на пр. mare море, sal соль, somnus сонъ, nox ночь, ravo пава, novus новый, vetus вѣпхій пр. Но изъ сего нельзя еще заключать о взаимномъ произхожденіи языковъ: надобно вникнуть въ самое спроеніе оныхъ. Кромѣ эшимологическаго сравненія Россійскаго языка съ Латин-

быль родомъ Данчанинъ и занималъ въ Римѣ важнѣйшую Государственную степень.

Словарь, служащій къ объясненію подлиннаго текста пѣсни о Нибелунгахъ и сѣтованіе. Для употребленія въ училищѣхъ. Сост. К. Ф. Л. Арцта. Рацебургъ. 1815. VIII и 91 стр (Glossar zu dem Texte des Liedes Nibelungen und der Klage и пр.)

Пѣснь о Нибелунгахъ есть такого же рода достопамятності въ Нѣмецкой Словесности, какъ наша пѣснь о походѣ Игоря. Она нынѣ сдѣлалась любимѣйшимъ предметомъ Филологовъ и Словесниковъ. Сіе стихопвореніе написано на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ въ родѣ рапсодовъ, содержаніе коихъ относится къ фамиліи Нибелунговъ. Рецензентъ, разсматривая сей Словарь, сравниваетъ многія реченія съ Скандинавскими, въ чемъ онъ не весьма пюченъ и основателенъ.

Переписка Профессоровъ Готфр. Германа въ Лейпцигѣ (въ Фр. Крейцеролѣ въ Гейдельбергѣ о Гомерѣ и Гезіодѣ, особенно же о Θεогоніи. (Она основана на диссертаціи перваго de mythologia graecorum antiquissima и сочиненіи послѣд-

няго Символика и Миѳологія древнихъ народовъ.) Гейдельбергъ 1818. VIII и 224 стр. 8, (Briete über Homer und Hesiodus vorzüglich über Theogonie von G. Hermann und F. Creutzer).

О свободѣ книгопечатанія въ Англіи. Пясть англійскихъ сочиненій сего содержанія служили поводомъ къ изслѣдованію сего предмета въ отношеніи его исторіи, переписки и постановленій правительсва. Сіе изслѣдованіе продолжается въ описываемомъ нами періодич. сочиненіи отъ 210 до 255. стр.

Описаніе и употребленіе новой скалы (раздѣленія на степені) для измѣренія посредствомъ барометра высоты мѣстъ безъ всякихъ вычисленій. Сот. Іакова Бертонгели. Верона 1817. (Descrizione ed uso d'applicarsi al barometro и пр.)

Мысль о приложеніи къ барометру логоримическаго раздѣленія не новая. Она употреблена уже была и прежде въ Италіи при одномъ аз-

роспапическомъ опытѣ. Однакожь до сихъ поръ посредствомъ сего раздѣленія можно было только опредѣлить высоту мѣста, приближаясь къ истинѣ. Нынѣ Г. Бертоццели изобрѣлъ механизмъ, помощію коего, отъ различной температуры воздуха произходящія перемѣны, равно какъ и давленіе ртутни могутъ раздѣленіемъ каждой степени по лагориѳическому исчисленію измѣрены быть съ точностію. Припомъ сей механизмъ соединяетъ методу посредствомъ линий и привинчиванія дѣлашь сложене и умноженіе, а потому сіе орудіе, облегчая затруднительныя вычисленія для всякаго занимающагося измѣреніемъ горы, должно быть благопріятнѣйшимъ изобрѣтеніемъ.

Нѣкоторыя критическія замѣтанія Доктора Джіана Діонисіа Авраміотти на путешествіе въ Грецію, составляющее первую часть путешествія Шатобріана изъ Парижа во Іерусалимъ. Съ различными примѣтаніями о Грецескихъ древностяхъ. Падуа. 1816. (Alcuni cenni critici del Dre Avramiotti sul viaggio i Grecia del Sig. de Chattaubriand и пр.)

Шатобріанъ въ описаніи своемъ Греціи спользо показалъ незнанія о мѣстномъ положеніи сей

страны и ея древностиахъ, что сочинитель поспавиль себѣ долгомъ ошкрыть большую часть его заблужденій. Авраміоппи извѣстенъ сей предметъ какъ жителю Аргоса, изъ Италіи шуда переселившемуся.

О разительномъ свойствѣ Россійскаго языка съ Латинскимъ. (Observations sur la ressemblance frappante entre la langue des Russes et celle des Romains. Milan. 1817.)

Изученіе эшимологіи сколь ни привлекатель-но и занимательно для ума нерѣдко перяло достоинство свое отъ того, что многіе опличались въ ней величайшими спранныостями. Впрочемъ несправедливо было бы опвергать возможность переходенія словъ одного языка въ другой, совершенно отъ него различный. Сочинитель сего изслѣдованія собралъ до 200 первообразныхъ Россійскихъ словъ, имѣющихъ разительное сходство съ Латинскимъ, какъ на пр. mare море, sal соль, somnus сонъ, nox ночь, ravo лава, novus новый, vetus вѣпхій и пр. Но изъ сего нельзя еще заключать о взаимномъ произхожденіи языковъ: надобно вникнуть въ самое строеніе оныхъ. Кромѣ эшимологическаго сравненія Россійскаго языка съ Латин-

скимъ Сочинительъ производить многія Россійскія слова отъ Турецкаго, Татарскаго и Китайскаго.

О вліяніи лѣсовъ на физическое состояніе страны и благоденствіе народа. Сочиненіе Іосифа Гавтіери. Миланъ 1817. (Dello influsso dei boschi sullo stato fisico de paesi et sulla prospertia delle nazioni).

Хотя по, что сочинительъ говоритъ о вліяніи лѣсовъ на состояніе температуры воздуха, на погоду, обиліе водъ и плодородіе земли для Нѣмецкаго чипачеля не ново: однакожь книга сія достойна вниманія потому, что онъ предлагаетъ свои замѣчанія съ такою вѣрностію и споль почнымъ познаніемъ мѣснаго положенія Италіи, а особливо Ломбардіи, что какъ Спатиспичку, такъ и всякому попечительному лѣсоводцу, а тѣмъ болѣе особамъ, имѣющимъ вліяніе на лѣсное законодательство, она можетъ принести отличную пользу. Къ важнѣйшимъ практическимъ замѣчаніямъ принадлежатъ особенно средства доставить Тичино болѣе воды. Справедливо также заключеніе Гавтіери, выведенное изъ его наблюденій, что какъ разведеніе такъ и расчиску лѣсовъ всегда должно назначать правительство.

Мысли о нынѣшней произношеніи древняго Греческаго языка, введенномъ Эразмомъ Роттердамскимъ. Вѣна. 1818
8. (Ideen über unsere Erasmische Aussprache des Altgriechischen.)

Начищенный и здравомыслящій сочинитель утверждаетъ, что оставленное произношеніе Рехлина (Reuchlin) весьма мало разнится отъ классическаго, по крайней мѣрѣ менѣе, нежели эразмовское. По его мнѣнію новое Греческое произношеніе согласныхъ и дwoегласныхъ болѣею частію Аппическое и Геленическое. Онъ ссылается въ семь на сужденія словоиспытателей *Мартина, Шмидта, Мурета, Юста Липсія, Ветстенуса, Примата* и др. Разсматривая и слычая замѣчанія свои съ новѣйшимъ произношеніемъ преслѣдуетъ оное до самой древности.

(Продолженіе въ слѣд. книжкахъ.)

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.

Общество съ величайшимъ удовольствіемъ исполнило порученіе неизвѣстнаго, приславшаго изъ Екашеринослава отъ 6 Декабря 1818 года 200 руб. при слѣдующихъ спрокахъ: „ Сей часъ читая въ Журналъ *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія* письмо (*) почтеннаго, но несчастнаго спарца, удрученнаго бѣдностію, семействомъ и слѣптою, желая облегченія его участникомъ бысть, спарець же прилагаетъ у сего двѣсти руб , прося о доставленіи къ нему.“ Хвала скромному дателю! Благотвореніе пайное свойственно людямъ истинно просвѣщеннымъ, благороднымъ и добродѣтельнымъ, которые помогаютъ ближнимъ по единому сердечному влеченію, облегчаютъ жребій бѣдспвующихъ собратьй.

2

Общество считаетъ приятнымъ долгомъ обратити вниманіе почтенныхъ читателей своихъ на приложенной въ началѣ сей книжки портретъ. Онъ гравированъ художникомъ самоучкою Л. Г. Семеновскаго полка Гранодеръ: Ив. Гра-

(*) Письмо сіе было напечатано во II части на стр. 270.

чевымъ. Сей рядовой, отличный въ ряду храбрыхъ, посвящаетъ краткія минуты досуга, которыми очень небогаты, любимому занятію — рисованію перомъ. Многія картины его показываютъ большое искусство въ семь родѣ, особенно для художника самоучкою; но въ гравированіи сей портретъ есть одинъ изъ первыхъ его опытовъ. Извѣстно, что красота гравировки зависитъ много отъ красоты подлинника. Грачевъ не имѣлъ сей выгоды: онъ гравировалъ съ самаго спариннаго портрета, имѣющаго неоцѣненное достоинство сходства; но слабого со стороны рисунка. Талантъ Грачева дѣлаетъ честь природной способности русскихъ художниковъ самоучкой.

3.

О новомъ изданіи книги: объ обращеніи съ людьми, въ 4 частяхъ.

Проступая ко второму изданію книги *объ обращеніи съ людьми*, знаменитаго Барона Книгге, Переводчикъ поставляеетъ долгомъ извѣститъ любителей общепользныхъ свѣдѣній о цѣли и планѣ сего новаго изданія. Всякой увѣренъ, что познаніе человеческого сердца и еще болѣе практическое познаніе о средствахъ соображать свои поступки съ различными характерами и обстоятельствами, среди коихъ поставляеетъ насъ судьба, суть необходимыя

потребности человека желающего быть спо-
 койнымъ, счастливымъ и полезнымъ обществу.
 Всякой чувствовалъ необходимость сочиненія
 сего рода на языкѣ Россійскомъ. Твореніе Ба-
 рона Книгге, сего единственнаго, безприсра-
 сшнаго наблюдателя человѣческаго сердца и
 поступковъ, кажется, наиболее соотвѣство-
 вало сей цѣли. За 8 лѣтъ предъ симъ она пе-
 реведена была на Россійскій языкъ и послѣд-
 ствіе оправдало сей выборъ; но познакомься
 болѣе съ Рускою Словесностію и языкомъ,
 Переводчикъ самъ увидѣлъ въ послѣдствіи вре-
 мени, сколь мало, слогъ перевода соотвѣп-
 ствуетъ достоинству подлинника; увидѣлъ
 многія мѣстные примѣчанія, копорыя, при
 всей ихъ важности для Нѣмца, совершенно
 бесполезны и неупотребительны для Рускаго;
 и съ другой стороны нѣкоторыя важныя пред-
 меты упущены изъ виду; самый планъ сочи-
 ненія, по отзыву самаго Ашпора, не есть си-
 стематическій и не можетъ быть удобообъ-
 емлемъ. При семъ второмъ изданіи приложе-
 но всевозможное стараніе, дабы исправить сіи
 недостатки, обработать слогъ, выбросить
 бесполезное, пополнить сію книгу нѣкоторы-
 ми примѣчаніями изъ другихъ знаменитыхъ
 Писателей, исправить ее по послѣднему из-
 данію подлинника и привести въ есте-
 ственный систематическій порядокъ. Осно-

вываясь на пошь мнѣніи, что каждый дѣй-
 ствуетъ и поступаетъ, предполагая чрезъ по
 достпигнуть большаго степени собственнаго
 благополучія, послѣ предварительныхъ общихъ
 примѣчаній объ обращеніи, Переводчикъ помѣ-
 щаетъ спашью *объ обращеніи съ самимиъ с.б.ю.*
 Находя сей важный предметъ недостающею
 обработаннымъ у самаго Автора, онъ старался
 пополнить его, сколько возможно, примѣчаніа-
 ми полезными и необходимыми, дабы предста-
 вить пошь идеаль, къ которому каждый дол-
 женъ приближиться, чтобы всупить на
 скольское поприще свѣтскаго обращенія. Сдѣ-
 лавъ пошомъ общее примѣчаніе о различныхъ
 нравахъ, шемпераменахъ и склонностяхъ ка-
 сательно ума и сердца, приступаетъ онъ ко
второй части, содержащей правила для обраще-
 ния съ другими, помѣщая предметы по важ-
 ности вліянія ихъ на благополучіе челоука.
 Первее мѣсто займетъ *обращеніе семейственное*,
 куда входитъ обращеніе супруговъ, родителей,
 дѣтей и родственниковъ и наконецъ отноше-
 ния господъ къ слугамъ. Далѣе будутъ изложе-
 ны правила для *обращенія съ вышшими*, какъ по
 Начальниками, Вельможами и владѣтельными
 Особами, знатными и богатыми людьми; по-
 шомъ *обращенія съ низшими*, какъ подчиненны-
 ми такъ и неподчиненными. Четвертое и по-
 слѣднее опредѣленіе, касательно обращенія съ дру-

гими, будетъ заключаешь въ себѣ правила обращенія съ людьми различныхъ и всякихъ отношеній. Въ заключеніи будетъ упомянуто, какъ должно обходиться съ несмысленными пварями, поколику сіе имѣеть вліяніе на мнѣніе о насъ другихъ. Послѣдняя часть будетъ вмѣщать правила для обращенія женщинъ съ мужчинами, во всѣхъ возможныхъ обстоятельстахъ (*).

А—нъ.

(*) Изданіе сіе состоятъ будетъ въ 4 книгахъ. Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Г. Плавильщикова у Синяго моста въ домѣ Гжи *Гавриловой* No 168. и у братьевъ Слениныхъ у Казанскаго моста подлѣ Филармонической залы, а въ Москвѣ у книгопродавцевъ *Ширяева* и *Свѣшниковъ*. Подписная цѣна 12 рублей а съ пересылкою въ другіе города 16 рублей.

П Р О З А.

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ ИЛИ ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССІЯ.

(Продолженіе.)

Взошло прекрасное весеннее солнце и освѣщило грозныя степныя и прелестныя окрестности Чигирина (*). Весело пробуждались гордые Липовцы, но съ прискорбіемъ взирали на свѣтъ дневной сыны Малороссіи: первые господствовали, другіе спонали подъ игомъ рабства. Сшарець, болѣе по го-

(*) Извѣстно, что Чигиринъ былъ, въ свое время, укрѣпленнымъ и богатымъ городомъ. Онъ отдавался попомъ обыкновенно на булаву Гешманамъ; а въ позднѣйшія времена главнымъ мѣстопребываніемъ ихъ былъ городъ Башуринъ.

Ч. V. Кн. II.

9

респнымъ опышамъ бурной жизни, нежели по числу лѣшъ, убѣленный преждевременными сѣдинами и снѣдаемый пайною грустію, задолго еще до разсвѣта оставилъ омоченное слезами ложе и встрѣпилъ солнце на высокой горѣ прошивъ *Чигирина*, среди опущѣлыхъ развалинъ древняго замка. То былъ *Филомаръ* Хмельницкій, копорагъ имя ужасало нѣкогда Турокъ, славилось въ шепяхъ Крымскихъ, уважалось въ самой Сполоицѣ Польской. Съ обнаженной главою, устремляя взоры къ небу, опершись на посохъ и погруженный въ безмолвное созерцаніе великолѣпнаго неба, онъ, казалось, оплучался на вѣки опъ бурь мятежной земли. Упомленная бѣдспвіями душа сливалась заранѣе съ ясностію лазури. Но глубокая задумчивость его мгновенно исчезаетъ при видѣ прекраснаго спройнаго юности. —

— Опець мой! дозволишь ли горячності сыновней излишься въ сердце швое? Дозволишь ли вопросишь себя, что виною размышлений швоихъ? Ушѣшаешься ли повсемѣспнымъ ликованіемъ природы, или возсла-

лаешь ты обычную жершву моленій къ небесамъ? —

Филомаръ, вмѣсто отвѣта, открыль объятія и юноша упалъ на грудь его. — „Ночь старца хорошка, говорилъ Филомаръ: сонъ оставилъ меня еще до разсвѣта, а молитва моя упредила солнце. —

Но ты спалъ крѣпкимъ сномъ, мой милый Зиновій, горячая слеза родительская, окропившая румяную ланицу, не пробудила тебя.“ — Такъ, сонъ мой былъ крѣпокъ: чрезмѣрная усталость причинила его. Ты знаешь, родитель, что я вспрѣшилъ весну далеко отъ нашей хижины, далеко въ дремучихъ лѣсахъ. Преслѣдуя дикихъ звѣрей, переплывалъ я рѣки и провождалъ ночи въ пустынь. Ты самъ приучилъ меня къ прудамъ. — Вчера, упомненный дальностью пупи, бросился я на кожу убитаго мною медвѣдя и спалъ шакъ сладко, шакъ сладко, какъ ни одинъ изъ гордыхъ повелителей нашихъ, вѣрно никогда не сыпалъ на роскошнѣйшемъ ложѣ своемъ. Прелестныя мечпанія услаждали душу мою. О родитель! я и шеперь еще препену въ возпоргѣ отъ сихъ мечпаній! не само ли небо послало мнѣ

споль возхитительный сонъ, и не предвѣщаешь ли онъ будущаго? Выслушай, опецъ мой, что мнѣ снилось, выслушай. Сначала всѣ бѣдствія Опечесива нашего, какъ бы въ нѣкоей проспранной карпинѣ, живо и совокупно представились взору моему. Бѣдные поселяне уныло влачили плугъ, подъ грозою бича Липовскаго. Кровавымъ попомъ и горькими слезами орошали они землю, копорой плоды разхищали у нихъ гордые властелины. Дѣвы опшоргались сласполюбіемъ пирановъ опъ сердцець маперей; юноши насильно влеклись изъ домовъ опеческихъ подъ кровавыя знамена враговъ. Цвѣтъ полей и злакъ нашихъ нивъ пожираемъ былъ конями Липовскими — и сыны Малороссіи, лишенные воли, собспвенностей и законовъ, изгибались подъ тяжкимъ бременемъ даней и налоговъ. Томно опзывался скрыпный стонъ народа, глухо звучали цѣпи рабства. Солнце, казалось, не хотѣло свѣспишь спраиъ порабощенной. Ночь и безмолвіе окружали Опечесиво наше. Вдругъ блеснула молнія, прогремѣлъ громъ и раздался голосъ невидимаго: „возспаньше и бодрспвуйше: часъ свободы насталь!“ . . . Въ пыспчи мѣ-

спяхъ возпрянули рабы и цѣпи сокрушились. Тысячи возникали среди полей; цѣлыя полки, какъ будто родясь изъ земли, спекались подъ хоругвія Опечесства. — Вездѣ слышны были клики призывные, вездѣ сверкало оружіе. Опть степей Крымскихъ до льсовъ Воыніи; опть Вуга до Днѣпра; опть Дона и Поморія до рѣкъ Сулы, Ворсклы и Тесмины двигались ополченія. Поля дрожали подъ копытами коней. Является Герой, вдохновенный небомъ, подкрѣпляемый счастьемъ. Онъ великъ — и тысячи Малороссійскія повинующія ему; подьемленъ мечъ — и тысячи Липовскія бѣгутъ. — Великій духомъ раздѣляетъ рапи на ополченія, указываетъ ополченіямъ пуши — и вся Малороссія двинулась къ бою. — Долго свирѣпствовала брань. Наконецъ злодѣи изгнаны, Опечесство наце очищено и кровь Липовская, рѣками пролиная, смыла даже слѣды прицѣснителей съ лица Малороссіи.

(*) Туть солнце возсіяло во всемъ своемъ

(*) Здѣсь довольно кстапи замѣпипъ, весьма любопытный поступокъ Хмельницкаго, о кошоромъ упоминають писатели Польскіе.

блескъ, мракъ исчезъ; небо раскрылось и богиня, прелестная, какъ весна, цвѣтущая всѣми красами младости, ошановилась въ воздухъ на златомъ облакъ. Она улыбнулась — и грома браней пошухли: просперла руку — и навела шучную зелень на шомныя поля. Тысячи овецъ зашумѣли во кругъ изпочниковъ; нивы озлашились, города начали возникашь и рѣки покрываються судами. . . Всѣ узнали въ богинѣ сей — Свободу. „Свобода! Свобода!“ возклицали милліоны — и милліоны благоденспвова-

Когда Малороссія объявлена была, въ слѣдствіе договора Збаражскаго, независимою: Хмельницкій, зная швердо науку дѣйспвовать на сердца и умы народа, предписаль универсалами, грамапами, чптобы всѣ Малороссіяне и Украинцы перемѣнили Польской покрой плашья, сприжку волосъ и проч. Въ печеніи нѣсколькихъ дней, весь народъ омывался купаньемъ въ рѣкахъ и озерахъ; а по всѣмъ церквамъ чипали очистишельныя молишвы, при колокольномъ звонѣ. Все сіе дѣлано было для штого, чптобъ омовеніемъ и молишвою изгнашь иноплемєный духъ.

ди. . . . Но ты плачешь, родитель мой! . . .
Ты плачешь? что причиною твоихъ слезъ?—

„Сладкія напоминанія прошедшаго и горестъ насющаго. Было время, говорилъ Филомаръ, было время, когда и мнѣ снились такіе же сны; когда и я мечпалъ во снѣ, мечпалъ и на яву о свободѣ Опечесства нашего. Блеспашельна была заря жизни моей: я споялъ на высшей степени у престола Сигизмундова. Государь Липовскій называлъ меня другомъ, обвиняя скиппръ свой лаврами, пожапыми мною за Дунаемъ и на берегахъ Евксина. Часто предлагалъ онъ мнѣ дары: я всегда опрекался ошъ даровъ его. Однажды неопспуно спрашивалъ Государь сей, въ чемъ я полагаю мое счастье. Въ свободѣ Опечесства моего, опвѣчалъ я. Опвѣпъ сей не полюбилъ Самодержцу власполюбивому; зависпъ воспользовалась симъ, клевета наполнила весь Дворъ раболѣпнымъ щопопомъ о какихъ-шо злыхъ умыслахъ, въ копорыхъ спарались меня обличипъ, и не обличивъ, опдалили ошъ Двора. Корысполюбивые вельможи, подь благовиднымъ предлогомъ опняпія способовъ вредипъ *Польшѣ*, опняли все мое имущество.

Сей замокъ предковъ нашихъ опустѣлъ. Я перешелъ въ шеперешнюю хижину. Тамъ, не стерпя ударовъ рока, умерла нѣжная швоя мать — и мать же въ нѣдрахъ нищеты возросъ сынъ мой! сынъ, рожденный въ счастливейшія времена и, можешь быть, опредѣленный къ жизни горестной, а что всего ужаснѣе — и къ вѣчному рабству. — Нѣтъ родилель мой! не рабу даровалъ ты жизнь, не для рабства возпалель меня. . . Ахъ! не самъ ли ты возвысилъ духъ мой, внушилъ мнѣ благородство чувствъ; открылъ всю прелесть свободы и весь позоръ рабства. Не ты ли озарилъ умъ мой свѣтомъ наукъ? Не ты ли наградилъ меня средствами пользоваться опытами древности, восхищаться бытописаніями Грековъ и Римлянъ? Удѣлъ рабства, родилель мой, есть невѣжество. И для чего знаешь рабу, что были люди, копорыхъ великій духъ управлялъ народами, разшоргалъ позорныя цѣпи, двигалъ престоломи и строилъ города среди глухихъ пустынь? Для чего знаешь рабу, кто были *Епанимонды*, *Скандерберги*, *Виріаты*, *Пелазги*, *Серторіи*? Но почто вызывалъ мнѣ сихъ великихъ мужей

изъ споль опдаленныхъ вѣковъ глубокой древности, когда и въ самыя недавнія времена, въ родной и сопредѣльной намъ Державѣ найши подобныхъ можно? — Давноль разсѣялись грозныя шучи, гремѣвшія въ проспранныхъ небесахъ могущественной Россіи?—И не сіи ли самыя Липовцы, кошорыхъ иго угнѣшаешъ насъ нынѣ, дерзнули наложитъ оковы нѣкогда на древнюю Сполицу Великихъ Царей?—Такъ, мгновенные успѣхи довели ихъ до сей дерзоспи; но грома ужасной и справедливѣйшей меспи низпали на главы ослѣпленныхъ гордынею. Свящѣйшій спрадалецъ *Гермогенъ*, велерѣчивый Келарь *Палицынъ*, проспый родомъ, но знаменимый любовію къ Опечесству гражданинъ *Мицинъ* и славныя вожди *Пожарскій*, *Трубецкій*, *Ржевскій*, *Ляпуновъ* и множесство другихъ, услышавъ спонѣ пришѣсенной Россіи, возспали ошъ глубокаго унынія, возколебали народъ, разпоргли узы плѣна и даровали жизнь и свободу любезному своему Опечесству. — Торжесствуешъ Россія, но спонешъ Мадороссія!.. Доколь продлился спонѣ ея?.. Ужели позорное рабство сіе будешъ вѣчно?—Нѣшъ, я чувспвую, что не умру рабомъ!.. Звукъ

оружія приащень слуху моему, война занимаешъ всѣ мои мечпанія, а слава ещъ крайнюю цѣлю желаній моихъ. Оппусти меня, родитель! я полечу подъ знамена одного изъ содѣшвенныхъ Государей; буду сражашся какъ левъ, и пролишю кровь и слезъ испрошу одной милоспи, чшобъ освободишь хотя малѣйшій уголокъ порабощеннаго опещества. Онъ вѣрно не опкажешъ мнѣ въ эпомъ и шогда пущъ все вокругъ меня пресмыкаешся въ пинѣ рабшва!.. Жизнь независимаго процвѣшешъ въ сладкомъ дыханіи свободы и кости мои уснушъ мирно въ землѣ неподвластной. — „О! если бы всякой Малороссіянинъ мыслилъ и чувшвовалъ, какъ мой Зиновій: Малороссія давно шоржешшвовала бы уже свободу свою!“ — Такъ возкликнулъ Филомаръ, обнимая сына. — Позволь же, родитель мой, позволь мнѣ, слѣдуя влеченію моего сердца, искашъ шрудовъ воинскихъ и славы. — „Кровь предковъ играешъ въ жилахъ его, говорилъ Филомаръ про себя, ша же пылкосшъ, шо же спремленіе къ подвигамъ. Пошомъ, обращаясь къ сыну, моленія швои, неоднократно повшоряемая, должны исполнишся. Скоро

совершился шебъ 20 лѣтъ. Въ сіи лѣта Филомаръ Хмельницкій былъ уже покрытъ ранами и славою... А сынъ его?... Такъ! намъ должно будетъ наконецъ распашься! но прежде всего надлежитъ шебъ исполнить священную для насъ обоихъ обязанность.“—

Тутъ Филомаръ напомнилъ сыну о Вассіянѣ, его крестномъ ошцѣ, о которомъ и прежде ему не разъ говаривалъ. Мудрый Вассіянъ, близкій по родству и дружбѣ Филомару, былъ наставникомъ его въ юности и другомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Задолго предъ симъ уклонился онъ въ безмолвную пустыню на лѣсисшомъ берегу Днѣпра. Филомаръ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни совѣщовался съ нимъ и почелъ бы за пресупленіе не предсавить Зиновія *юношею* шому, кто любилъ лелѣять его на рукахъ своихъ еще *ребенкомъ*

Между тѣмъ солнце спояло уже высоко; тѣни примѣнно сокращались; зной спавивился шомипеленъ; многочисленныя спада овецъ съ шумнымъ блѣяніемъ спѣшили съ полей въ роши; волы прошяжно ревели подъ плугами. Ушомленные рабы-земледѣль-

цы искали мгновенной прохлады подъ шѣнію деревъ . . . Все возвѣщало часъ полудня; а въ роскошныхъ черпогахъ вельможъ Липовскихъ едва шолько начинался еще день. — Филомарь и Зиновій, замѣнившій собою посохъ опцу своему, шихо сошли въ шѣнистую долину, гдѣ спояла ихъ хижина. Зиновій помогаль спарому служишему приготавлиашь дичь, принесенную имъ изъ лѣсовъ; подчиваль опца своего медомъ дикихъ пчель; поспилалъ ему ложе изъ лисшьевь и душистыхъ травъ — и Филомарь плакаль опъ умиленія при сихъ знакахъ горячнoshi сыновней. Для избѣжанія дневнаго зноя, положено опправиль Зиновія съ наспупленіемъ ночи. — Филомарь вручилъ ему шайное рукописаніе къ Вассіану — указаль пушь къ жилищу пуспынника, снабдилъ совѣщомъ опышнoshi, благословеніемъ родишельскимъ — и юноша, съ шуломъ звѣнящимъ за плечами, играя легкимъ копіемъ, весело пуспился въ пушь свой подъ алымъ блескомъ вечерней зари. — Онъ защель было проспиться съ другомъ своимъ *Осмундомъ*; но Осмундъ былъ на охопѣ. Къ разсвѣшу быспрый юноша любовался уже окреспно-

спями Днѣпра, кошорой въ весеннихъ разливахъ попилъ высокіе берега свои и си-
нѣлся, какъ море, въ опдаленности. Три но-
чи продолжалъ Зиновій пушь вверхъ къ
изпоку Днѣпра, провождая большую часпъ
дня подъ шѣнію дубравъ. Дичь и лѣсные
плоды соспавляли пищу его. Каждая спрѣ-
ла, пущенная мѣшкою рукою юноши, при-
носила съ собою добычу. Онъ не хошѣлъ
заходить въ села, гдѣ ничего не слышно,
кромѣ звуку бичей Липовскихъ и спону
Малороссіянъ. Чешвершая упренняя заря
освѣшила спранника въ жилищѣ пуспынни-
ка. — Зиновій заспалъ спарца, совершаю-
щаго упреннее моленіе. Обнаженными колѣ-
нами споялъ онъ на жесткомъ гранишѣ.
Бѣлая брада спруилась до чреслъ. Свѣжій
упренній вешерокъ развѣвалъ кудри среб-
риспыхъ волосъ. — Юноша съ благоговѣні-
емъ оспановился и ожидалъ, пока моленіе
кончипся. „Кшо пы, юный звѣроловець? во-
просилъ Вассіянъ, окончивъ молиспву свою:
чшо заспавило шебя проникнушь во глу-
бину дикой пуспыни?“ — Воля родиселя
моего и собспвенное желаніе освѣнишь се-
бя спвоимъ благословеніемъ. Я Зиновій, сынъ

Хмельницкаго изъ Чигирина. — „Сынъ друга моего Филомара!“ воскликнулъ спарець и дрожащими руками прижалъ юношу къ сильно бьющемуся сердцу въ вѣпхой груди своей. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разпросовъ и объясненій они вошли въ хижину; одну спѣну въ оной занимало большое деревянное разпятіе. Блѣдная лампада теплилась передъ нимъ. Зиновій подавъ харшю опъ Филомара и между пѣмъ, какъ спарець занимался чпеніемъ, юноша озиралъ хижину любопытными взорами и спарался проникнуть въ смыслъ изображенныхъ на спѣнахъ ея каршинъ. Живопись представляла разныя лица изъ житій Свяшыхъ. На одной изъ каршинъ написаны были спраданія *мученицы*: опрубленная голова дымилась кровію въ рукахъ изспулленнаго опцеубійцы. Другія изображали Христіанъ, спраждущихъ въ глубочайшихъ пещерахъ. Черный мракъ шемницъ озарялся яркимъ сіяніемъ опъ лица Ангеловъ, прилепавшихъ окроплять несчастныхъ узниковъ небесною росю упъшенія. На прочихъ видѣлъ онъ дремучіе лѣса, безмолвныя пустыни, гдѣ опшельники, обремененные веригами, сражались съ

пылкими спрасьями. Разпаленное воображеніе пворило призраки и ужасы пуспынныя. —

Между пѣмъ Вассіянъ, у копорого спаростъ пришупила зрѣніе, съ шрудомъ прочипываль писаніе своего друга и съ частымъ помаваніемъ главы (въ знакъ сомнѣнія) не ручаюсь, говорилъ про себя, — шрудно. . . Однакожь попрубуемъ. И обрашьясь къ Зиновію: „вниманіе пвое обращено на сія карпины, сказалъ онъ. Эпо плоды пренжихъ лѣпъ моего уединенія. Я послѣдовалъ примѣру сихъ угодниковъ Божіихъ: каждый изъ нихъ, послѣ бурнаго плаванія въ океанѣ свѣша, уклонялся въ мирную пришпанъ уединенія, и вечерѣя жизнью, шихо знакомился съ смершію и вѣчноспію. Но счаспливѣ спокрапъ юноша, посшипшіій всю цѣну уединенія, всю суешность наслажденій земныхъ и высокое шайнспво жизни загробной! . . Тихо займетсѣ зарѣ дней его, весело опсвѣпишь солнце жизни. . . Въ глубокой шипинѣ едва слышенъ ему дальній шумъ міра и ропощъ суешливыхъ обипашелей его. Любезный юноша! бури ужасающъ пловцевъ, бури заносѣшъ ихъ изъ одной часпи свѣша въ другую, — опъ бе-

реговъ, блискающихъ великолѣпными городами, къ дикимъ необитаемымъ спранамъ: но бури жишейскія свирѣѣе морскихъ... Зиновій слушалъ шара и не могъ понять, къ чему клонились слова его. — Съ любезною простотою угощалъ Вассіанъ гостя своего и, послѣ умѣренной шрапезы, предложилъ успокоиться опъ шрудовъ. Юноша уклонился подъ шѣнь древняго дуба, подлѣ гремячаго изшочника, положилъ голову на мшишые корни, — и сладкій сонъ одѣлъ безпечнаго крыломъ своимъ.

Какъ пріяшенъ сонъ юности, въ лѣша счастливой невинности, доколѣ чувства безмятежны, душа покойна и совѣсть ясная, какъ лазурь неба, не зашмился еще шлѣшворнымъ дыханіемъ шпрасшей! Во время сна Зиновіева пущынный сидѣлъ у порога хижины въ глубокой думѣ о важномъ порученіи своего друга. Еще разъ перечишывалъ онъ жаршію его: „Я посылаю къ тебѣ сына, писалъ Филомаръ, кровь Хмельницкихъ кипишь въ жилахъ его и сердце сильно бѣшся при имени свободы и славы. Ученіе не могло довольно насышшишь всѣхъ его шпособностей. Скоро

уразумѣль онь языкъ Гомера и Тацита (*); его дѣяшельность неояспунно прѣбуешъ новой пици: оружіе, лавры и слава — вошь его милья мечпы, предметы надеждъ и желаній. Испышай сего любимца души моей, другъ мой! Проникни взоромъ мудроспи въ пайныя извишія его чувспвъ; можешь бышь ешь еще средспво уполишь въ немъ сей гладъ юнаго сердца, сію жажду къ войнѣ, успокоишь волненіе души, гошовой приняшь всѣ спраспи и подвергнушья всѣмъ бѣдспвіямъ жизни. Пустьъ сладость бесѣды швоей смягчишь въ немъ решивосшь юнаго духа, умѣришь чувспва и попуцишь, если можно, сію пламенную спрасшь къ славѣ: ибо чшо шакое слава міра сего? Я пробѣгаю рядъ славныхъ людей и не нахожу ни одного, кошорый бы не спрадалъ опъ самонравія Государей, опъ неблагодарности народовъ и умерь бы спокойно. . . . И я самъ не довольно ли испышалъ шщепу всего вели-

(*) Извѣстно, чшо Хмельницкій зналь оба сія языка и на послѣднемъ писалъ граматы къ Королямъ Польскимъ.

члѣ земнаго? О! если бы я тебя послушала, сколько горестей, сколько быдшихъ избавился бы въ жизни! — Признаюсь, я желаю, чшобъ сынъ мой забылъ о свѣшѣ и самъ, забвенный свѣшомъ, въ спокойной неизвѣстности, подобно безымянному пустынному ручью, провелъ вѣкъ свой мирнымъ господемъ юдоли земной. Жажда къ военной славѣ разправляетъ только душу, не дѣлая ее счастливою. Иное дѣло, если бы у насъ было опечесство. . . Но мы рабы! Истинная слава и безсмертіе не могутъ быть удѣломъ нашимъ. Испытай же моего сына! . . . Если увидишь, что духъ его неукротимъ и стремленіе къ подвигамъ неодолимо, то . . . Видно всему роду Хмельницкихъ суждено бороться съ бурями спрасшей и быть игрою случаевъ.“ Крошкій Васіянъ, все еще въ задумчивости, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ уснулъ Зиновій; но его уже память не было. Черезъ нѣскольکو часовъ юноша возвратился, обремененный ношею наспрѣленной имъ дичи.

Съ воспоргомъ рассказывалъ онъ о множествѣ различныхъ птицъ въ сихъ пустыняхъ, о дикихъ звѣряхъ, кошорыхъ ревѣ

доходить до него изъ глубины лѣса. — Еслибъ былъ здѣсь; говорилъ онъ, другъ мой Осмундъ, мой вѣрный поварищъ въ шрудахъ и сподвижникъ въ звѣриной ловлѣ: помы безъ спраху проникли бы въ самую мрачность вашихъ лѣсовъ и смѣло напали на берлоги черныхъ медвѣдей. „Видно ты очень любишь охоту?“ — Сказалъ Вассіанъ. Какъ не любишь ее! Вѣдь она шочный образъ войны! — „И при томъ шакую опасную.“ — Чѣмъ болѣе опасности, тѣмъ больше славы! Сшарецъ пожалъ плечами и вошелъ въ хижину совершашъ вечернее моленіе. Зиновій оспался одинъ, управлялъ свою дичь, смолѣлъ на заходящее солнце и мечталъ. . . Шумъ деревъ, гулъ и шелестъ по лѣсамъ предспавляли пылкому воображенію его шесшвіе полковъ. Ему казалось, что дубравы преображались въ ополченія, поля покрывались шпроями, а звукъ оружія далеко разшекался по вѣтрамъ. Бурное печеніе Днѣпра еще болѣе пишало мечшашельность сію, предспавляя образъ сраженій. День прошекъ; солнце, озлапивъ зеленые венцы горъ, ошановилось на минушу въ видѣ свѣшлаго алаго шара, шихо зыблясь въ си-

рыхъ пѣняхъ, среди зубчатыхъ гранишныхъ скалъ... Наконецъ оно угасло и вечеръ со всѣми своими прелестями наступилъ. — Пущынный кончилъ молитву, взялъ юнаго гостя за руку и медленными шопами пошелъ съ нимъ на возвышеннѣйшій холмъ къ Днѣпру. — Они сѣли. Обширный кругъ окрестностей предсѣвился зрѣнію: рѣка шумѣла по долинамъ; берега ея пошонули; верхи высокихъ горъ зеленѣли въ видѣ мѣлкихъ острововъ; земляныя глыбы и бурею испорженныя деревья носились по волнамъ; луна тихо всплывала на горизонтъ; холодныя лучи ея, казалось, приподымали край завѣсы, кошорою ночь покрыла землю. Вечернія росы разсыпались алмазными искрами и засвѣжились! — Все посребрялось въ шой шоронѣ, шогда, какъ въ прошивулежащей шемнѣли сумерки. Заря догарала въ румяномъ сіяніи; пурпуръ ошсвѣчивался въ зеркалѣ шихаго залива. Ничшо не нарушало глубокой шшины ночи, кромѣ глухоревущихъ водъ и шайншвеннаго шопаша засыпающихъ лѣсовъ.

При семъ священномъ величествѣ Природы пущынный и Зиновій долго безмол-

спивовали, въ умилени сердечномъ. Наконецъ первый прервалъ молчаніе: „Ты видишь, говорилъ онъ, что съ ошсущствіемъ дня, вся Природа умолкаетъ и покоится: шакъ проходишь день суешь нашихъ! и цѣлая жизнь не еспь ли одинъ мяшежный день? Иные до самаго гроба не знаютъ успокоенія, борясь непрерывно съ волнами пучинъ мірскихъ, а я, благодаря Провидѣнію, хотя скользкою спезею опышовъ, доспигъ надеждной и безшумной приспани. Живя въ обществѣ среди безчисленнаго множества воплощенныхъ спраспей, нельзя не покориться имъ. Но уединеніе ограждаетъ челоѡка ошъ всѣхъ поспороннихъ навѣшовъ, ошъ всѣхъ внѣшнихъ ударовъ судьбы. Когда война свирѣлспивуетъ въ одной изъ чуждыхъ намъ обласпей, мы сожалѣемъ только о бѣдныхъ гражданахъ ея; но кто имѣетъ шамъ свои помѣспья и дома, горько съшууетъ, спрашася, что все его имущество погибнетъ ошъ меча и пламени враговъ. — Общество людей еспь поле вѣчныхъ бипшъ. Кто имѣетъ въ немъ свою собственность, шопъ безпреспанно долженъ шрепешашъ о пошерѣ...“ Вассі-

льнѣ говорилъ съ жаромъ. Юноша слушалъ съ почтениемъ и равнодушіемъ: въ продолженіи рѣчи сшарца осприлъ онъ на ошломкѣ граниша копіе свое, служившее ему вмѣсто посоха. — Пустынникъ примѣшилъ холодность слушателя и, продолжая испытаніе, завелъ совсѣмъ другой разговоръ: „Сколько шебѣ лѣтъ?“ — Опець мой говоришь, что уже скоро кончится двадцать — И я думаю поже, Ты родился, любезный Зиновій! въ блисшательную эпоху жизни швоего родишеля.

„Ополченіе Козаковъ ввѣрено было Сигисмундомъ ошцу швоему: онъ воздвигнулъ хоругвь ошечешва и пысячи Малороссіянъ, ревностныхъ любишелей славы и браней, спеклись по гласу его. Филомару и мнѣ вручены булавы начальшва. Сыны Малороссіи не могли сражашься для свободы; но имъ дозволено было сражашься для славы — и полки храбрыхъ съ всселиемъ лепшди на брань. Война была съ Турками. Еще Польскіе легіоны не успѣли двигнушься, а быспрые Козаки уже покрыли берега Днѣспра лѣсомъ копій своихъ. Съ великою сшдою Визирь перешель рѣку и песпрые ша

пры свои раскинулъ на необозримыхъ долинахъ. Турки не двигались далѣе и мы сползли. Съ каждою упренней зарею воздухъ оглашался дикимъ крикомъ ихъ тысячей, возсылавшихъ моленія къ Пророку. Топотъ и ржаніе безчисленныхъ коней, глухой бой по нахрамъ и рѣзкіе звуки трубъ наполняли окрестности бранною грозой; но опещившой, чуждый страха и врагъ бездѣйствія, равнодушно взиралъ на гордость мусульманъ. — Умышленно показывая, будто спрашивая множества ихъ и желая окопаться, онъ повелѣлъ мнѣ съ частію легкихъ войскъ обойти безпечнаго непріятеля съ крыла. Съ вечера и до зари упренней шелъ я съ ополченіемъ своимъ по самымъ непроходимымъ и скользкимъ въ концѣ осеннихъ мѣсяцевъ пушамъ. При слабомъ мерцаніи умирающей луны, по взбирались мы на крутизны горъ, по сходили въ пропасти и съ саблями въ рукахъ пробирались сквозь чащу дикаго лѣса. Наконецъ восходящее солнце указало хребетъ непріятельскихъ ополченій. Ревность къ бою превозмогла усталость: никто не думалъ объ отдыхѣ; мы подали условный знакъ — и... Тушь Вас-

сіань ошановилса, чшобъ взглянуть на Зиновія. — Юноша пылалъ; глубокое вниманіе оковало всѣ чувспва его; онъ съ жадностію пожиралъ каждое слово спарца — и . . . Далѣе, опецъ мой! далѣе! Я стараю неперпвнїемъ слушашъ шебя. Спарецъ пошмошрѣлъ на юношу, улыбнулса и продолжалъ: и — пушки, искусно скрышыя опцемъ швоимъ, загремѣли. . . Мы ударили съ шылу, а конница Малороссійская, разпахнувъ знамена, сомкнувъ ряды и громко воскликнувъ: за вѣру и славу! быспрѣе вихря помчалася на чело спана Турецкаго. . . Ужасна была сѣча; — кровь разлилася по землѣ и кровію обагрились воды. Наконецъ неприяшель смяшый, опрокинушый смѣлымъ налешомъ нашихъ войскъ — ушпупилъ поле. Спрахъ убысприлъ опшшупленіе невѣрныхъ и преврашилъ наконецъ въ рѣшительное бѣгшво. Мусульмане запрудили рѣку шѣлами. Пораженіе было совершенно: огромный спанъ, великіе обозы, богашштво и шпрофеи достшались въ руки Козаковъ и опецъ швой, подѣ шучами гусшаго дыма, на поляхъ обдишыхъ кровію и ушпанныхъ шрупами — принялъ свѣжій лавръ изъ рукъ

побѣды. “ — О мой отецъ! великій отецъ мой, воскликнулъ юноша внѣ себя, обливаясь горячими слезами: для чего не говорилъ ты мнѣ никогда о славѣ твоей? Съ какимъ пламеннымъ воспоргомъ облобызала бы я побѣдоносныя длани героя! Но продолжай! ради Бога продолжай! Бесѣда твоя припшнѣ млека въ день жажды и слаще меда: ароматныхъ липъ — „Отецъ твой написалъ съ поля сраженія къ Сигизмунду: „Государь! Легіоны Польскіе были еще далеко, а непріятель въ глазахъ; храбрые Козаки горѣли нешерпѣніемъ сорвали шапры непріятельскіе концами копій своихъ; мы сразились; маперъ Божія спала за насъ; Магомель дрогнулъ и сила гордыхъ разбиша въ прахъ! Пѣнныхъ пашей и профей съ благоговеніемъ повергаю къ стопамъ твоимъ.“ — Сигизмундъ, признашельный на сей разъ, къ заслугамъ Филомара, не умедлилъ благодарноспію. Мечъ, осыпанный дорогими каменьями, булава Гешманская и бунчукъ приготовлены въ даръ побѣдишело. Супруга Сигизмундова собственными руками вышила почешное знамя для войска Казацка-

го. Съ сими-шо дарами ошправилась къ арміи пвоя машь, бывшая въ великихъ поче-спяхъ при Дворѣ. Многія прелесшныя дѣвы изъ соотечеспвенницъ нашихъ сопущспво-вали ей. Между шѣмъ Филомаръ не дремалъ на лаврахъ: онъ взялъ валовымъ присшупомъ крѣпость Турецкую и разбилъ оспашокъ войскъ, оградившихъ себя окопами въ полѣ. Тѣмъ окончилась война.—Въ эшо время при-была въ спань побѣдишелей пвоя машь. Она была беременна и вскорѣ разрѣшилась—шобую. Ужасна была ночь, въ кошорую родился шы!—Осенняя буря возмушила Природу; крас-ныя молніи раздирали черную завѣсу шучь; громъ капился за громомъ и лѣзвія ко-пій нашихъ, подобно рядамъ зазженныхъ свѣчь, горѣли нѣкимъ синимъ пламенемъ, низходившимъ съ небесъ. Но съ первымъ лу-чемъ зари шшина возспановилась и солнце возсіяло въ полномъ великолѣпш своемъ. Бѣлобрадые спарцы, прозирающіе въ шаин-шво судьбъ, заключили, что жизнь швоя будешъ бурна, мяшежна; но . . . „ Будешъ ли она славна? ошець омой: ибо человекъ безъ славы еспъ напрасное бремя общест.

ва; ничто не опличаетъ его въ общемъ спадѣ пварей земныхъ. — „ Она озарилась наконецъ славою!“ — О если бы Провидѣніе оправдало сіе предвѣщаніе! Такъ возкликнулъ Зиновій, — и въ сію минушу испуленнаго воспора можно было видѣшь по блеску очей, пыланію ланишь и движенію лица, сколь сильно прогало его повѣсвованіе сіе и чѣмъ онъ нѣкогда можетъ бышь. Спарецъ видѣлъ эшо; но припворно показывался равнодушнымъ. „И пакъ ты жедаетъ собышія сего пророчеспва, говорилъ онъ, и бури не спрашатъ тебѣя, мой милый Зиновій?“ — Одни малодушные спрашатся опредѣленій судьбы. Я видаль, что съ насщупленіемъ бури, когда влажныя облака, гонимыя вѣспромъ, въ великомъ безпорядкѣ взбѣгають на горизонтъ, всѣ робкія ппшцы, суешся и шоскуя, съ крикомъ ищупъ убѣжища; но смѣлый орель, опважно ширяясь на вѣспрахъ, паритъ подъ блескомъ молній и сражається съ щучами! . . . „Я понимаю, что ты хочешь сказаць, возразилъ Вассіянъ, перебивъ рѣчь его: но, сынъ мой, не лучше ли пройши *поприще* жизни сей сше-

зею мира, спезею, усѣянною цвѣтами прѣспыхъ наслажденій? Не приащѣ ли жипь покойно, въ свѣтлой хижинѣ, услаждашья дружбою, пишашья млекоь спаць своихъ и одѣвашь себя домашнимъ руномъ, весело засыпашь въ благоуханіи цвѣшовъ и еще веселѣ пробуждашья сладкимъ гласомъ ушра? Не лучше ли, уполивъ безпокойство юнаго сердца, сочешашь его съ сердцемъ милой дѣвицы—выбрашь супругу вѣрную, кропкую, соединяющую разумъ съ нѣжностію? Не благоразумнѣ ли укрышь свѣшпильникъ жизни своей опъ вихрей случайности, опъ мяшежа людскихъ спраспей, подъ шѣнь домашняго благополучія; *быть* для шого, чшобъ наслаждашья бышіемъ своимъ и, процвѣпя сѣдинами, оспудивъ привязанность къ жизни, пихо угаснушь въ объщіяхъ любимицы. души швоей—въ кругу семейшва, опершись на вѣру и чистую совѣсть?“ Зиновій молчалъ. — „Юноша! думаешь ли шы, чшо шумъ оружія досшавляетъ приащнѣшій сонъ, чѣмъ журчаніе родныхъ ключей?.. Гдѣ надѣнешься бышь спокойнѣ: въ шеплой хижинѣ или въ рапномъ шапрѣ, нерѣдко разкинушомъ на снѣгахъ и окруженномъ всею

суровостию зимнихъ бурь и шрупами мерзлыхъ и умирающихъ? — Опвѣчай же, какъ думаешь? — Бури и слава, опецъ мой, да будущъ удѣломъ жизни моею! Для славы годовъ сразишься со всѣми бѣдствіями въ мірѣ. Но да поразитъ меня небо всѣми громами своими, если честолюбіе спанешъ управляешь поспупками моими, если возжажду славы для личныхъ своихъ польвъ. — Нѣшь, я хочу приобрѣсшь славу, чшобъ получишь довѣренность народа и, уважая свяпосшь оной, упошребитъ ее къ его же благу. — Теперь ли шо время, о мой опецъ! чшобы помышляшь о мирной жизни и шихихъ радостяхъ семейнаго счастья? — Чшо сказалъ бы щы о дѣшяхъ празднующихъ брачной пиръ свой подѣ смершнаго одра умирающей машери! — А развѣ Малороссія не машерь намъ? развѣ не на смершномъ одрѣ возлежишь она? и кшо не видишь глубокой могилы, изрываемой ей самовласпіемъ пирановъ? — Такъ! Каждой Малороссіянинъ долженъ забышь нынѣ всѣ наслажденія челоуѣка, всѣ радости жизни и помнитъ шолько одно опечество. Да угаснушь свѣщи брачныя, да исполнишь край нашъ слезами, спонами и молені-

емь! — Пусть каждой супругъ опречется раздѣлять счастье брачнаго ложа съ молодою подругою, женихъ да не вводишь невѣсты во храмъ и машери да поклянутся не приближаться къ колыбелямъ первенцовъ своихъ, доколь не будетъ свободно опечество! — Нѣтъ наслажденій въ оковахъ и жизнь, даръ неба для благородныхъ и свободныхъ существъ, не должна бытъ удѣломъ рабовъ. Бассіанъ глубоко вздохнулъ и, помолчавъ нѣсколько—, трудно одолѣвъ опредѣленіе неба! сказалъ онъ тихо и продолжалъ разказъ. “Возхищенный родишель взялъ на руки новорожденнаго и вынесъ предъ войско: громъ пушекъ и восклицанія рашниковъ вспрѣшили — тебл! . . Среди желѣзнаго лѣса копій и мечей, на полѣ рашномъ, въ виду дымящихся низпроверженныхъ окоповъ непріятельскихъ и разбишыхъ стѣнъ, почтенный пастьрь церкви совершилъ крещеніе швое. Вода зачерпнуша была изъ Днѣспра и налиша въ купель шлемами храбрыхъ. Одинъ изъ воиновъ, имѣвшій почти столько же ранъ, сколько щипалъ лѣшъ жизни своей, и другой я были воспріемниками швоими.” — Зиновій съ безмолвнымъ почщеніемъ об-

лобызаль руку спарца; Вассіанъ прижалъ
 его къ сердцу и продолжалъ: „Подъ зву-
 комъ шрубъ и вѣяніемъ знаменъ пы былъ
 повишь; хоругвь опечества остѣнила колы-
 бель, повѣшенную на раповѣе копія; роди-
 тельница швоя, не смопря на знашность
 сана; обѣщала бышь сама швоею кормилицею,
 опецъ же — наславникомъ швоимъ.„ О Бо-
 же! восклицаль родипель швой, подѣмля ше-
 бя къ небу: „даруй, да содѣлаеніся млада-
 нець сей наслѣдникомъ славы предковъ сво-
 ихъ и—если не силенъ будешь разорвашь цѣ-
 пей своего опчества, пусшь обовѣштъ
 ихъ свѣжими лаврами! Слова пуспынника съ
 неизъяснимою силою дѣйшвовали на Зино-
 вія: всѣ спруны сердца его пошряслись.„
 Такъ, я вижу ясно, сказаль по нѣкопоромъ
 молчаніи Вассіанъ, я вижу, что не рождень
 пы для спокойшвія! . . Будь здѣсь, или по-
 слѣдуй за мною въ хижину: я напишу оп-
 вѣшь швоему опцу. — Зиновій оспался. Ночь
 непримѣщно пролетѣла. Уединенная звѣ-
 зда ушра, какъ шлѣющая искра, краснѣясь,
 сверкала на сицемъ краю неба; вечерній со-
 ловой умолкаль и ранній жаворонокъ, не-
 зримый въ радужныхъ кругахъ, казалось, ро-

нялъ съ высоты разсыпчашые звуки пѣсни своей. Свѣжій вѣперокъ прохладилъ воспаленныя чувства юноши; заря осѣнила его розовымъ сіяніемъ и сладкой сонъ увель за собою по злымъ пропамъ въ цвѣшущія долины мечпаній. Вассіанъ, возвращаясь въ хижину, въ сумеркахъ догорающей лампы, написалъ слѣдующій опшвѣтъ Филомару: „Я исполнилъ порученіе. Не нужно дальняго испышанія, чтобъ увѣришься, что сынъ швой не рожденъ для спокойнаго уединенія. Можешъ бышь сердце его умягчилось бы и разпаяло въ обильномъ вершоградѣ счастья, на мягкомъ лонѣ роскоши и нѣги; но вопианіе, досшавленное ему побою, и самая бѣдность ваша укрѣпили и возвысили духъ его до степени геройства. — Эшо юный левъ, видящій добычу въ единыхъ подвигахъ; эшо орель, кошорый умрешъ съ шоски, если обрѣжущъ ему крылья. Скорѣй удержишь спремленіе Тясмины къ Днѣпру, нежели порывъ сына швоего къ славѣ. И шакъ молишь за него Богу, пригошовляйся къ разлукѣ и оспри мечъ опшцовъ швоихъ.“ — Три раза вспрѣчалъ Зиновій солнце въ пышномъ уединеніи Вассіана и вечеръ прешь-

эго дня назначенъ былъ для разлуки. Пустынникъ благословилъ крестника своего образомъ Спаса Нерукопвореннаго. — „Сей образъ, говорилъ онъ, защищала грудь мою во всѣхъ кроволишнихъ бояхъ отъ тысячи непріятельскихъ стрѣлъ: да совершишь онъ такое же чудо и надъ шобою, сынъ мой! — Я бы охотно подарилъ тебѣ мечемъ и копіемъ моимъ, но сдѣлавшись орудіями мира, они уже не будутъ годиться въ браняхъ: копіемъ я копаю пшпашельные корни, а мечемъ пожинаю цѣлебныя травы.“ — Послѣ сего взялъ пустынникъ копье и стрѣлы Зиновіевы, положилъ ихъ передъ иконами, прочелъ шихо шпашпашельныя молишвы и омочилъ освященною водою. — Изъ объятий пустынника, окропленный его слезами, освященный отщеческимъ благословеніемъ юноша спѣшилъ къ дому родпшельскому. Свѣжая легкая кровь играла въ жилахъ его; юношп придавала крылья ногамъ — и онъ не вѣдалъ усталости. — Безпечная юность! прелестная заря бурнаго дня жизни, цвѣтущее предверіе шернаваго лабиринта горестей, сколь блаженна шп мирнымъ спокойствіемъ чувствъ своихъ, свѣтлою совѣстію, ново-

спію надеждъ, свѣжестію мечпаній, а болѣ всего своею неопытностію! Ты не имѣешь еще печальной способности предузнавать грядущія бѣдспвія и увядаешь преждевременно въ шокъ предчувствія! Спокойно засыпаешь ты на краю глубокой бездны и весело играешь въ тѣвпахъ, не заботясь, что громы гошovy ударишь надъ побю! Горестъ ожидала Зиновія въ жилищѣ ошца его. Нѣжный Филомаръ спрашилса бышь вѣспникомъ печали.“ —

Зиновій имѣлъ рѣдкое сокровище въ жизни, священнѣй залогъ благоспвіи небесной — онъ имѣлъ друга! — Осмундъ, прекрасный юноша, покорный сынъ, благочестивый почишатель вѣры ошцовъ своихъ и спраспный любитель свободы, былъ вѣрнѣйшимъ и единственнѣмъ другомъ его. — Вмѣспѣ чипали они Греческихъ позшовъ и Римскихъ испоршковъ; вмѣспѣ спранспвовали по лѣсамъ, совокупными силами поражали дикихъ звѣрей и нерѣдко, рука объ руку, переплывали Днѣпръ даже во время сильной бури. Осмундъ, будучи нѣскольکو шарѣ друга своего, былъ спепеннѣ, расудишельнѣ. Первѣй, избѣгал опасностей, умѣлъ имъ прошивустояшь;

другой любилъ находить и побѣждать ихъ. Осмундъ, никогда неплакавшій о собшвенныхъ гореспяхъ, проливалъ слезы о плѣненіи опечесшва. Зиновій горѣлъ желаніемъ пролить кровь свою за него. Одинъ былъ вшпороженъ въ предпріятіяхъ, бережливъ въ домашней жизни, спрогъ къ себѣ и другимъ; другой щедръ, великодушень, снзходящелень. Оба одарены способностями ума, просвѣщены науками: но первый, можетъ быть опъ излишней шочности, медлень въ сображеніяхъ; другой ловиль мысли, шакъ сказашъ, на полешъ, быспро проникаль въ связь обшояшельсшвъ, въ насшоящее шеченіе дѣль, и, смѣлосшю заключеній, опгадывалъ будущія послѣдствія, словомъ: Осмундъ могъ быть *славнымъ*, а Зиновій *великимъ* человекомъ. — Свѣчка, подкрѣпляемая сходсшвомъ воспшанія, образа мыслей и правилъ, спѣспила узы искренней дружбы между двумя юношами, и сшо-шо связь шполь искренней, вѣрной дружбы, шполь безчеловѣчно разшоргли жестшосердые Лишовцы. Дорожа слишкомъ выгоднымъ для нихъ приобрѣшеніемъ Малороссіи и спрашась выпустить изъ рукъ спрану сшо, хшстрые вла-

*

спелины не щадили и самыхъ уничижительныхъ средствъ къ угнѣшенію духа народнаго.

Всѣ способы къ оборонѣ были опіяшы, огнѣспрѣльные орудія опобраны и порохъ запрещенъ. Даже не велѣно возить на шорги въ города шонкихъ дровъ: боялись, чтобъ народъ не опбилъ дреколѣемъ правъ своихъ. Въ столицѣ Польской у пресшолла Владиславова ничѣмъ сполько не занимались, какъ изобрѣшеніемъ налоговъ на Малороссію. Хошѣли изнищить народъ, полагая, что бѣдность и нужда скорѣе всего приучашъ людей вольныхъ къ покорности безопвѣстной. Сборщики подашей, опкуящики и присшавы давили народъ. Все было опдано на опкупъ: сборъ подашей, горячее вино, земля, лѣса, озера, рыбныя ловли въ рѣкахъ и даже колодези — все, кромѣ воздуха: ибо наконецъ явились и шакіе наемники Липвы, кошорые не успыдились похищашъ молодыхъ людей въ Малороссію и увозить ихъ въ Польшу. Многіе земледѣльцы, звѣроловы и пасшыри пропадали безвѣсши. — До сихъ поръ жребію сему подвергались шолько беззащитные по-

селяне; наконецъ злодѣи, разсмѣлясь, просперли хищеніе свое и на свободныхъ благородныхъ юношей. — Въ одинъ день, вскорѣ послѣ опсупспвія Зиновія, отецъ и мать Осмундовы прибѣжали къ Филомору въ слезахъ: „мы лишились нашего сына! восклицали они, рыдая: „Вчерашній день на „пала шолпа *невѣдомыхъ* и увлекла ёго съ „собою въ шо время, когда онъ подавалъ „ушѣшеніе бѣднымъ, ушомленнымъ шяжки- „ми шрудами земледѣльцамъ. Боже! кшо кро- „мѣ безчеловѣчныхъ Липовцевъ, сихъ лю- „шыхъ шигровъ, могъ похипишъ у насъ „подпору нашей шпароспи, ушѣшеніе жиз- „ни — единороднаго нашего сына?“ — Вскорѣ вѣрный слухъ оправдалъ ихъ догадки. Филомаръ плакалъ вмѣстѣ съ друзьями и самъ шрепешалъ о судьбѣ своего Зиновія. — Священное дружешшо! спрасшъ благословенная небомъ, надежная подпора на скользкомъ пуши жизни, прияшная подруга въ радосши, сладкая ушѣшишельница въ гореспяхъ, сколь удивишельно могущешшо швое! Одинъ взоръ швой прояснешъ сгущенный шуманъ печали; одна улыбка награждаешъ всѣ пошери. Очаровашельный голосъ швой,

голосъ, проливающій неизъяснимую сладость до самой глубины души, водворяетъ спокойствіе въ мятежныхъ чувствахъ. Прикосновеніе успъ твоихъ врачуешь всѣ раны сердца, пронзеннаго стрѣлами безнадежной любви, или жаломъ дикихъ спрашекъ! Дружба, любимая дочь Неба! всегда посюющая въ чувствахъ, всегда неизмѣнная въ дѣйствіяхъ, ты подобна полной луиѣ, равно освѣщающей спези пушника во всѣ часы ночи отъ вечерней и до утренней зари, между тѣмъ какъ другія спрашки, сверкая лучемъ молніи, или ложнымъ свѣтомъ блудящихъ огней, обольщаютъ взоръ несчастнаго и заводятъ его въ пропасти!

О дружба! рай благородныхъ душъ, опрада убогихъ и несчастныхъ, дружба незнакомая вельможамъ и неизвѣстная Царямъ! твое спремленіе забывать себя; твоя цѣль созидашь счастье друга. Помощница въ трудахъ домашнихъ, участница во всѣхъ мечтахъ, во всѣхъ предпріятіяхъ, никогда не являешься ты въ шакомъ блескѣ, какъ въ минушны бѣдствія друга твоего! Первая въспъ о его несчастіи заставляешь тебя забыть всѣ свои наслажденія, оставишь

всѣ надежды и лещѣшь съ неизъяснимымъ мужествомъ сквозь тысячи опасностей пуга, гдѣ гремятъ перуны судьбы надъ главою спрадальца; лещѣшь—и собственною грудію заслоняшь упадающаго друга отъ удара рока, онъ спрѣлъ злополучія! Свиданіе съ другомъ естъ перла въ вѣнцѣ радостей; разлука люшѣйшее мученіе! И сіе-шо мученіе, можешь бышь еще первой разѣ въ жизни, долженъ былъ испытать Зиновій. Онъ испыталъ его въ полной мѣрѣ. Ощачніе родителей Осмундовыхъ и слезы Филомара скоро извѣспили возвратившаго о невозвратной пошерѣ его.—Кшо выразишь горестію юности? Спрашная горлица, наполняющая воздухъ жалобами, съ безпокойствомъ лѣзла по лѣсамъ и бія щожную грудь свою о жесткую кору деревъ, не съ такою горестію съпуешъ о пошерѣ милаго, какъ съповалъ Зиновій о другѣ своемъ. Онъ ломалъ себѣ руки, раздиралъ одежды свои, вырывалъ клоки прекрасныхъ власовъ и въ дикомъ, неразшворенномъ слезами ощачніи проклиналъ щирановъ Малороссіи.

„Змѣи! вскормленные слезами, пошомъ и кровію нашею, гладные волки, враны хищ-

„ные! доколѣ будете пишаться ранами Опечесства нашего? Вы, люшые! вы погубили друга моего!... Но шрепещите! раздраженная дружба ужасна: я пробѣгу дикія пустыни, возмущу дремучіе лѣса; вопли мои созовушъ плошодныхъ звѣрей, шоны дружны бы покоряшъ ихъ мщению; мщение поведешь прямо на сердце Липвы, изшоргая шонъ за шонъ, слѣзы за слѣзы, и проливая кровь за кровь! Ахъ! оппусти меня родишель мой, я буду ужаснымъ мщителемъ опечесства и дружбы!“ —

Внезапное похищеніе Осмунда, справедливое ошасеніе, чшобъ не поспигла шакая же участь Зиновія и рѣшишельной опвѣщъ Вассіяна склонили Филомара оппустить немедленно своего сына. Родишели Осмундовы рѣшились переселиться въ долину Филомарову; Вассіянь обѣщаль скоро посѣшить его и — можешъ бышь, навсегда съ нимъ водвориться. Нѣсколькo дальнихъ родшвенниковъ и всѣ друзья Хмельницкаго собрались проводить Зиновія въ далекій путь. Всѣ вмѣстѣ пламенно молились Богу въ небольшомъ храмѣ, сооруженномъ усердіемъ Фи-

домара. Тамъ же близъ гроба матери Зиновіевой при ночи сряду проводилъ Филомаръ въ тайной бесѣдѣ съ сыномъ своимъ. Луна и тѣни ночныя были единственными свидѣтелями ихъ. Неизвѣстно, что они говорили: но всякой разъ отецъ и сынъ возвращались въ слезахъ.

Древній мечъ, переходившій отъ отца къ дѣтямъ въ родѣ Хмельницкихъ, изоспирень и опцанъ Зиновію: „Онъ покрытъ ржею,“ говорилъ Филомаръ: ея смывають кровію!“ —
Добрая мать Осмундова повѣсила на шею Зиновію крестъ и узелокъ съ землею, взяшою съ гроба матери его: „эшо предохранить тебя, сказала она, въ дальнихъ справахъ отъ лютейшей сердечной болѣзни — *„тоски по родинѣ!“* —

Наконецъ часъ разлуки насталъ. Спарецъ Хмельницкій, укрѣпя всѣ силы души своей, поручая сына Богу — съ мужествомъ Героя, безъ слезъ и рыданій, проспился съ другомъ души своей. — „И шакъ, сынъ мой! говорилъ Филомаръ: „иди прямо въ Крымъ; тамъ еще не умерла слава имени нашего: спарцы были очевидными свидѣтелями ве-

дикихъ подвиговъ Хмельницкихъ; а юноши
знають о нихъ по преданіямъ ошцевъ! Зи-
новій внялъ волю родителю своего и пошелъ
въ Крымъ.

Конецъ I книги.

(Продолженіе можетъ быть.)

О ФИЛОСОФІИ АНГЛИЧАНЪ.

(ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ Г. СТАЛЬ.)

Кажешия въ насъ все доказываетъ двоякую природу: чувственную и духовную. Смотри пошому, кошорой изъ нихъ слѣдуютъ Философы, мнѣнія и чувствовонія во всѣхъ отношеніяхъ бываютъ совершенно противоположны. Сферу чувствованій и мыслей можно опредѣлишь другимъ образомъ: есть въ чловѣкѣ и то, что исчезаетъ съ земнымъ его существованіемъ, и то, что переживаетъ все плѣнное. Приобрѣщаемое опытами имѣетъ границы, а внушаемое нравственнымъ побужденіемъ безпредѣльно. Впрочемъ какъ бы мы ни говорили объ этомъ, все должно признаться, что въ такомъ существѣ, кошорое и подвержено смерти и предназначено къ безсмертію, есть два различныя начала бышія.

Разположеніе ко всему духовному обнаруживалось всегда у народовъ Сѣвера, и еще до введенія христіанства склонность сія показывалась въ самомъ порывѣ воинственныхъ спраспей. Греки вѣрили чудесамъ, постигаемымъ чувствами; Германцы помышляли о чудесахъ душевныхъ. Вся поэзія ихъ наполнена предчувствіями, предвѣщаніями, опкровеніями сердца, и между пѣмъ какъ Греки соединялись съ Природою удовольствіями, жипели Сѣвера возносились къ Творцу духовными чувствованіями. Язычество спранъ полуденныхъ обоготворило естественныя явленія; на Сѣверѣ почипали магію, пошому что она присвоила уму челоѣческому неограниченное могущество надъ вещественнымъ міромъ. Духъ и видимая природа, воля и необходимость раздѣляютъ бытіе наше между собою и смотря пошому, какъ принимають силу, внѣ или внутри насъ, мы почишаемъ или чадами неба, или рабами земли.

При возрожденіи наукъ одни занимались школьными ушонченностями Мешафизики; а другіе предавались суевѣріямъ магіи; искусство наблюдать владычествовало въ обла-

спн чувспвенной болѣе, нежели енгузіазмъ въ умспвенной; у Философовъ почти совсемъ не было ни опытноспн, ни вдохновенія. Явился гигантъ Баконъ (Веруламскій); никогда чудѣса Природы, и ошкровеніе мыслящаго начала не были объяснены съ такимъ оспроуміемъ. Въ швореніяхъ его нѣтъ ни одного выраженія, кошорое не доказывало бы ученоспн и долговременнаго размышленія. Онъ одушевляешъ Мешафизику познаніемъ человѣческаго сердца, разпространяешъ кругъ дѣйсствій Философіею, основываешъ науки физическія на опытноспн; но изъ эшаго еще не слѣдуешъ, какъ нѣкошорые полагаюшъ, чшобы онъ былъ привержецъ къ шой снстемѣ, кошорая всѣ познанія производшъ опъ ошущенія. Онъ наблюдалъ все ошносящееся до души и даже счншалъ ее необходимою для изшполкованія физическихъ феноменовъ по всеобщимъ правиламъ. Въ сіе время находились еще алхимисты, прорицатели и ворожеи: въ большой части Европы не признавали Релігію изшполковашельницею истннн. Баконъ былъ пораженъ сими заблужденіями, въ его вѣкъ господшвало суверіе шакъ, какъ

въ нашъ безвѣріе. При жизни его онъ спарался опытную Философію сдѣлать достойною уваженія: у насъ чувствуютъ нужду оживляющъ внушрнній источникъ изящно-нравственнаго и безпрестанно напоминающъ челоѡву, что въ немъ существуютъ чувства и воля. Когда въ какомъ вѣкѣ царствуетъ суевѣріе, тогда наблюдательный геній робокъ и физическій міръ худо извѣстенъ; когда же наступаютъ вѣкъ безвѣрія, тогда не существуютъ болѣе энтузіазма и ничего уже не знаютъ ни о душѣ, ни о небѣ.

Въ эту эпоху, когда ходъ челоѡческаго ума во всѣхъ родахъ не имѣлъ ничего вѣрнаго, положительнаго, Баконъ собралъ всѣ свои силы, чтобы начертать стезю, по которой должна слѣдовать опытная Философія и ея шворенія еще нынѣ, желающимъ научаться шайнствамъ Природы, служащъ пушеводителями. Будучи Министромъ, онъ долгое время занимаясь управленіемъ вѣренной ему части и полишикою. Великіе умы суть пѣ, которые склонность и привычку къ размышленіямъ соединяющъ съ дѣйствіями. Въ семъ двоякомъ отношеніи

умъ Бакона былъ изобилень; но въ его Философіи не доставало того же, чего и въ характерѣ: онъ не могъ въ полной мѣрѣ чувствовати нравственной свободы человѣка; однако его нельзя сравнивать съ материалистами послѣдняго вѣка; а поборники его возвели теорію опытности выше его покушенія. Повторю еще, что онъ не приписывалъ всѣ наши понятія дѣйствіямъ ощущенія и не почиталъ раздробленія (analyse) единственнымъ средствомъ открытій. Онъ часто нествовалъ весьма смѣло и если для избѣжанія предразсудковъ, на пути ему встрѣчающихся, придерживался опытной логикѣ, то въ продолженіи пути еще болѣе ввѣрялся единому порыву генія.

„Умъ человѣческой, говорилъ Люперъ, подобенъ упившемуся креспьянину, вдуцему на лошади: когда его поднимають съ одной стороны, то онъ падаетъ на другую.“ Такимъ образомъ человѣкъ отъ одной крайности переходитъ къ другой: то мысли его отпоргаются отъ ощущеній, то ощущенія поглощаютъ мысли; онъ поспешенно желаетъ соединить тѣ и другія. Однако мнѣ кажется, что минута постояннаго

ученія уже наступила. Метафизика должна подвергнуться переворошу подобно тому, какой сдѣлалъ Коперникъ въ системѣ міра: она должна перемановити душу нашу въ центрѣ шакъ, какъ солнце, около котораго обращаются и заимствуютъ свѣтъ свои внѣшніе предметы.

Родословное дерево человѣческихъ познаній, на которомъ каждая наука имѣетъ соотвѣтствующую ей въ человѣкѣ способность, есть безъ сомнѣнія одно изъ оплечій Бакона, заслуживающаго удивленіе попомшва; но истинную славу его составляетъ рвеніе, съ каковымъ увѣщевалъ онъ опасаться совершеннаго отдѣленія одной науки отъ другой, доказывая, что всѣ онѣ соединяются во всеобщей Философіи. Онъ не шворецъ того анапомического способа, въ которомъ каждая духовная сила разсширивается порознь и въ существѣ нравственномъ не замѣчается удивительнаго единства. Чувственность, воображеніе, разумокъ служатъ взаимно другъ другу. Каждая изъ сихъ способностей была бы только болѣзнь, или слабость вмѣсто силы, если бы она не ограничивалась, или не до-

поднялась цѣлостію нашего существа. Даже науки числишельныя, будучи доведены до извѣстной степени вышины, имѣютъ нужду въ воображеніи, которое въ свою очередь основывается на почномъ познаніи Природы. Изъ всѣхъ способностей, кажущихся, одинъ разумъ можетъ легко обойтись безъ пособія прочихъ; однако, если совершенно лишили бы его воображенія и чувственности; по по сухости сдѣлалися бы мы, пакъ сказать, разсудительными глупцами и, видя въ жизни только исчисленія и вещественныя пользы, ошибалися бы въ свойствахъ и побужденіяхъ людскихъ также, какъ мечшатели, повсюду обезображивающіе безкорыстіе и любовь.

Кто желаетъ развить только одну изъ душевныхъ качествъ, погнѣ слѣдуетъ ложной системою воспитанія: предаваться одной какой либо способности значить приниматься за ремесло умственное. Мильмонъ справедливо сказалъ, что *воспитаніе хорошо только то, которое дѣлаетъ насъ способными къ исполненію военныхъ и гражданскихъ должностей.* Истинный предметъ

ученія состоишь въ приготовленіи чело-
ва бышь чело-вкомъ.

Знашь изъ какой либо науки собственно ей шолько принадлежащее, значишь прина-
равливанъ къ свободнымъ занятіямъ раздѣ-
леніе работъ по еисшемъ Смита, которая
прилична шолько ремесламъ механическимъ.
Доснигая до шой вышшы, гдѣ каждая нау-
ка касаеться нѣкопорыми шочками всѣхъ
прочихъ, мы приближаемся къ области все-
общихъ понятій, оживошворяющихъ всѣ
мысли.

Душа ешь горнило, опъ котораго ше-
плоша разливаешя по всѣмъ чувствамъ. Въ
семъ горнилѣ состоишь бышіе наше: всѣ
наблюденія и всѣ усилія Философовъ дол-
жны обращать къ сему Я—центру и пру-
жинѣ всѣхъ нашихъ чувствованій и понятій.
Безъ сомнѣнія бѣдноспъ языка вынуждаешъ
насъ упошреблять выраженія неправиль-
ныя: слѣдуя обыкновенію, надобно повшо-
рянь—шакой шо имѣешъ разсудокъ, или во-
ображеніе, или чувстввенноспъ и пр. Но же-
лая выразишь это однимъ словомъ, должно
бы сказанъ шолько: *онѣ илѣветѣ души, онѣ*

илѣствъ великую душу. Сіе по Божественное дуновение соспавляетъ челоуѣка.

Любовь поучаетъ насъ спайнспвамъ души вѣрнѣе, нежели спончайшая Метспфизика. Она никогда не прилѣпляется къ какому либо качеству предпочищаемой особы и во всѣхъ мадригалахъ спвердляетъ великое философское слово: *я не знаю погелу* люблю: ибо сіе *я не знаю погелу* есть цѣлоспъ и гармония, копорья познаемъ яви спсредспвомъ любви, удивленія и всѣхъ чувспвъ, опкрывающихъ въ насъ то, что находишься глубочайшаго и сокровеннѣйшаго въ сердцѣ другаго.

Раздробленіе, въ копоромъ изслѣдываетъ спредспвомъ раздѣленія, подобно анатомическому ножу, пригодно спольку для мерспвой Природы; но для познания дѣшущихъ спществъ оно бываетъ худымъ орудіемъ. Если спспрѣчаются запрудненія въ опредѣленіи словами оживленнаго понятія, спредспвляющаго намъ спредмети во всеихъ цѣлоспи; то сіе спроизходитъ опъ сптого, что сптакое понятіе заключается въ самомъ спществѣ вещей. Въ Философіи раздѣляетъ для сптого, спшобы спнимаешь, есть

•

такая же слабость, какъ и раздѣлять въ Полишикѣ для того, чтобы владычествовать.—Баконъ придерживался гораздо болѣе, нежели какъ полагають, идеальной Философіи, кошорая со времянь Пласона до нашихъ дней безпреспанно являлась въ различныхъ видахъ; однако успѣхъ анапомическаго способа его въ неопредѣленныхъ наукахъ необходимо дѣйспвовалъ на сиспему его въ Мешафизикѣ. Ученіе его объ ощущеніяхъ, принимаемыхъ за начало понятій, объяснили гораздо шверже, нежели какъ онъ самъ изложилъ оное. Вліяніе сего ученія мы ясно можемъ видѣшь въ двухъ школахъ, онымъ произведенныхъ — Гоббеса и Локка. Хошя ша и другая много различспвуютъ въ цѣли; однако начала ихъ во многихъ опношеніяхъ одинаковы.

Гоббесъ принялъ буквально Философію, производящую всѣ наши понятія опъ впечатлѣнія чувспвъ; онъ не боялся послѣдспвій и говорилъ смѣло, что душа подвержена необходимости, какъ общество деспотизму; онъ принимаетъ вліяніе ощущеній вмѣспо мыслей; а вліяніе силы причиною дѣйспвія. Онъ уничтожилъ нравспвен-

ную и гражданскую свободу, думая справедливо, что одна зависит отъ другой. Онъ былъ ашеисшъ и рабъ: это уже неизбѣжно; ибо когда въ человѣкѣ господствуютъ однѣ внѣшнія впечатлѣнія; тогда все основано на силѣ земной и душа зависитъ отъ ней столько же, сколько и самая судьба.

Уваженіе всѣхъ чистыхъ и возвышенныхъ чувствъ столько утверждено въ Англіи политическими и духовными постановленіями, что всѣ умозрѣнія ученыхъ, обращающаго около сихъ граничныхъ сполбовъ, не мало ихъ не попрясаютъ. И шакъ Гоббесъ въ сей спранѣ мало имѣлъ послѣдователей; но вліяніе Локкова ученія было всеобщимъ. Пишая склонность къ нравственности и религіи, онъ не позволялъ себѣ никакихъ соблазнительныхъ разсужденій, которыя бы необходимо должны производиться отъ его Метифизики. Большая часть его соотечественниковъ, оную принявшихъ, подвергнуты несообразности опредѣлять слѣдствія отъ причинъ; между шѣмъ какъ Гюмъ и Философы Французскіе, слѣдуя тойже системѣ, въ приспособленіи ея гораздо болѣе руководствовались Логикою.

Метафизика Локка не произвела въ умахъ Англичанъ другаго дѣйствія, какъ полько уеугубила ихъ еспешвенную оригинальность, Когда даже осушила бы она источникъ великихъ философическихъ мыслей; шо и тогда не разрушила бы благочестія, кошорое шоль хорошо поддерживающъ въ Англии; но оія Метафизика, принятая прочими народами Европы, кромъ Германіи, была главѣйшею причиною безнравственности, для кошорой сдѣлана теорія, чшобы лучше обезпечить практику.

Локкъ особенно старался доказать, чшо въ душѣ не было ничего врожденнаго; онъ правъ: ибо подъ выраженіемъ *понятіе* разумѣль онъ всегда нѣкошорое познаніе, приобрьшенное опытносцію. Понятія, шакимъ образомъ принимаемая, суть дѣйствія предметовъ, ихъ производящихъ, сравненій, кошорымъ они подобны, и языка, облегчающаго связь ихъ. Но чувствованія, разположенія и способности, составляющія законы человеческого разумѣнія, суть ничшо иное какъ приращеніе и опщакиваніе, кошорое замѣчаемъ мы въ нравственномъ мѣрѣ.

Доводы, которые Локкъ вынужденъ былъ употреблять для доказательства, что все, заключающееся въ душѣ, происходитъ отъ ощущеній, истинно достойны замѣчанія. Если бы доводы сіи вели къ истинѣ; то безъ сомнѣнія должно бы превзойши нравственное сопротивленіе, ими внушаемое; но вообще сіе сопротивленіе недѣля почести нележнымъ знакомъ того, чего должно избѣгать. Локкъ хотѣлъ доказать, что познаніе добра и зла не врожденно человѣку, и что мы о справедливомъ и несправедливомъ судимъ только по опыту; такъ точно, какъ отличаемъ красное отъ сѣняго. Для подтвержденія своего мнѣнія Локкъ тщательнѣе приводитъ въ примѣръ всѣ нѣсправданы, въ коихъ обыкновенія и законы одобряютъ пресупленія и гдѣ почитаютъ долгомъ убивать непріятеля, презираютъ супружество и умерщвляютъ отца въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ внимательнѣе собиралъ все, что путешественники рассказывали о жестокостяхъ, вошедшихъ гдѣ либо въ обыкновеніе. Чѣмъ же почести должно систему, внушающую человѣку споль добродѣтельному, каковъ былъ Локкъ, усиліе

опыскивать подобныя доказательства. Какovy бы не были сіи карпины: печальныя или веселыя, нужно только знать справѣдливы ли онѣ? — Онѣ могутъ быть истинны, но что изъ сего слѣдуетъ? Не извѣстно ли намъ по собственному опыту, что обстоятельство, то есть внѣшніе предметы, дѣйствуютъ на образъ мыслей о нашихъ обязанностяхъ. Разсмотримъ се и вы найдете причину заблужденія народовъ. Но существуютъ ли шакіе народы, или даже люди, которые бы утверждали, что нѣтъ никакихъ обязанностей? Думали ли кто либо, что въ внѣшнемъ мірѣ нѣтъ ничего совѣщественнаго понятіямъ нашимъ о справедливомъ и несправедливомъ. Толкованія о семъ могутъ быть различны, но убѣжденія въ сущности основанія повсюду одинаковы. Въ семъ то убѣжденіи заключается первоначальное впечатлѣніе, находящееся во всѣхъ смертныхъ.

Когда дикій убиваетъ преслѣдлагаго отца своего, то онъ думаетъ симъ услужить ему; слѣдовательно онъ совершаетъ таковой поступокъ не для себя, но для него. Споль гнусное дѣяніе убійцы не доказываетъ,

чтобы онъ не имѣлъ совѣсти. Здѣсь представляется недоспапокъ образованности, а не добродѣтели. Ощущенія, по есть внѣшніе предметы, которыми окруженъ онъ, ослѣпляютъ его; внутреннее чувство, производящее ненависть къ пороку и уваженіе къ добродѣтели, неменѣе существуетъ въ дикомъ, какъ и въ образованномъ чловѣкѣ; но приспособленіе онаго въ первомъ является не въ надлежащемъ видѣ. Предпочитай другихъ самому себѣ, когда пребудешь того добродѣтель, вошь въ чемъ заключается сущность нравственнаго изящества, и сіе - по умственное побужденіе, противоположенное побужденію чувственному, неразлучно съ нашею природою. Если можно было бы приобрести его, то можно бы и лишаться; но какъ оно врожденно, то и оспается неизмѣннымъ. Возможно сдѣлашь зло, думая дѣлашь добро; возможно подвергнуться преступленію, зная и желая того; но ешо не значить еще принимать ложь вмѣсто истины, почишай справедливостъ несправедливостію.

Равнодушіе къ добру и злу обыкновенно естъ слѣдствіе особеннаго рода образованности; оно служитъ гораздо большимъ доводомъ противъ врожденной совѣсти, нежели грубыя заблужденія дикихъ. Часно люди, даже во всемъ сумнѣвающіеся, будучи угнѣпаемы, взываютъ къ правосудію шакъ почно, какъ будшо они вѣрили ему во всю жизнь свою. Когда же они бываютъ увлекаемы пылкою страстію, которую ограничиваютъ шѣсными предѣлами; тогда признають чувство справедливости шакже, какъ спрочайшіе нравоучители. Лишь шолько пламя негодованія, или любви овладѣетъ душою нашею, какъ вдругъ пробуждаются въ немъ священные признаки вѣчныхъ законовъ.

Если бы случай рожденія и воспитанія опредѣлялъ нравственность человека, то какъ можно было бы обвинять его за дѣянія, имъ учиненныя? Если все сошавляющее волю нашу происходило бы отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; но всякой могъ бы посторонними отношеніями, на него дѣйствовавшими, оправдывать свои поступки; а сіи отношенія различають между собою

жизней одной и той же страны столько, сколько Азиаты разспвуютъ оупъ Еврепейцевъ. И шакъ если бы однѣ общояпельства должны были почитаемы Божеспвомъ смерпныхъ; по каждой человекъ имѣлъ бы собственную свою нравеспвенность, или лучше сказать безнравеспвенность. Въ шакомъ случаѣ, чпобы возбранить зло, внушаемое ощущеніями, оспавалось бы одна только средство — общеспвенная сила, за оное наказывающая; однако если въ семъ случаѣ сама общеспвенная сила предписала бы какую либо несправедливость; по всѣ ощущенія рождали бы понятія, влекуція за собою совершенное развращеніе нравеспвенности.

Доказательства невещеспвенности души не могутъ находиться въ области чувствъ, копорой предоспавленъ только видимый міръ; но существа невидимыя имѣютъ бытіе свое внѣ ея; и если мы не допустимъ понятій самопроизводныхъ, если мысль и чувствованіе зависятъ совершенно оупъ ощущеній, по какъ душа въ шакомъ рабствѣ могла бы быть невещеспвенною? И если (въ чемъ никшо не сомнѣвается) большая часть

дѣйствій, зависящихъ отъ чувствъ, подвержены заблужденію, по чѣмъ такое нравственное существо, дѣйствующее только по впечатлѣніямъ, производимымъ внѣшними предметами, коихъ предспавленія весьма часто бывающъ ложны.

Одинъ Французскій Философъ сказалъ: *мысль есть ничто иное, какъ вещественное произведеніе мозга.* Сіе жалкое опредѣленіе естъ самое естественное положеніе по Метифизики, копорая однимъ только ощущеніямъ приписываетъ начало всѣхъ нашихъ понятій. Если бы ешо было справедливо, по какъ не смѣялся всему невещественному и какъ не почипашъ непоспизжимымъ все по, чего нельзя осязашъ. Если душа наша естъ ничто иное, какъ тонкая матерія, приводимая въ движеніе другими спихіями, болѣе или менѣе грубыми, отъ дѣйствія коихъ она дѣлаешся спрадапельною; если впечатлѣнія и возпоминанія супъ ничто иное, какъ продолжипельное сопрясеніе шѣлесныхъ орудій; по безъ сомнѣнія въ мозгу нашемъ находяшся однѣ только фибры, а въ мірѣ ве-

существованіи одною только физическою силой, и все шупь можно изьяснить по законамъ, ими управляющимъ. Правда, что въ семъ случаѣ оспариваются еще нѣкоторыя небольшія затрудненія—обьяснить начало или происхожденіе вещей и цѣли нашего существованія; но вопросъ сей умѣли сдѣлать просшимъ, и расудокъ совѣпуетъ намъ хранить молчаніе о всѣхъ желаніяхъ и надеждахъ, которыя геній, любовь, и религія дѣлаютъ понятными: ибо безъ сего. неловкъ усмотрѣлъ бы, что онъ ничѣмъ нелучше опредѣльной машины въ великомъ механизмѣ Вселенныя; тогда онъ долженъ бы способностями свои почитать колесами, а нравственность расчешомъ, и поклонялся бы одному успѣху.

Локкъ, вѣря во глубинѣ души своей существованію Бога, основалъ убѣжденія свои, даже самъ не замѣшивъ того; на доводахъ, почерпнутыхъ изъ сферы, которая превосходитъ всякую опытность. Онъ утверждаетъ, что есть вѣчное начало, первобытная причина всѣхъ другихъ причинъ; онъ вникаетъ также въ сферу безпредѣльнаго, не смотря на то, что неограниченное не подлежитъ

ольпшности. Но Локкъ въ поже время опасался приняшь пояшпе о Богѣ врожденнымъ въ человекѣ: ему казалось весьма спраннымъ, чшобы Творецъ подобно великому живописцу начерталъ имя свое въ душѣ нашей, и для того онъ старался во всѣхъ повѣспованіяхъ путешественниковъ ошкрышь народы, немѣвше никакой религии. По мнѣнію моему можно смѣло утверждать, чшо шакые народы не еущесивуютъ. Побужденіе, возносящее насъ къ Сущесшву верховному, находилося въ геніи Невтона, шакже какъ и въ душѣ дикаря, обожающаго камень, на кошоромъ они ошдыхаептъ. Хопя люди вообще привязаны къ здѣшнему міру; однако всѣ они чувспвуютъ во глубинѣ сердца, въ какую нибудь эпоху жизни, неизьяснимое влечеліе къ чему шо сверхъесшесшвенному. Какимъ же образомъ Локкъ, будучи столь благочесшивъ, старался премѣншь основаніе вѣры на случайное познаніе, кошорое жребій можетъ похинишь, или даровать намъ? Я прибавлю еще, чшо главная цѣль всякаго ученія, при сужденіи о ишшинѣ онаго, должна почишашь

ея важнымъ предметомъ: ибо въ теоріи добро и истина между собою нераздѣльны.

Все видимое напоминаетъ намъ начало и конецъ, упадокъ и разрушеніе. Нѣкопорая Божественная искра естъ въ насъ единый знакъ безсмертія. Отъ какого ощущенія происходитъ она? Всѣ ощущенія прошивоборствуютъ ей; но она торжествуетъ надъ всѣми. Какъ, скажутъ мнѣ, конечныя причины, чудеса Вселенныя, блескъ небесъ, поражающій взоры наши, не свидѣтельствуютъ ли могуществу и благости Творца? Книга Природы исполнена прошивурѣчій; въ ней видны эмблемы добра и зла почти въ равной степени: это для того, чтобы человекъ, при выборѣ прошивоположенностей, могъ употреблять свободу свою, и чтобы онъ безпрестанно находился между страхомъ и надеждою. Усыянное звѣздами небо казалось бы намъ преддверіемъ, ведущимъ къ Божеству; но зло и всѣ человѣческіе пороки зашмѣваютъ сіи огни небесныя. Гласъ безмолвный — но сладкозвучный, безсильный — но неодолимый, провозвѣщаетъ Бога во глубинѣ сердца нашего. Все истинно прекрасное въ человекѣ рождается отъ

внутренняго и самопроизвольнаго чувства; всякое возвышенное дѣяніе внушается нравственною свободою. Покореніе себя Божественной волѣ, пропивъ кошораго восплаютъ всѣ людскія ощущенія и кошорое внушается единымъ только энтузіазмомъ, споль благородно и споль чисто, что самые Ангелы, добродѣтельные по своей природѣ и неподверженные разногласію, могли бы въ ономъ завидовать человѣку.

Метафизика предполагающая, что всѣ побужденія происходятъ извнѣ, лишаетъ человѣка свободы и сама разрушается: ибо пламъ нѣтъ уже природы духовной, гдѣ споль тѣсно соединяютъ ее съ вещественною, что опличаютъ оную только по одному уваженію человѣческа. Сія Метафизика основательна спогда только, когда производятъ опъ ней (какъ во Франціи) матеріализмъ, основанный на ощущеніяхъ, а нравственность на выгодѣ. Опвлеченная теорія системы сей родилась въ Англіи; но ни одна изъ ея опраслей не была признана пламъ истинною. Опкрытие ея не принадлежитъ Франціи: пламъ она только приспособлена. Въ Германіи восплавали какъ

прошивъ самой шаковой сисшемы, шакъ и прошивъ всѣхъ ея опраслей. — Изслѣдова-
ніе, шочно ли правила, кошорыхъ слѣдствія
шполь пагубны, должны почишаться за
неоспоримыя истины, доспойно просвѣ-
щенныхъ и благочесшивыхъ мужей всѣхъ
сшранъ.

Шафсбури, Гюшчесонъ, Смишь, Рейдъ,
Дюгадъ Сшуарпъ и пр. изслѣдовали дѣй-
ствіе нашего разумѣнія съ рѣдкою прозор-
ливосшію; особенно шворенія Дюгальда Спу-
арпа содершашъ шполь совершенную тео-
рію умшвенныхъ способностей, чшо мож-
но признашь ее, шакъ сказашь, ешествен-
ною исторіею нравшвеннаго суцества. Въ
ней каждый увидишь какой либо удѣль самага
себя. Ни одно приняшое о началѣ понятій
миѣніе не можешъ опвергашь пользу упра-
жненія, имѣющаго цѣлю изслѣдованіе ихъ
хода и направленія; но чшобы поспигнушь
свойшво и независимосшь воли въ человѣ-
кѣ, недосшашочно замѣчалъ шолько разви-
шія нашихъ способностей; а должно дохо-
дишь до самага ихъ изшочника.

Ч. V. Кн. II.

13

.. Вопросъ: имѣетъ ли душа способность сама собою чувствовать и мыслить, нельзя почестъ суесловіемъ. Это вопросъ Гамлетша — *быть или не быть.* —

А. Боровковъ.

О ВОЛКАНАХЪ (*).

Кажется, что Природа предоставила горамъ все величїе своего зрѣлища: сокровѣншія тайны ея производятся на нихъ, когда бури свирѣпствуютъ. Отсюда текутъ сія рѣки, коихъ серебристыя воды несутъ плодородіе полямъ; тамъ глубокія пещеры, спраны безплодныя и печальныя, повшоряемые удары грома производятъ въ душѣ сильныя потрясенія, тогда какъ чистый воздухъ, цѣлебныя травы, величїе уединенія, внушаютъ мысли веселыя и высокія. Человѣкъ! Если ты хочешь возвысить свои чувства, познаешь всю цѣну своего существованія, постигнешъ тайны Природы и если хочешь быть счастливъ, спѣши на горы.

(*) Изъ *Lettres à Sophie, sur la Physique, la Chimie et l'Historie*, Еме-Маршеля.

Туда спекались мудрецы,
 Природы дивные жрецы,
 Которымъ вѣки удивлялись;
 Они шамъ духомъ возвышались
 Подъ древней пѣнію дубовъ:
 Имъ было въ мѣрѣ все открыто,
 И самъ Гомеръ, опець пѣвцовъ,
 На верхъ Олимпа знаменишой.
 Пресполь Зевеса помѣспиль
 И всѣхъ власпшелей Вселенной.
 Амуръ шамъ вмѣспѣ съ ними жилъ,
 Который пайну вамъ опкрылъ
 Плѣняшь съ прияпностью безцѣнной,
 И нѣжной прелестью своею
 Бышь упѣшенъемъ нашихъ дней! —
 И на вершинахъ Геликона
 При звукахъ вдохновенныхъ лиръ
 Шапеля и Анакреона,
 Музъ и прелеспныхъ Грацій клиръ
 Твердишь ихъ легкія пворенья,
 Сіи веселы пѣснопѣнья,
 Сіе виушенъе самихъ Музъ
 За вѣрной съ ними ихъ союзъ;
 Они воспѣли власть Венеры
 И бога острова Цитеры

Среди веселій и ушѣхъ,
 И вѣкъ ихъ былъ—забава, смѣхъ,
 Ихъ жизнь пекла вся въ наслаженьяхъ,
 Копоры видимъ въ ихъ пвореньяхъ.

Наконецъ на горахъ имѣють пребываніе
 Боги, Музы, Нимфы, Мудрецы и удоволь-
 ствіе обипаешъ шамъ съ ними.

Но какое зрѣлище предо мною ошкры-
 ваешся? Посреди вихремъ крушимаго дыма
 несущся вверхъ огненные сполбы; гора
 преципъ и разверзаешся, земля дрожишь,
 раздающся сильные удары грома, огненные
 рѣки покрывають земную поверхность....
 Вошь адъ! обильныя жашвы поглощающся,
 цѣлые города разрушены и обипашели ихъ
 испреблены. Въ пеплѣ Геркулана, первый
 найденный предметъ, была несчастная машь,
 заключившая сына въ свои объятія: *всѣ
 чувства въ ней умерли; но материнская
 любовь еще была видна* (*).

Взгляните на земныхъ Царей,

Призывный смерши гласъ сердца ихъ раз-
 дираешъ

(*) Бернадень де Сен-пьеръ, говоря о попопѣ
 Пуссеня.

И на разсвѣщѣ юныхъ дней
Ихъ скука мрачная встрѣчаешь!

* * *

Что скажешь ты мудрецъ? уже ли человекъ
Забытъ въ семь мѣръ небесами?
Ты матери не видѣлъ вѣкъ,
Ласкающей дитя съ улыбкой и слезами!

* * *

Не угасай въ сердцахъ огонь любви святой,
Которую Творецъ младенца ограждаетъ,
Которая живитъ и слезы осушаетъ
Гонимыхъ гнѣвною судьбой!

* * *

О возрастъ матерью любимый!
Проходишь ты какъ сладкій сонъ;
Скажи мнѣ рокъ неумолимый,
Почто столь кратко онъ?...

Вы можете быть, обвиняете меня, что я удаляюсь отъ моего предмета; просните мнѣ. Древніе любили такимъ образомъ переходить отъ исторіи Боговъ къ исторіи человекъ; часто оспаривали они небеса, чтобы воспѣвать предметы земные; возвращаясь къ Волканамъ, Что причиною Волкановъ? Ученые спрашиваютъ объ этомъ

безпрестанно у Природы. Басня говоритъ , что Вулканъ куешъ еще въ Епнѣ громовыя снрѣлы для Юпитера; оставимъ басни.

Философъ Индейскій сошелъ съ ума , разсмащривая движенія чувственнаго дерева. — Емпедокль бросился въ Епну, не будучи въ состояніи проникнуть въ ея тайны. Бѣдные Философы!

Ободришесь Софія ! Вы не броситесь въ Епну: нашъ вѣкъ, не естъ ли вѣкъ просвѣщенія?

Вошь великая загадка , которую предлагаю вамъ на разрѣшеніе.

Ипалія возвышается на Волканахъ; она покрыва на всемъ пространствѣ своею лавою и волканическимъ пепломъ, имѣющимъ столь ужасную толщину , что ежели бы существовали подземныя пропасты , сошлись бы сей великой массѣ: по Римъ, Неаполь , Капуа были бы давно поглощены оными.

Лавы, извергнушыя Епною , гораздо обширнѣе всей Сициліи.

И такъ земля не могла доставить вещества, выброшеннаго Волканами. Изверженія ихъ столь древнія и частыя не могли произ-

ходишь опять изпочниковъ, которые истощились, не возобновляясь. Опъ чего же произошли онѣ? Вопъ загадка. Тщешно ученые спарались ее постигнуть; Г. Папрель одинъ, кажется, опгадалъ оную.

Различные газы, возпламененные электрическою жидкостію, образуяшь сами собою вещества, выбрасываемыя Волканами; вопъ почему сія послѣднія неиспощимы.

Замѣшьте при шомъ, что волканическія горы находящяся вблизи моря; опсюда получаюшь онѣ вещества, пипающія ихъ огонь: ибо огонь сей исчезаешъ по мѣрѣ удаленія опъ моря.

Сія пища огня супъ газы, соспавляющіе воздухъ, воду и соли.

Волканы подобно фонпанамъ, производяшь опъ припеченія жидкостпи, беспреспанно возобновляемой; часпъ газа ихъ возпламеняешся и исчезаешъ въ ашмосферѣ, другая же превращаешся въ лаву.

Каменные массы въ минушу образуящяся опъ прикосновенія воздуха, шочно шакъ, какъ

нѣкоторый газъ (*) превращается шопчасъ въ кварць опъ прикосновенія воды.

Великое количество соли, разлагаемой Волканами, доказано наблюдениемъ споль же прекраснымъ, какъ и необычайнымъ.

Средиземное море, перелетъ испарениемъ гораздо болѣе воды, нежели сколько приносятъ ему текущія въ него рѣки. Бюффонъ замѣчаетъ, что для содержанія равновѣсія, воды океана съ быспрошю теплоты въ него чрезъ Гибралтарскій проливъ; но Г. Папрель говоритъ, что сии воды приносятъ въ него невообразимое количество соли, которая изъ него не выходитъ; посему давно бы бассейнъ сего моря былъ наполненъ солью, если бы Волканы обѣихъ Сицилій, находящіяся посреди онаго моря, не разлагали оной. Вопъ открытія Г. Папреля.

Система сего ученаго изъясняетъ также происхождение водяныхъ сполбовъ, которые подобно Адамоспору Камоенса, касающіяся въ одно время и небесъ и морской

(*) Le gaz fluorique siliceux—газъ плавиково-кремнистый.

поверхности. Моря, на кошорыхъ бывающъ сїи явленїя, всегда наполнены волканическими оспровами; и феномены, сими сполбами оказываемые, позволяющъ думашъ, что они производяшъ ошъ изверженїя подводныхъ Волкановъ. Шесшъ ужасныхъ вихрей воды, огня и вѣпра, вдругъ окружающъ корабли Кука, солнечные лучи на нихъ блиспали, бури свирѣпспвовади въ ихъ внушренности, быспро было ихъ спремленїе къ небу; они неслись подобно Сапанѣ Мильшона и казались рядомъ сполбовъ, преграждавшихъ пушъ несчастнымъ плаващеламъ. Пушеспвенники объяны были ужасомъ и удивленїемъ; водяные сполбы оспановились, но могли поглотитъ ихъ, подобно симъ двѣнадцати лвамъ Африканскимъ, кошорые спокойно спомрѣли на идущихъ мимо ихъ пяшъ сошъ человекъ, прешерпѣвшихъ кораблекрушенїе съ Сервилїемъ.

Д. Меньшечинъ.

С В Ъ Т Ъ (*).

Свѣтъ (le public) шакѣй повелицель, ошъ кошораго зависяшъ всѣ, спарающіеся о приобрѣщеніи славы, или богатства.

Малодушныя, кои не дорожатъ его одобреніемъ, спращася по крайней мѣрѣ его ненависти и презрѣнія.

Право его обо всемъ судишь произвело многія добродѣтели и изшребило многіе пороки.

(*) Спашья сія взяша изъ книги: *Философическія и шуточныя увеселенія*, соч. Дюфрени, пер. съ Французскаго, которая уже напечатана и скоро выдесть въ свѣтъ. Она заслуживаетъ вниманіе по нравственному и забавному ея содержанію. Авторъ изображаетъ описываемыя въ ней предметы сначала какъ Философъ; потомъ онъ смотритъ на нихъ глазами веселаго свѣтскаго человѣка. О достоинствѣ перевода читатели могутъ судить по сему опривку.

Сколь многіе герои были бы только полугероями! Сколь многіе воины были бы людьми миролюбивыми! Какое малое число добродѣтельныхъ заставило бы себя любить! Какое множество злодѣевъ заставило бы себя ужасаться, если бы мы не опасались сужденій Свѣта!

Ни родительскія увѣщанія, ни добрыя склонности дѣшей, ни любовь супруговъ, ни добродѣтель супругъ не имѣли бы сколько силы, если бы *то скажутъ о томъ въ свѣтъ?* не удерживало каждаго въ границахъ обязанности.

Всѣ старающіяся угодить Свѣту: честолюбцы ищутъ его благосклонности, честные люди — одобренія. Свѣтъ есть истинный немодимъ; онъ неспособенъ ни угождать, ни льстить, и потому не желаетъ и себѣ лести. Онъ шолпами спремился въ собранія, въ коихъ говорятъ ему правду, и каждый изъ людей, составляющихъ сіи собранія, желаетъ лучше быть осмѣяннымъ, нежели лишиться удовольствія видѣть другихъ осмѣянными.

Свѣтъ есть спрожайшій и оспроумнѣшій крипикъ; однакожь иногда прощая на-

родная пѣсня забавляетъ его цѣлый годъ. Онъ поспояненъ и непоспояненъ. Можно сказать, что онъ началъ вѣковъ онъ не перемѣнялся: вопшъ въ чемъ состоитъ его постоянство. Но онъ любитъ новости, ежедневно перемѣняетъ образъ своихъ дѣйствій, языка и модъ. Можетъ ли что быть непоспояннѣ сего?

Онъ имѣетъ иногда важный видъ, который вселяетъ страхъ въ него, кто предъ нимъ говоритъ; а иногда бываетъ столь веселъ, что какаянибудь худая прическа производитъ смѣхъ во всѣхъ, занимающихся глубокомысленными разсужденіями.

Свѣту служатъ знатнѣйшіе Вельможи: какое величество! но онъ зависитъ отъ служащихъ ему: какая ничтожность!

Свѣтъ всегда, такъ сказать, въ возмужаломъ возрастѣ, судя по основательности его ума. Но онъ же можетъ почестся и дилляшею, которое, увидѣвши ничего неспорящую игрушку, бѣгаетъ за нею съ восхищеніемъ; можетъ почтенъ быть за спарика, который иногда бормочетъ какъ бы въ досадѣ, самъ не зная на кого, и копо-

раго унять опть начашаго бормошанья не возможно.

Но кто изчислишь всѣ противоположности, свойственныя Свѣшю, когда въ немъ заключаюся всѣ добродѣтели и всѣ пороки; вся сила и всѣ слабости челоувѣскія?

Сколь счастливъ сей Свѣшь! Цари спрощають для него великолѣпныя зданія и воздвигаютъ прекраснѣйшея памяшники. Всѣ испорки спрудяются надъ повѣспованіями о немъ; для него одного воздѣлываютъ, сѣяютъ и собираютъ жашву; для доспавленія ему удобностей доводятъ изящныя науки до совершенства. Сколь многіе честные и добродѣтельные люди сокращаютъ дни свои, дабы оставитъ ему по себѣ рѣдкіе примѣры и мудрыя наспавленія! Сколь многіе спихопворцы и пишомцы Евшерпы изощряютъ умъ свой для шого, чтобы увеселять Свѣшь! однимъ словомъ: для него жертвуетъ и жизнью и имуществомъ каждый челоувѣкъ. Какое соспояніе можетъ быть благополучіе? Но есть забавники, кошорые вамъ скажутъ, что Свѣшь не можешь быть благополученъ, пошому что ему про-

дають вина съ справою и что всѣ любимицы его измѣняютъ ему.

Оставимъ шулки и займемся разсмотрѣніемъ истиннаго величія Свѣша. Онъ одинъ виновникъ всего необыкновеннаго въ мірѣ: онъ шворилъ Царей для власшвованія спранами, правищелей для ихъ благоустройства, воиновъ для бишвъ и героевъ для завоеваній.

Сіи правищели, воины и герои, бывъ нѣсколько времени со славою разсѣяни въ разныхъ спранахъ, соединяюся въ послѣдствіи при Дворѣ. Тутъ неуспрашимость прѣпещеть, мужество смягчается, важность уменьщается и могущество изчезаетъ: шупъ, опличавшіеся нѣкогда, какъ бы земные Владыки, находясь между Царедворцами, дѣлаюся сами Царедворцами и, привлеки на себя взоры всѣхъ, довольствуя уже возрѣніемъ единого.

Поелику возрѣніе сіе придаетъ большій блескъ величайшимъ дѣяніямъ; по всѣ завидуютъ тому, кто онаго удостоился; однакожь при всей своей зависни не прешаютъ его возхвалять.

Такимъ-шо образомъ заслуги, кои кажуш-ся единственною связію ихъ дружества, бывающъ часпо шайною виною ихъ нена-висти.

Но правило сіе не есть общее: бывающъ великодушные люди, непричасные симъ низкимъ слабостямъ. Истинные герои споль же безприсрасно взирающъ на славу подобныхъ имъ, какъ и на солнце, коимъ они обще пользуются.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДА НА ВТОРУЮ ПОВѢДУ ГРАФА ВИТ- ГЕНШТЕЙНА ПРИ КЛЯСТИЦАХЪ. (*)

Воспоргъ! ликуй народъ Россійскій,
 Еще разъ славою озарень!
 Явился вновь Ирой Алпійскій,
 И грозный врагъ имъ изумлень.
 Явился — мощною рукою
 Онъ вержешь громъ передъ собою
 И вихремъ вслѣдъ ему лешить;
 Разить сразившихъ многи царства,
 Пипомцевъ злобы и коварства,
 И далѣ въ путь имъ печь препишь.

Но снова силы разпоченны
 Собрать, припекшія оны спрань,

(*) Сія Ода, писанная въ 1812 году, ни гдѣ не была еще напечатана. Будучи плодомъ истиннаго — не ложнаго воспорга, побудила автора сохранишь ее, не взирая на все ея недоснашки.

Гдѣ селы, грады разоренны
 Въ пемницы превращилъ пирань,
 Вождь вражій, мнимый побѣдипель,
 Сполицы Росской сокрушилель,
 Опянь ведеть полки свои
 На бой съ сынами вѣчной славы:
 Попрашь сполпы ея державы,
 Пролишь кровавыхъ рѣкъ спруи.

Чшо зрю? . . . ужасное явленье!
 Не новый ли какой Пивонь,
 Земли и моря порожденье,
 Досель не зря себѣ препонь
 То въ полѣ спелелся, то вьелся,
 То, вздувъ хребеть, какъ вихрь несеться? . . .
 Или не пыль, кичливый Галль!
 На Росса мечь свой, успремляешь? —
 Спѣши на брань — и пы познаешь,
 Чшо казни день швоей наспаль.

И се — окрестность воспенала!
 Кудрявый боръ вдали завыл!
 Земля подъ Галломъ задрожала!
 Поля густой шумань покрыль!
 Спруистый огонь изъ жерль рѣкою
 Ліяся, смерть несеть съ собою,
 Чего коснешся, все палишь!
 И мракъ кругомъ уже рѣдѣеть . . .
 Россъ дышеть славой, пламенѣеть,
 Спѣшной незыблемо споишь.

И врагъ уже прищекъ. „мужайтесь!“
 Гласишь Ирой. „Се битвы часъ!“
 „За честь и долгъ свой подвизайтесь!
 „Весь мiръ, друзья! прославишь васъ!
 „За чье вы дѣло мечъ подъяли?
 „Кого досель вы низлагали,
 „Топь вновь явишься къ вамъ посмѣль.
 „О Россы! всѣ ва мною! опомнитесь!
 „Въ крови враговъ свой жаръ пушите!“
 Въщаль — и самъ на огонь пошелъ.

Какъ быспрый шокъ съ горы въ долину
 Свергаясь, пѣнишся, ревешъ,
 Спѣша низвергнушься въ пучину,
 Иль камни, пни, древа влечешъ,
 Ручьи съ полей въ себя вбираешъ
 И — спавъ рѣкой — валы вздымаешъ,
 Грозя, что вспрѣпнишь, поглотитъ;
 Такъ Россовъ спрой единомушный,
 Велѣнiямъ вождя послушный,
 Спѣшишь враговъ своихъ разишь.

Не злобный ли Церберъ, спозевный,
 Спремитъ на беспсрашныхъ? . . . Вдругъ
 Раздались вопли жершвъ плачевны,
 Мечей и ружей прескъ и спукъ;
 Глухiе споны полумертвыхъ,
 Въ крови и въ прахъ разпростершыхъ,
 Мѣшаясь съ шопомомъ коней,

Смущаютъ сердце, раздражаютъ;
 Невольно слезы заспаваютъ
 Ручьями липся изъ очей.

Дрожатъ Олимпъ, земля претрещетъ,
 Взирая на двухчасну брань!
 Гдѣ Россѣ въ спрой Галла гибель мещетъ,
 Жизнь алчной смерти плашитъ дань:
 Тамъ молнии съ молниями сливаясь,
 Громами громы повпораясь,
 Колеблютъ, мншатъ, небеса
 И потрясаютъ ближни горы;
 Пожаръ кругомъ смущаетъ взоры,
 Пылаютъ въ деляхъ дерева!

Но брань еще не утихаетъ!
 Еще въ безчисленныхъ полкахъ
 На гибель врагъ свою дерзаетъ,
 Надѣясь все повергнуть въ прахъ!
 Какъ люшый пигръ съ кровавымъ зевомъ,
 Весь воздухъ наполняя ревомъ,
 Вспукаетъ въ страшный бой со львомъ;
 Но щепно силы изпощенны
 Собрашь спараясь, дерзновенный
 Сражень, погранъ своимъ врагомъ —

Такъ ты, о Галль! вопще стремишьсь
 Алкидовъ Съвера разить;
 Вопще, собравъ всѣ силы, щиньсь

Непобѣдимыхъ побѣдипь.

Во всемъ на мечъ свой полагагася,

Вѣнцами славы вознищася,

Они споящъ! другъ друга щипь!

Твои собратья издыхающъ,

Ногой ихъ Россы попирающъ;

И пы спѣшишь — сокрышь свой стыдъ.

Сюда Вседенной притѣснись!

Сюда направь стопы свои

И зри, какъ грозный побѣдись

Сразиль, попраль полки швои.

Взлебянный войной кровавой.

Вступилъ ты въ поприще со славой:

Но гдѣжь, скажи, шеперь она?

Пупи лукавыхъ ненадежны,

Тамъ адски козни бесполезны,

Гдѣ чести грудь мужей полна!

А ты Монархъ богошворимый!

Возри на сихъ швоихъ сыновъ:

Ихъ вождь Тобой доспойно чшимый,

Гроза и спракъ Твоихъ враговъ,

Тебѣ профети представляешъ:

Да слава вѣкъ Твоя сияеть,

Переходя изъ рода въ родъ;

Да мѣръ днесъ ею озарился,

И вся Европа изумилъся,

Какъ швердъ Тобою Твой народъ!

Владимѣръ Бриллимеръ.

КЪ ПОРТРЕТУ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
Великой Княгини АЛЕКСАНДРЫ
ФЕОДОРОВНЫ.

Для насъ Природа ей всѣ прелести дала!
 Для насъ Ея душа цвѣла и созрѣвала!
 Какъ Геній радостей она предъ нами спала,
 И все прекрасное съ собой намъ пренесла
 И намъ она мила какъ счастье упованье:
 Къ великому въ ней духъ ростешь и возра-
стешь;
 Она свой трудный путь съ достоинствомъ прой-
дешь;
 Въ ней не обманешся Россіи ожиданье.

В. Жуковский.

О Ш И В К А Л И Н Ы

Не бойтесь дѣвушки Амура :
Онъ добренькой Божокъ!

Вопшь претпій день ужъ здѣсь въ содѣспѣвѣ
Смирнѣхонько живещь.

Мы право ради всѣхъ сосѣду:
Прескромное дитя!

Одна бѣда, дѣвиць боишься:
Завидѣль — и прощай?

Однако я, намедни, рано
Подкралась — и гляжу,
И все, что видѣла — пожалуй —
Точь въ почь вамъ расскажу:

Сперва — смотрю — весенней ппашкой
На крылошкахъ злпшыхъ,
То въ верхъ, то въ низъ, спрѣлой — и плавно
Съ куста на кустъ лѣпаль.

То онъ погонится за ппичкой,
То ппашечка за нимъ

То вдругъ прильнувъ, зашѣйникъ къ вѣщкѣ
Колышется, смѣясь!

*

А пашь, спорхнувъ на землю бодро,
Умоишься росой
И въ зеркало ручья глядишься,
И гоголемъ идешь! —

*

Такъ Лина упрямъ говорила
Подружкамъ молодымъ,
А къ вечеру съ ужаснымъ крикомъ
Бѣжишь Спрѣла въ груди! . . .

*

Кшо Линушка тебя поранилъ?
Лукавецъ злой Амуръ.—
Недаромъ бабушка твердила:
Онъ давній бѣдокуръ! —

О. Глинка.

ОТВАЖНОСТЬ ЛЮБВИ.

(ПОДРАЖАНИЕ НѢМЕЦКОМУ).

„О! Какъ бы съ побою
 „Бышь вмѣстѣ я, Лиля, хопѣль!
 „Но бурной рѣкою
 „Межь нами положень предѣль!

*

„Вздымаются волны,
 „Съдая пучина кипишь,
 „И горестью полный
 „Надъ бездною другъ пвой стоишь!“

*

— Все тихо, мой милый!
 Лишь вѣщерь играетъ въ листвахъ.
 Въ объятіяхъ Лилы
 Ты сладко уснешь на цвѣсахъ! —

*

„Завѣсою бури
 „Покрылися своды небесъ;
 „Ни звѣздъ, ни лазури,
 „И мѣсяцъ во мракъ исчезъ!“

*

— Нѣтъ! мѣсяць за тучей
 Сокрывшися, пихо плывешь;
 Надъ бѣздной зыбучей
 Онъ скоро въ сіяньи взойдешь.—

*

„Ты слышишь, раздался
 „На башнѣ полуночный звонъ;
 „Внезапно прервался
 „По хижинамъ сладоспный сонъ.“

*

— Ахъ, нѣтъ! шо сзываютъ
 Въ часовню къ молившѣ свяшой,
 И въ полѣ играющъ
 Паспушки вечерней порой.

*

— Спѣши же, мой милый!
 И страхъ свой напрасный оспавь;
 Къ подругѣ унылой
 Ты пушь свой скорѣ направь!—

*

Любовникъ внимаешь,
 И, сѣвши безъ страха въ свой чолъ,
 Весломъ разсѣкаешь
 Громады кипящія волъ.

*

Опважно надъ бездной
 Плывешь далеко отъ бреговъ,
 И голосъ любезной
 Онъ слышишь въ плесканьи валовъ.

*

Но вдругъ раздалися
 Перуны, и вихрь заревель,
 И пучи зажглися
 Ошь огненныхъ молніи спрѣль.

*

И волны ужасно
 Клубящся и плещуть въ ладью;
 Блѣднѣя несчастный
 Въ нихъ видишь погибель свою.

*

„О Лиля! о Лиля!
 „На вѣкъ расстаюся съ побой!
 „Я вижу, могила
 „Разверзлась уже предо мной!

*

„Прости! погибаю
 „Въ угодность жестокой судьбѣ;
 „Но знай, умираю
 „Я вѣрнымъ, о другъ мой! тебѣ.“

*

Сказаль — и въ пучинѣ
 Съ ладьею сокрылся изъ глазъ;
 И Лилы въ долинѣ
 Напрасно разносится гласъ!

*

— Тебя погубила,
 Мой другъ! я любовью своей;
 Пусть таже могила
 Могилою будетъ моею!—

*

И съ сими словами
Низверглась въ пучину она;
И вдругъ надъ волнами
Простерлась вездѣ пишина!

Ал. Дуропъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ N....

Еще во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Оставляя шумныя забавы,
 Презрѣвъ мечтанья лестной славы,
 Которыми плѣняешь свѣтъ,
 Сокрылся я въ пріютъ смиренной,
 Наслѣдіе моихъ опцовъ;
 Между озеръ, среди лѣсовъ,
 Въ спранѣ пустой, уединенной,
 Двѣ преша года покровенной
 Душистой ризою снѣговъ.
 Здѣсь нужды въ людяхъ не имѣя,
 Спокойствія себѣ искалъ;
 И малымъ на землѣ владѣя,
 Еще я менѣе желалъ:
 Желалъ, съ сосѣдями жить въ мирѣ,
 Съ полей обильный плодъ собирать,
 И счастье свое на мирѣ
 Безвѣстной свѣту воспѣвать.

Но мира я искалъ напрасно:
 Увы! разврасть вездѣ проникъ!
 И здѣсь судья судить приспρασно

Съ покойной совѣспью привыкъ;
 И здѣсь все сильному подвласшно,
 И правый передъ нимъ безгласно
 Главою почпенною поникъ!
 А я, сихъ ужасовъ свидѣтель,
 И вмѣспѣ жерпва клеветы;
 Въ спраданьи видя добродѣтель,
 Внимая вопли нищеты,
 Жесткою скорбью пораженной
 Невольно слезы проливалъ,
 И дыры, прахомъ покровенной,
 Рукой коснувшись не дерзалъ!

Но ты, посланіемъ прекраснымъ
 Увядшій духъ мой оживиль;
 Ты пѣніемъ своимъ согласнымъ
 Желанье пѣшь во мнѣ родиль.
 Спихи швои, пылая чувспвомъ
 И понкихъ мыслей красотою,
 Равно плѣняющъ насъ искусствомъ,
 И благородной проспошой.

Павель Межаковъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

ПРИТЧА.

По упру въ лѣпный день у хижины своей
Сидѣль разслабленный снарикъ, лишенный зрѣнья,
И о приятностяхъ мечпаль минувшихъ дней.

Ахъ! за какія прегрѣшенья
Тебя Всевышній наказаль?
Прохожій бѣдняку сказалъ.
Увы! примолвилъ онъ, несчастный!
Тебя сей мірь не веселилъ:

Природы красоты ничпо не замѣнишь;
А для тебя повсюду мракъ ужасный!
И блескъ зари на тверди голубой,
И солнца пробужденье,
И лугъ, цвѣтущій врьдъ шобой,
Тебѣ не наслажденье;
Такая жизнь не жизнь—мученье.

По моему шакъ лучше умерѣшь,
Чѣмъ за живо сидѣшь передъ могилой,
Всю тяжесъ бытія шерпѣшь
И ждашь конца сей жизни хилой,
Мой другъ! спарикъ ему въ отвѣтъ:
То правда, что слѣпцу не красенъ свѣтъ,

Что жизнь ему не можетъ бытьъ оправдой;
 Но что онъ долженъ ввѣкъ снѣдаемъ бытьъ до-
 садой,

Что радостей не можетъ онъ вкушать,

Того со всѣмъ своимъ познаемъ

И самый мнѣ мудрецъ не въ силахъ доказатьъ:

Я жить еще могу воспоминаемъ.,,

Ал. Дуровъ.

СОВА и ПЪТУХЪ.
Б А С Н Я.

Сова, соскучивъ ночью вмишь,
 Про солнце и луну зашъяло судить.
 Я признаюся безпристрастно,
 Что солнце для меня нимаю не прекрасно,
 И что сто крашъ свѣшлѣй его луна.
 Не диво ей болпашъ: слѣпа была она
 И солнца не видала.
 Межь пѣмъ, когда Сова пропѣжно завывала
 Хвалы своей лунѣ, Пѣшухъ ей такъ поешъ:
 „Въ дупло, Сова! въ дупло! вошь солнышко взой-
 дешъ!,,
 Чтوبъ наглыхъ болшуновъ заставишь вмигъ уня-
 ться,
 Лишь стоишь славному со блескомъ показаться.

Орестъ Сомовъ.

С М Ъ С Ъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРО-
СВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

(Продолженіе.)

80). *Панеогонъ Россійскихъ Авторовъ или собраніе ихъ поршпретовъ съ крапкими замѣчаніями; Москва 1801 г. IV пешради въ лиспъ, изданныя Плат. Петров. Бекетовымъ. Крипическія примѣчанія на сочиненія приведенныхъ здѣсь авторовъ писаны Н. М. Карамзинымъ.*

81). *Ueber den Einfluss der Abendländischen Cultur auf Russland; von Pöschmann; Dorpat 1802. 4. Рѣчь сія, о вліяніи которов имѣло на Россію просвѣщеніе Западныхъ странъ Европы, произнесена*

была Г. Пöшманомъ, въ день открытія Дерптскаго Университета.

82). *Aug. Ludw. Schlözer's Несторъ*, Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt; Göttingen 1802—1809. V частей въ 8.—Сочиненія сего, которое переведено на Россійскій языкъ *Д. И. Языковымъ*, въ 1809 году въ С. Пестербургѣ напечатана первая часть подъ заглавіемъ: *Несторъ. Рускія лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ Людовикомъ Шлецеромъ*. Въ переводѣ первая часть подлинника соединена со вступленіемъ ко второй части; остальное изъ второй части присоединено къ третьей части подлинника для составленія въпрого тома на Рускомъ языкѣ. Сіе твореніе, равно какъ и сочиненія Шлецера, приведенныя подъ Но 42 и 43, служить могутъ главными источниками для Литературы Россійской Истории (*).

(*) Достоверность извѣстій, сообщенныхъ Шлецеромъ, побуждаетъ меня замѣтить здѣсь одну оцѣашку въ его твореніи.— Въ Нѣмецкомъ подлинникѣ сличеннаго Нестора ч. I. на стр. 84 въ примѣчаніи авторъ ссылается на сочиненіи Брауна *О Польскихъ и Русскихъ писателяхъ*. Но это ошибка, которая вкралась и въ самое введеніе къ переводу сего творенія на Россійскій языкъ (стр. гла); здѣсь разумѣть должно книгу: *Davidis Braunii de Scriptorum Re-*

83). Егоже *Oeffentliches und Privatleben*, — *Erstes Fragment*; Göttingen 1802. 8. Продолженіе біографіи сей пишеть сынъ его Московскій Профессоръ, Кол. Сов. *Христианъ Шлецеръ*.

84). *Вѣстникъ Европы*, издаваемый при Московскомъ Университетѣ съ 1802 года. Журнала сего по 1 Генв. 1819 г. вышли СІІ части. Каждый мѣсяць и понынѣ выходитъ по два нумера. Редакторами были въ 1802 и 1803 годахъ *Н. М. Карамзинъ*; въ 1804 *Панкр. Сувароковъ* и *Петръ Макаровъ* (*); оны 1805 до конца 1807 *М. Т. Каченовскій*; въ 1808 году *В. А. Жуковскій*; въ 1809 и 1810 годахъ *М. Т. Каченовскій* и *В. А. Жуковскій*; въ 1811, 12 и 13 годахъ *М. Т. Каченовскій*; въ 1814 году *В. В. Измайловъ*, а нынѣ опять продолжаетъ оный *М. Т. Каченовскій*. Въ журналѣ семь помѣщающихся иногда такія спашьи, которыя въ послѣдствіи времени послужатъ свидѣтельствомъ о насоящей степени нашего просвѣщенія; также многія любопытныя извѣстія о Россійской и иностранной Словесности. Въ 1809

Ioniae et Prussiae historicorum, politicorum et Ictorum etc. virtutibus et vitiis Catalogus et Judicium; Coloniae 1723 г. въ 4. Есть также экземпляры сего же самаго изданія на коихъ напечатано: *Gedani* (Гданскъ) 1739 года.

(*) По систем. Обзор. Лшпер. въ Россіи Гна Шторха; по Сопикова же Опыту Росс. Библиографіи — *М. Т. Каченовскій*.

и 1810 годах между прочимъ помѣщена Г. Каченовскимъ статья объ источникахъ Россійской Испоріи, въ коей авторъ руководствовался преимущественно Шлецеромъ.

85). *Періодическое сочиненіе о успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія*, котораго съ 1803 по 1 Января 1819 года вышло въ С. Петербургѣ XLIII номера. Въ составъ сего періодическаго Сочиненія, издающагося при Главномъ Правленіи училищъ, входяшь также извѣстія о Россійскихъ книгахъ и сужденія объ оныхъ.

86). *Московскій Меркурій*, критическій Журналь, издававшійся Петромъ Макаровымъ въ Москвѣ 1803 г.—Въ немъ помѣщены 63 рецензіи.

87). *Разговоры о Словесности*, сочиненіе Александра (Семеновича) Шишкова; С. Петербургѣ 1803 г. въ 8. Сужденія о семъ произведеніи, помѣщенныя въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* и въ *Московскомъ Меркуріи*, побудили автора напечатать также *Прибавленіе къ разговорамъ о Словесности или возраженіе противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу*; С. Петербургѣ 1804. г. въ 8. — Какъ самые разговоры, такъ и возраженія, сіи впрочемъ издамы въ С. Петербургѣ въ 1811 и 1812 годахъ въ 8.

88). *Russische Miscellen von Johann Richter*; Leipzig 1803 und 1804. IX книжекъ въ 8. Въ со-

чиненія семь Рихтеръ сообщалъ всякія любопытныя извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Россійской Словесности и разныхъ полезныхъ заведеніяхъ, также статьи, относящіяся до Россійской Исторіи и. ш. п.

89). *St. Petersburgische Kaiserliche privilegirte Handelszeitung. Коммерческихъ вѣдомостей* сихъ издано Кол. Сов. О. Х. Пфйфферомъ съ 9 Маія 1803 по 18 Апрѣля 1804 г. 52 Нумера въ 4.—На Россійскомъ языкѣ Коммерческія вѣдомости издаваемы были при Департаментѣ Внѣшней торговли съ 1803 по 1811 годъ;—въ листѣ.

90). *Russland unter Alexander dem Ersten; Eine historische Zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch; St. Petersburg und Leipzig.* Сочиненіе сіе, ко-его главнымъ предметомъ была Статистика Россійской Имперіи, заслуживаетъ особенное вниманіе и по части Исторіи Просвѣщенія въ Россіи. Оно издавалось съ Іюля 1803 по Ноябрь мѣсяць 1805 года; вышедшія XXI тетрадь составляютъ VII частей въ 8.

91). *Патріотъ, Журналь воспитанія, изд. Влад. Измайловымъ; Москва 1804 г. въ 12.* Въ немъ помѣщено 7 разборовъ книгъ.

92). *Другъ Просвѣщенія, Журналь Литтературы, Наукъ и Художествъ.* Издатели онаго были: *Графъ Д.я. Ив. Хвостовъ, Графъ Григ.*

Серг. Салтыковъ, Н. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ и Ник. Ник. Сандуновъ. Съ 1804 до конца 1806 года ежемѣсячно въ Москвѣ выходила одна книжка въ 8, коихъ при составляли Часть. — Спустя 33 года послѣ изданія Опыта Новикова о Россійскихъ писателяхъ, проспанѣе и исправнѣе, также съ прибавленіемъ новыхъ спашей, обработанныхъ трудами Преосвященнаго *Василія*, бывшаго тогда Епископа Старорусскаго и Викарнаго Митрополіи Новгородской (нынѣ Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго), при каждой книжкѣ сего Журнала печатался съ 1805 года по азбучному порядку *Новый опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ.* Къ сожалѣнію однако, словарь сей, въ коемъ упоминалось какъ о духовныхъ, такъ и свѣшскихъ писателяхъ, живыхъ и мертвыхъ, на буквѣ К прекратился 1806 г. вмѣстѣ съ самимъ изданіемъ Журнала (*). Сей опытъ просвѣщеннаго и извѣстнаго по ученымъ трудамъ своимъ Іерарха (**), слу-

(*) Новый опытъ сей въ Ж. Другъ Просвѣщенія помѣщенъ 1805 г. отъ А до Г; ч. I. стр. 35, 110 и 191; ч. II. стр. 55, 139 и 212; ч. III. стр. 51, 130 и 231; ч. IV. стр. 69, 159 и 246; — 1806 г. отъ Г—К (Корилловъ); ч. I. стр. 82, 166 и 264; ч. II. стр. 61, 143 и 216; ч. III. стр. 56, 126 и 191; ч. IV. стр. 48, 111 и 218.

(**) Кромѣ упомянутаго выше (въ 20 номерѣ) перевода Селлія, весьма любопытны также *Историческіе Разговоры о Древностяхъ Великаго Новгорода* (напечатанны въ Москвѣ 1808 г. на 98 стр. въ 8.), которые въ книгѣ: Siegmund

жилъ основаніемъ къ сочиненію полнаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ, который авшоромъ въ 1812 году предсавленъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, и изъ коего нынѣ иждивеніемъ Государственнаго Канцлера, Его Сіашельства Графа Николая Петровича Румянцова, напечатана особо отдѣленная часть объ однихъ только умершихъ писателяхъ духовнаго чина. Неудобство въ опысканіи по алфавиту расположенныхъ именъ авшоровъ, особливо духовныхъ, замѣчено уже Профессоромъ Буле (*): ибо писателей изъ бѣлаго духовенства должно опыскивать по именамъ при крещеніи, а изъ монашескую, при постриженіи ими полученнымъ.

93). *Съверный Вѣстникъ*. Ежемѣсясное сочиненіе, которое въ 1804 и 1805 годахъ въ 8. издавалось *И. И. Мартыновымъ* въ С. Петербургѣ. Въ ономъ помѣщено 36 рецензій.

94). *Исторія объ Уніи*, или Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи. Съ пока-

Freiberr von Herberstein, на стр. 61 опечаткою приписаны Митрополю Амвросію. Въ 1818 году напечатаны въ нумерахъ 15 и 16 Вѣстника Европы егоже *Примѣсанія на Гражданству Великаго Князя Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго Князя Новгородскаго, пожалованію Новгородскому Юрьеву Монастырю*, — которые по объясненіямъ, до Палеографіи и Древностей Россійскихъ относящимся, заслуживаютъ особенное примѣчаніе.

(*) *Buhle Prolego* No 37.

заніемъ начала и важнѣйшихъ, въ продолженіе оной чрезъ два вѣка, приключеній, паче же о бывшемъ опъ Римлянъ и Уніаповъ на благочестивыхъ памошнихъ жипелей гоненіи; по Высочайшему блаженныя памяти Импера пріцы Екашерины II. повелѣнію, изъ хранящихся Государственной Коллегиіи Иностранныхъ дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ актовъ и разныхъ историческихъ книгъ, Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣшникомъ *Николаемъ Бантышемъ - Каменскимъ* 1795 года собранное; Москва 1805 года въ 8. — Твореніемъ симъ пользовался также Соликовъ, при сочиненіи Опыта Россійской Библиографіи.

95). *Журналъ Россійской Словесности*, Ник. Брутилова; С. Петербургъ 1805 года; 12 тетрадей, составляющихъ IV части въ 8. Здѣсь помѣщено 13 разборовъ книгъ.

96). *Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Russland*, herausgegeben von Ioh. Friedr. Recke; Mitau 1805—1807; VI частей въ 8. Въ 1808 году сегоже еженедѣльнаго сочиненія. вышло 52 нумера подъ заглавіемъ: *Neue Wöchentliche Unterhaltungen grösstentheils über Gegenstände der Literatur und Kunst*; въ II частяхъ. Въ журналѣ семь находихся показаніе издававшихся въ Эспляндіи, Лифляндіи и Курляндіи на разныхъ языкахъ сочиненій, съ краткимъ разборомъ оныхъ. Биографическія, сообщенныя Гмь. Реке извѣстія,

равно какъ и нѣкоторыя другія помѣщенныя здѣсь спашьи любопытны для подробной исторіи просвѣщенія въ Россіи (*).

97). *Russischer Merkur*, herausgegeben vom *Probst Heidcke*; Riga 1805. 8. Главнымъ предметомъ сего періодическаго сочиненія была литература, почему оное и заслуживаетъ особенное вниманіе. *Россійскій Меркурій* сей издавался въ Ригѣ, не взирая на то, что самъ издатель онаго, *Пробстъ Гейдке*, находился въ Москвѣ (**).

98). *Московскій курьеръ*, еженедѣльное сочиненіе *Львова*; Москва 1805 и 1806. 8. Въ 1805 году помѣщены были въ журналѣ семь всего 3 рецензіи.

99). *Московскія ученныя вѣдомости*, издававшіяся Московскимъ Университетомъ еженедѣльно въ 1805, 1806 и 1807 годахъ. Вѣдомости сіи, въ коихъ преимущественно участвовалъ Профессоръ *Буле*, содержали большею частію извѣстія, до иностранной литературы относящіяся; почему оныя и не могутъ почесться важнымъ источникомъ для Исторіи Россійской Словесности (***).

(*) Въ 1 части 1808 г. на стр. 219 и 235 между прочимъ помѣщенъ переводъ археологическаго изслѣдованія Профессора *Буле* о древней живописи въ Россіи.—

(**) Извѣстіе о содержаніи сего журнала см. въ *Wöchentliche Unterhaltungen von F. Reske*. т. II. стр. 33—38 и 385—387.

(***) См. Г. Шторха сист. Обзор. Литер. въ Р. стр. 224 и 342; Соликова введ. къ Опыту Р. Вибл. стр. XVII и No. 3883.

100). *Johann Fiorillo, Versuch einer Geschichte der Bildenden Künste in Russland*; Göttingen 1806. 8. (И. Фіорилло Опытъ Исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи). Опытъ сей помѣщенъ также во II части мѣлкихъ сочиненій сего автора; Fiorillo's kleine Schriften vermischten Inhalts.

101). *Katalog der Bibliothek d. d. Kaiserl. St. S. O. Bibliothek d. Demidoff*; Москва 1806 года. 4. (*).

102). *Mithridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vaterunser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten von Johann Christoph Adelung, Hofrath und Ober-Bibliothekar zu Dresden*; Th. 1. Berlin 1806 in 8. (Митридатъ, или всеобщее языкознаніе, и при немъ „Отче нашъ“ на пятистахъ почти языкахъ и нарѣчіяхъ, соч. И. Х. Аделунга). Вторая часть сего творенія, важнаго для Словесности всѣхъ вообще народовъ, по бумагамъ И. Х. Аделунга, 1809 года издава Professoreмъ Фатеромъ. Третья 1814 г. однимъ Фатеромъ, а четвертая, состоящая изъ дополненій Ст. Сов. Ф. П. Аделунга, Прусскаго Государственнаго Министра Вильгельма Гумбольдта и самаго Фатера, напеч. 1817 года. Здѣсь о Славянскихъ народахъ и языкахъ говорится II. II. на стр. 610—632 и Ч. IV. на стр. 391—406.

(*) Въ 1805 году (ан. XIII) напечатанъ въ Парижѣ также: Catalogue des livres de la bibliothèque de S. E. M. le Comte de Boutourlin; revu par M. M. Barbier et Pougens; suivi d'une table des auteurs (première partie) 758 стр. въ 8.

Собственно же до Россійской Словесности отъ-
носится Ч. II. стр. 617—632.

103). *Лицкѣ*, періодическое изданіе *И. И. Мартынова*; С. Петербургъ 1806 г. въ 8. Въ журналь семь, служившемъ продолженіемъ Съвернаго Въспника (см. No 93), помѣщены 3 рецензіи.

104). *L'Académie Impériale des beaux arts à St. Pétersbourg* depuis son origine jusqu'au règne d'Alexandre I en 1807. Publié par le Conseiller d'Etat *Henri de Reimers*; St. Pétersbourg 1807. 8. Примѣчанія на сочиненіе сіе: *Объ Императорской Академіи Художествовъ со времени основанія оной во 1807 годѣ*, написала *Чкалевскій* подъ заглавіемъ: *Observations sur l'ouvrage: Académie I. d. b. a. par Tschekalewsky*; 1808. 8.

105). *Slavin: Beiträge zur Kenntniss der Slavischen Literatur, Sprachkunde und Alterthümer nach allen Mundarten von I. Dobrowski*; Prag 1808. 8. За Славномъ послѣдовала: *Slovanka: zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer*; Prag 1814. Zweyte Lieferung 1815. 8. Всякъ, кто хотя нѣсколько занимался Словесностию Славянскихъ народовъ, знаетъ сколько Литераторы по сей части обязаны Добровскому. Въ Славникѣ и Славянкѣ помѣщала онъ извѣстія о древней и новейшей Славянской Словесности, спашь споспѣшествующія къ познанію языка во всѣхъ его на-

рѣчѣхъ и наконецъ замѣчанія о *Древностяхъ* и *Исторіи Славянъ*. (сл. No. 77).

106). *Краткое Руководство къ Россійской Словесности* *Ивана Горна*; С. Цешербургъ 1808 года въ 8. Третье отдѣленіе сей книги содержитъ извѣстіе о произведеніяхъ *Россійской Словесности*. Авторъ, раздѣливъ оную на три періода (*первый* ошъ начала X до половины XV вѣка; *второй* до начала XVIII столѣтія, а *третій* до нынѣшняго времени), предлагаетъ въ оныхъ свѣдѣнія о Россійскихъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. — Говоря о началѣ книгопечатанія въ опечесствѣ нашемъ, онъ упоминаетъ объ *Апостолѣ* напечатанномъ въ 1556 году, вмѣсто чего надлежало бы сказать 1564 года.

107). *Руской Вѣстникъ*, издаваемый *Сергіемъ Глинкою* въ Москвѣ съ 1808 года въ 8., копорый и понынь продолжается. По причинѣ сообщаемыхъ въ журналъ семь извѣстій о книгахъ, и Сопиковъ пользовался онымъ при составленіи *Опыта Россійской Библиографіи*.

108). *Отчеты въ управленіи Императорскомъ Публичномъ Библиотекю*, коихъ съ 1814 по 1817 г. вмѣстѣ съ *Описаніемъ* поржесственаго опкрытія сей Библиотеки, бывшаго 2 Генв. 1814 г., напечатано пять книгъ. Сюда же причислить должно *Извлечение изъ опчета* за 1816 г., читанное въ поржесственномъ собраніи 2 Генв. 1817 г., и *Ушеніе посѣщителей* въ 1817 году.

109). Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg; St. Pétersbourg 1809 — 1818 VI частей въ 4. Здѣсь помѣщаются какъ труды Гг. Академиковъ, такъ и лѣтописи самой Академіи Наукъ (слич. No, 15 и 30).

110). *Сѣверная Почта* или *Новая С. Петербургская Газета*. — По докладу Высочайше утвержденному въ 30 день Іюня 1809 года, подъ главнымъ управленіемъ Его Высокопревосходительства *Осипа Петровича Козодавлева*, при Минисперствѣ Внутреннихъ Дѣлъ съ 3 Ноября 1809 г. началось изданіе сихъ Вѣдомостей, выходящихъ дважды въ недѣлю въ листъ. Важнѣйшій предметъ оной составляющъ извѣстія о самой Россіи. Къ крайнему сожалѣнію нѣтъ нигдѣ обзорнѣя *Сѣверной Почты*, коимъ руководствуясь, можно бы пользоваться спашьями объ отечествѣ нашемъ въ оной сообщаемыми. — Съ удовольствіемъ проходилъ я первые 120 номеровъ сихъ Вѣдомостей, вышедшія въ продолженіи 1809 и 1810 годовъ, и составилъ онымъ систематическое оглавленіе: недоспапокъ времени однако не позволяеть мнѣ заняться продолженіемъ труда сего, не оставшагося безъ вознагражденія; ибо я посредствомъ онаго получилъ познаніе о многихъ такихъ вещахъ, о коихъ въ другихъ сочиненіяхъ нельзя почерпнуть удовлетворительныхъ свѣдѣній. — Къ спашьямъ о *народномъ просвѣщеніи въ Россіи* причисляю я из-

вѣспія о книгахъ и авторахъ, также объ открытїи новыхъ училищъ, о бывшихъ въ оныхъ испытанїяхъ и. п. п. (*).

111). *Систематическое обозрѣніе Литературы въ Россіи въ теченіи пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ*; Сочиненное А. (Г.) Шторхомъ и Ф. Аделунгомъ. — Часть I. Россійская Литература; сочин. Г. Шторха; С. Петербургъ 1810 года въ 8. — Часть II. иностранная Литература въ Россіи Г. Аделунга; С. Петербургъ 1811 года. — Издатели сего, по Высочайшему повелѣнію напечатаннаго шверенія, при составленіи онаго слѣдовали примѣру выходящей чрезъ каждыя пять лѣтъ въ Германіи респиси книгамъ называемой: *Allgemeines Repertorium der Litteratur*. Введенія къ обозрѣніямъ симъ и заключенія изъ оныхъ выведен-

(*) Въ настоящее время на иностранномъ языкѣ въ Россіи не издается ни одинъ журналъ, который бы посвященъ былъ исключительно извѣстіямъ о Россіи и Восточныхъ ея сосѣдяхъ. Всѣ усилія по сему предмету частныхъ людей едвали могутъ быть успѣшны; — по крайней мѣрѣ опытность доказала, что при частныхъ Редакторахъ таковыя періодическія сочиненія не были долго продолжаемы: почему и нельзя не желать, чтобы на сей предметъ свыше распростерлось покровительство. Вѣдомости же, на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ въ Россіи издаваемыя, болѣею частію содержатъ одни только выписки изъ иностранныхъ газетъ, которыя для чужихъ краевъ никакъ не могутъ быть любопытныя.

мыя, заслуживающъ особенное любопытство и вниманіе (*).

112). *Literatur der allgemeinen Nordischen Geschichte zur Einleitung in das Studium der Russischen Geschichte*; — или: *Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte von Johann Gottlieb Buhle*; Москва 1810. 8. Сія первая часть *Опыта критической литературы Россійской Исторіи*, — швореніе, необходимое для каждаго Россійскаго Историка, — содержитъ Литературу древней общей Сѣверной Исторіи. Жаль очень, что авторъ, находящійся нынѣ въ Брауншвейгѣ, не издалъ еще по сіе время второй части, которая, сколько извѣстно, до выѣзда его изъ Россіи уже окончана была въ рукописи. Весьма желательна, чтобы Гнъ. Профессоръ Буле, поспѣшилъ изданіемъ продолженія сего шворенія, для коего и почтеннѣйшій нашъ Академикъ, Кол. Сов. и Кав. *Ф. И. Крузъ* снабдилъ его любопытнѣйшими матеріалами, собранными покойнымъ *Бакмейстеромъ* въ одну книгу, гдѣ опмѣчалъ онъ все, что только воспрѣчалось ему писаннаго въ отношеніи къ Россійской Исторіи, какъ древней, такъ и новой.

113). *Prolusio de auctoribus supellectilis literariae Historiam Russicam proxime spectantis a Ioanne Theophilo Buhle*; Mosquae. Вотъ наконецъ первый Литературъ, почувствовавшій необходимость

(*) Добровскій во второй книжкѣ своей *Славянки* (см. N. 106) на стр. 206—213 поспѣшилъ краткое навлеченіе изъ сего обзорія.

собрать подробнѣйшія свѣдѣнія *объ источникахъ для Исторіи Россійской Словесности*. При обзорѣ нн публичныхъ чтеній имѣвшихъ бытъ преподаваемы въ Московскомъ Университетѣ 1809 года, припечаталъ онъ спашью сію, содержащую болѣе сорока сочиненій, въ коихъ Россійскій Историкъ почерпашъ долженъ свѣдѣнія *объ опечесивенной Словесности*. Но сочиненіе сіе, писанное на Латинскомъ языкѣ, по какой-то спранной причинѣ, не выпущено въ свѣтъ; почему оно нынѣ чрезвычайно рѣдко. Благоприятный случай дозволилъ мнѣ пользоваться симъ произведеніемъ Г. Профессора Буле, въ коемъ нашель я разныя любопытнѣйшія извѣстія, доселѣ мнѣ неизвѣстныя (*).

114). *Улей, польскіе изданіи*; С. Петербургъ 1811 и 1812 г. IV Ч. въ 8. Главное намѣреніе издателя, (В. Г. Анастасевича), состояло въ томъ, чшобы короче познакомить соопечесивенниковъ нашихъ съ Польскою Словесностію, и шѣмъ самымъ подкрѣпитъ естественную связь между литераторами двухъ единоплеменныхъ народовъ. Къ любопытнѣйшимъ спашьямъ о Польской Словесности принадлежатъ извлеченія изъ *Линде*,

(*) *Матеріалы* сіи были уже прочитаны въ собраніи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, и назначены къ напечатанію въ трудахъ сего Сословія, когда получено мною сочиненіе Г. Профессора Буле; почему въ послѣдствіи времени внесъ я сюда все то, чего здѣсь еще не доставало.

Нарушевича и Чацкого. Однако издатель не упускалъ из виду и произведеній Россійской Словесности, въ отношеніи къ коей особенно примѣчательны статьи, входящія въ составъ отдѣленія *Бю и Библиографическія замѣчанія и о народномъ просвѣщеніи.* — В. Г. Анастасевичъ, сколько мнѣ извѣстно, первый написалъ на Россійскомъ языкѣ статью о *Библиографіи*, въ собственномъ значеніи сего слова, которое нынѣ нѣкопорыми Литераторами неосновательно распространено и на самыя сужденія о книгахъ.

115). *Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ*; Москва 1812—1818 г. XII частей въ 8. Въ первой части за рѣчью, произнесенною *А. А. Прокоповичемъ - Антонскимъ* при открытіи Общества, слѣдуютъ двѣ достопримѣчательныя статьи, первая *Взглядъ на успѣхи Россійскаго вѣтѣйства въ первой половинѣ истекшаго (XVIII) столѣтія М. Т. Каченовскаго* (*) и *Разсужденіе о Россійской Словесности А. Ф. Мерзлякова*; шупъже помѣщена статья о заслугахъ *Хераскова* въ отечественной Словесности. По части Словесности заслуживаютъ особенное вниманіе: *М. Т. Каченовскаго Исто-*

(*) Статья сія помѣщена также въ первой части *Собранія образцовыхъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ*, изданнаго Обществомъ Любителей отечественной Словесности въ С. Петербургѣ 1815 г. въ 8.

рический взгляд на Грамматику Славянскихъ нарѣчій (ч. IX спр. 17—46) и Разсужденіе о Похвальныхъ Словахъ Ломоносова (ч. III). Въ Vй часпи находится Разсужденіе о Словесности вообще М. Г. Гаврилова и спашья о нравствен-ныхъ качествахъ крипика Л. А. Цѣтасва. Часпъ XI содержишь Опытъ рѣшенія вопроса, предло-женнаго въ Обществѣ Любителей Россійской Сло-весности, основанномъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ о томъ: на какомъ языкѣ писана пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на ка-комъ нибудь областномъ нарѣчій (*). Тутъ же помѣщена спашья О характерихъ Рускихъ на-родныхъ пѣсней А. Глаголова, спр. 33—51 (**).

(*) *Пронгская Пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго Кня-зя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославита, писанная стариннымъ Рускимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе* печата-на въ Москвѣ 1800 г. на 46 стр. въ 8. Въ переводѣ и прииѣчаніяхъ трудылись А. Ф. Малиновскій, Н. Н. Бан-тышъ-Каменскій и Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Вто-рое изданіе сей древней пѣсни или Слова о полку Игоря-вомъ съ объясненіемъ и новымъ переводомъ помѣщено А. С. Шишковымъ въ I часпи *Согнией и переводовъ, издава-емыхъ Россійскою Академіею*; С. Петербургъ 1805 г. 8. стр. 23—234. Юс. Мюллера Нѣмецкій переводъ сей пѣсни напечатанъ въ Прагѣ 1811 г. въ 12.

(**) *Нѣкто о народныхъ Рускихъ пѣсняхъ А. П. Гевлиса* и о переводѣ оныхъ на Нѣмецкій языкъ П. П. Фонъ-Гёце, помѣще-но также въ трудахъ Вольнаго Общества Любят. Росс. Словесности; С. Петербургъ 1818 г. Ч. II. спр. 337—354.

*

Разсужденія о синонимахъ и самыя объясненія оныхъ Гг. П. Калайдовича и Саларева помѣщены въ II, IX. и X частяхъ, а изъ лѣпописей общества составлены IV, VIII и XII части. Въ VI между прочимъ помѣщенъ *Списокъ Рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго Университета Профессорами онаго отъ 1755 по 1800 годъ, собранныхъ и представленныхъ Обществу Любит. Росс. Словесности Конст. Калайдовичемъ* (спр. 53—67).

116). *Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ.* Съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и швореніяхъ писателей, копорыхъ труды помѣщены въ семь собраніи. Издан. Н. Гречемъ; С. Петербургъ 1812 года, въ 8 (*). Н. И. Гречъ печатаетъ нынѣ въ IV частяхъ въ 8. впорое изданіе сей книги подъ заглавіемъ: *Учебная книга Руской Словесности, или Избранныя мѣста изъ Русскихъ Сочиненій и Переводовъ въ прозѣ и стихахъ, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ Риторики и Питтики, и Исторіи Руской Словесности. Краткая Исторія Руской Словесности* ошъ изобрѣшенія письменъ Славянскихъ до нашихъ временъ, по обѣщанію автора, составляеть будеть прибавленіе ко впорой части.

*) Извѣстіе о семь сочиненіи помѣщено въ Санкшпетербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г. N. 7. подъ сшашьєю Кришняка на стр. 64—72.

117). *Санктпетербургскій Вѣстникъ* издаваемый Общеспвомъ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ; С. Петербургъ 1812 г. X кн. въ 8. Въ ономъ подъ спашьею *Критика* помѣщаются были разборы разныхъ вновь выходящихъ Россійскихъ книгъ; Въ 4, 5 и 6 книжкахъ сего же Журнала помѣщенъ *А. Х. Востокова* Опытъ о Рускомъ стихосложеніи (*).

118). *Сынъ Отечества, Историческій, политическій и Литературный Журналъ*, издаваемый Николаемъ Гречемъ. Еженедѣльнаго сего сочиненія съ 1 Октября 1812 по 1 Генваря сего 1819 года издано уже L частей въ 8. Подъ спашьею *Библиографія* въ Сынѣ Опечесствѣ помѣщающія извѣстія о новыхъ книгахъ, а иногда и самыя сужденія о сочиненіяхъ съ выписками изъ оныхъ. Сужденія сіи, будучи писаны съ умѣренностію, бывають иногда очень любопытны, особливо тогда, когда оныя не касаются глубокихъ розысканій, пребующихъ обширныхъ ученыхъ свѣдѣній, или основательнаго знанія въ опвлеченныхъ наукахъ. — Любители опечеспвленной Словесности издапелю Сына Опечесства обязаны преимущественно пѣмъ, что послѣ В. Г. Анаспасевича, въ наше время (съ 1814 года) онъ первый Библиографію сдѣлалъ существенною частію Рускаго Журнала.

(*) Сл. выше No 27 и 60.—Опытъ сей, значительно пополненный, напечатанъ вторично въ С. Петербургѣ 1817 г. въ 8.

119). *Отчеты Комитета Россійскаго Библейскаго Общества.* — Россійское Библейское Общество, ко- его дѣлами, въ слѣдствіе Высочайше утвер- жденнаго въ 6 день Декабря 1812 года доклада, управляетъ особый Комишепъ, ежегодно печата- етъ какъ сіи опчешы, такъ и общія обзорѣ- нія объ успѣхахъ всѣхъ прочихъ Библейскихъ Обществъ. Изданія сіи, для любопытнаго наблю- дающаго успѣховъ человѣческаго рода, важны по- тому, что онъ здѣсь усмотрѣтъ можетъ какъ на- правленіе или ходъ Христіанскаго просвѣщенія, такъ и успѣхи книгопечатанія въ опчешствѣ нашемъ. Сіи же самыя опчешы и извѣстія пе- чапаемы бывають ежегодно и на Нѣмецкомъ языкѣ.

120). *Оглавленіе Сочиненій, заключающихся въ 63 книжкахъ подъ названіемъ: Труды Вольнаго Экономическаго Общества* сочиненное Членомъ онаго Придворнымъ Пропопресвиперомъ и кав. Сергіемъ Ливѣтовымъ; С. Пепербургъ 1812 г. въ 8. Книга сія даетъ понятіе кто и какими предметами преимущественно занимались у насъ по часпи домашняго хозяйства. Всѣхъ во- обще Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общест- ва къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домо- строительства съ 1765 по 1 Генв. 1819 года вы- шло LXIX часпей въ 8, изъ коихъ первая часть въ 1811 году уже напечатана въ трепій разѣ.

121). *Опытъ Россійской Библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Славянскомъ и Россійскомъ языкахъ, съ начала заведенія типографіи до 1813 года, съ предисловіемъ, служащимъ введеніемъ въ сію науку, совершенно новую въ Россіи, съ Исторіею о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія, какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ примѣчаніями о древнихъ рѣдкихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ, и съ крапками изъ оныхъ выписками. Собранный изъ достоверныхъ источниковъ *Василіемъ Сопиковымъ*; С. Пепербуръ съ 1813 — 1816 г. IV части въ 8. Последняя VI часть еще неиздана. Сопиковъ, (скончавшійся 20 Іюля 1818 г.), былъ книгопродавецъ а не ученый, почему напрасно спали бы мы искашь полной системы въ библіографическомъ его твореніи. Предполагать должно, что тому, кто хочеть написать удовлетворительную систему Библіографіи, должно имѣть основательное познаніе въ Философіи, которая одна можетъ служить руководствомъ къ порядочнымъ энциклопедическимъ идеямъ, излагая взаимную связь и отношеніе между собою наукъ, искусствъ, художествъ и самыхъ ремеслъ. Сопиковъ однако оказалъ Словесности нашей великую услугу, занимавшись около двадцати лѣтъ книжною торговлею, имѣвши до ста разныхъ капиталовъ духовныхъ и гражданскихъ книгъ и пользовавшись*

нѣкопорыми изъ приведенныхъ мною источни-
ковъ (*). Онъ много споспѣшествовалъ дальнѣй-
шимъ занятіямъ по части Исторіи опечесивен-
ной Словесности. Нельзя здѣсь не вспомнить съ
оплачною признашельностію также о Преосвя-
щенномъ *Евгеніи*, Архіепископѣ Псковскомъ, Лиф-
ляндскомъ и Курляндскомъ, коему покойный Со-
пиковъ, по собственному признанію и отзы-
вамъ къ друзьямъ своимъ, обязанъ былъ главною
мыслію и убѣжденіемъ къ предпріятію труда сего
и даже нѣкопорымъ содѣйствіемъ. Сему же учено-
му Іерарху обязаны мы и лучшею частію преду-
вѣдомленіямъ сей Библиографіи; ибо *Исторія кни-*
гопечатанія въ отечествѣ нашей Сопиковымъ за-
имствована изъ Новаго опыта о Россійскихъ писа-
теляхъ помѣщеннаго въ *Другъ Просвѣщенія* (**).
Ректоръ Варшавскаго Лицея *Самуиль Богумиль*
Линде, — знаменитый сочинитель Польскаго Сло-
варя (*Słownik Języka Polskiego; w Warszawie*
съ 1807 по 1814 г. VI частей въ 4), въ коемъ
случаесть онъ всѣ Славянскія нарѣчія, — помѣ-
стилъ 1806 года въ Польскомъ журналѣ *Pamiętnik*
Warszawski статью о *Россійской литературѣ* со-
держащую критическій разборъ Опыта Россій-
ской Библиографіи Сопикова. Сокращеніе оной

(*) Именно No. 23, 44, 46, 51, 54, 92, 94, 101 и 111.

(**) 1806 г. ч. IV. стр. 147 — 169.

помѣщено также въ Вѣстникѣ Европы (1816 г. Ч. IV стр. 110—136 и 230—244).— „Истинное достоинство всегда отдаешь должную справедливость труду полезному и почтенному.”

122). *Рускій Инвалидъ* (или *Военныя Вѣдомости*).— Участь военныхъ, изувѣченныхъ при спасеніи опечесства, побудила Сп. Сов. и кав. П. П. *Поліана-Пезаровіуса* предпринять на языкахъ Россійскомъ и Нѣмецкомъ изданіе сіе, съ коего доходъ предназначенъ имъ былъ на пользу раненыхъ. Съ 1 Февраля 1813 по 1 Января 1816 года Г. Пезаровіусъ одинъ завѣдывалъ изданіемъ сихъ вѣдомостей, которое въ послѣдствіи времени возложено на Комисетъ Высочайше утвержденный въ 18 день Августа 1814 года, съ тѣмъ, чтобы Г. Пезаровіусъ и впредь продолжалъ быть Редакторомъ сей газеты. — *Рускаго Инвалида* первоначально издавалось по одному номеру въ недѣлю; но вскорѣ попомъ издашель принужденъ былъ присовокупить къ тому еще по одному полулисту въ 4., такъ, что еженедѣльно уже выходилъ цѣлый листъ печатный. Съ 1814 года издавалось уже регулярно каждую недѣлю по два номера въ 4. съ дополнительными припомъ листками. Въ 1815 году *Инвалидъ* издавался въ листъ; но съ слѣдующаго 1816 г. опять предпочтень прежній форматъ въ 4.— Съ Января 1817 года *Военныя Вѣдомости* издаются и на Польскомъ языкѣ. Теперь газетны

сей ежедневно, (кроме Понедельниковъ), выходить одинъ полулистъ въ 4. — Сначала въ оной припечатывались извѣстія о такихъ только книгахъ, копорыя сочинителями пожертвованы были въ пользу Инвалидовъ; въ послѣдствіи же времени опали помѣщать здѣсь и самыя сужденія о новыхъ ученыхъ произведеніяхъ.

123). *Geschichte der Medicin in Russland entworfen von D. Wilhelm Michael von Richter.* Москва 1813 — 1815. II части въ 8. (*Исторія Медицины въ Россіи, сочиненная Вильгельмомъ Рихтеромъ*). Первая часть перевода сего сочиненія на Россійскій языкъ напечатана въ Москвѣ 1814 года въ 8. — Краткое обзорѣніе Врачебной науки въ Россіи съ древнихъ до нынѣшнихъ временъ собранное *В. Джунковскимъ* изъ разныхъ историческихъ записокъ, помѣщено было предъ симъ въ первыхъ шрехъ нумерахъ издававшася въ 1811 году при Императорской Медико-Хирургической Академіи *Всобщаго журнала Врачебной науки*; пущь же, сверхъ извѣстій до упомянутой Академіи относящихся, помѣщались также краткія жизнеописанія разныхъ Россійскихъ Медиковъ. (*) — *Врачебныхъ Вѣдомостей* издававшихся въ С. Пешербургѣ въ 1793 году, вышло только 26 нумеровъ (вмѣсто 52), а *Краткая Исторія Врачебнаго искусства*, сочиненная *Пет-*

(*) Какъ то: Карпинскаго, Рудольфа, Базилевича, Ореуса, Щепина, Роггера и пр.

ромъ Гофманомъ напечатана была въ С. Петербургѣ 1789 года въ 8. — Въ отношеніи къ Литературѣ Медицины должно быть также любопытна хранящаяся въ библіотекѣ Александроневской Академіи рукопись монаха *Никодима Селлія* (см. No 20): *Bibliotheca medica chirurgica*, которая есть не что иное, какъ указаніе авторовъ и книгъ по всѣмъ Медико-Хирургическимъ предметамъ (*).

124). *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde*, von Friedrich Adelung; St. Petersburg 1815. 4. (*Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкознаніи*). — Въ швореніи семъ, которое напечатано иждивеніемъ *Его Сіятельства Графа Николая Петровича Румянцева*, сочинитель, *Ст. Сов. и кав. Ф. П. Аделунгъ*, излагая Исторію Сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ, собраннаго самою Государынею Екатериною II. и печатаннаго по Ея повелѣнію въ С. Петербургѣ съ 1787 — 1789 г. въ двухъ, а 1790 и 1791 г. въ IV частяхъ въ 4., сообщилъ вмѣстѣ Исторію всѣхъ вообще языкоислѣдованій въ отечествѣ нашемъ, со введенія въ Россію науки сей; до нашихъ временъ. Занятіе это подало автору случай упомянуть какъ о прежнихъ, такъ и современныхъ намъ ученыхъ, упражняющихся въ изслѣдованіи и сравненіи языковъ о и въ этомъ отношеніи твореніе сіе для Исто-
 (*) Ж. Другъ просвѣщенія 1804 г. Ч. I. стр. 114.

ри просвѣщенія въ Россіи, никогда не лишится цѣны своей. Извлеченіе изъ онаго помѣщено въ *Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности* 1818 г. Ч. I. на стр. 271 — 304. Главнымъ поводомъ къ сочиненію сей книги безъсомнѣнія служило желаніе видѣть новое пополненное и исправленное изданіе Сравнительнаго словаря, которое было бы весьма полезно какъ для Россійскихъ, такъ и для иностранныхъ ученыхъ.

125). *Императорская Россійская Академія*, существующая съ 21 Октября 1783 года и „почищающая настоящею своею обязанностию заниматься изслѣдованіемъ состава и разума словъ, опредѣленіемъ правилъ и свойствъ языка, установленіемъ и ограниченіемъ его опъ порчи писателей, незнающихъ силы онаго, — обратила прежде всего вниманіе на сочиненіе Грамматики и Словаря опечеснвеннаго языка — спараго, огромнаго, великолѣпнаго, сильнаго и плодороднаго“. Потомъ въ 1805 году вышла первая часть *Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею*, коихъ по 1813 году напечатано VI частей въ 8. Въ составъ сего изданія вошли также извѣстія о управленіи симъ сословіемъ, могущія служить источникомъ для Истории онаго. Замѣтивъ однако, что вниманіе наше обратилось на чужіе языки, „которыхъ свойству въ переводахъ подражая, во многихъ ослабили мы духъ и силу языка своего,“ И. Рос-

сiйская Академія, по распоряженію своего Президента, Г. Вице-Адмирала *Александра Семёновича Шишкова*, вознамѣрилась издаватьъ всѣ предложенія, вопросы, изслѣдованія и разсужденія свои о языкѣ подѣ названіемъ *Извѣстій*, коихъ по нынѣ съ 1815 года въ С. Пешербургѣ вышло уже VI книжекъ въ 8. Въ концѣ сихъ книжекъ помѣщаются бывающіе извѣстія объ умершихъ членахъ Императорской Россійской Академіи. —

126). *Russische Sammlung für Naturwissenschaft und Heilkunst, herausgegeben von Dr. Alexander Crichton, Dr. Joseph Rehmann und Dr. Karl Friedrich Burdach; Riga und Leipzig. (Собраніе по части Естественной Исторіи и Медицины въ Россіи; издаваемое А. А. Крейтономъ I. Реманомъ и К. Ф. Бурдахомъ)*. Сего собранія съ 1816 года вышли III части въ 8. Въ немъ помѣщаются бывающіе любопытныя извѣстія о медицинскихъ заведеніяхъ въ Россіи и разныхъ по сему предмету узаконеніяхъ; извлеченія изъ выходящихъ въ Россіи сочиненій по части испытаній природы, врачевства и ш. п. — Во II части между прочимъ на стр. 719 и. д. помѣщено обзорѣніе первыхъ шести книжекъ *Всеобщаго журнала Врачебной науки* (см. No 123).

127). *Украинскій Вѣстникъ*. Въ ежемѣсячномъ сочиненіи семь, издаваемомъ въ Харьковѣ съ 1816 года *Евграфомъ Филолаевскимъ* и *Разумки-*

комъ Гонорскимъ въ 8., помѣщаемы бывають иногда краткія извѣстія о новыхъ книгахъ, большею частію въ Харьковѣ печатаемыхъ. Въ семь 1819 году изданіемъ Украинскаго Вѣспника занимаешся одинъ Г. Филомоѳискій.

128). *Росписъ книгамъ и ландкартамъ, также портретамъ, проспектамъ, планамъ и другимъ эстампамъ, продающимся въ книжной лавкѣ Императорской Академіи Наукъ съ показаніемъ цѣнъ*; С. Пепербургъ 1817 г. въ 8. — Въ 1767 году также изданъ былъ Капалогъ книгамъ напечатаннымъ при С. Пепербургской Академіи Наукъ.

129). *Труды Высочайше утвержденного Волянаго Общества Любителей Россійской Словесности*. Въ ежемѣсячномъ сочиненіи семь, съ Января 1818 года издающемся въ С. Пепербургѣ въ 8., подъ названіемъ: *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*, помѣщаемы бывають какъ извѣстія о книгахъ, такъ и извлеченія изъ оныхъ.

130). *Благонамѣренный, ежемѣсячный журналъ, издаваемый А. Измайловымъ* съ 1818 года въ С. Пепербургѣ въ 8. Здѣсь также иногда помѣщаются извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ.

131). *Жизнь Дѣйст. Ст. Сов. и кав. Н. Н. Бятыша-Каменскаго*; Москва 1818 года въ 4. Краткое Біографическое извѣстіе о семъ ученомъ мужѣ помѣщено также въ журналъ *Другъ Просвѣщенія* 1805 года Ч. II. стр. 147 — 150 (сл. № 54).

132). *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ Духовнаго чина Грекороссійской церкви*; С. Пешербургъ 1818 года въ 8., 710 стр. въ 8. (см. No. 92).

133). *Каталогъ обстоятельный Россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ Россійской Исторіи и Географіи принадлежащимъ и въ Академической Библіотекѣ находящимся, по приказанію Г. Президента Императорской Академіи Наукъ Сергія Семеновича Уварова вновь сдѣланный Ст. Сов. Соколовымъ 1818 года*; С. Пешербургъ 47 и алфавитной росписи рукописямъ XV стр. въ 8.

134). Разныя свѣдѣнія о Россійской Словесности найпи можно пакже въ *путешествіяхъ Иностранцевъ*, обозрѣвавшихъ Россію наипаче съ XIII до XVIII вѣка. — Важнѣйшимъ изъ путешественниковъ кажется почестъ можно Герберштейна, который, по словамъ чужестранныхъ писателей, вновь открылъ для нихъ опечество наше (*). — Вильг. Коксъ, во второй

(*) Издженіемъ Государственнаго Канцлера, Его Сіятельства Графа Николая Пешровича Румянцова напечатана сочиненная Ст. Сов. Ф. П. Адельунгомъ Биографія Герберштейна, въ коей авторъ преимущественно обращалъ вниманіе на путешествіе его по Россіи. Изъ книги сей (Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland geschildert von Friedrich Adeling; St. Petersburg 1818. 8.) И. Н. Лобойкомъ сдѣлано извлеченіе, которое напечатано подъ заглавіемъ: *О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна записокъ о Россіи, въ кри-*

части изданнаго имъ въ 1784 году путешествія по Польшѣ, Россіи, Швеціи и Даніи, помѣстивъ также изслѣдованіе о началѣ и успѣхахъ *Россійской Словесности* (*). — Извѣстіе о путешествіяхъ по Россіи впрочемъ преимущественно почерпнуть можно изъ слѣдующихъ произведеній:

a). *Gottl. Heinr. Stuck's Verzeichniss von älteren und neueren Land- und Reisebeschreibungen. Ein Versuch eines Hauptstücks der geographischen Literatur, mit einer Vorrede von I. E. Fabri; Halle 1784. 8.* — *Готл. Генр. Штукка, списокъ древнихъ и новыхъ путешествій и его же дополненія къ сему произведенію: Nachtrag zum Ver-*

тисескимъ обозрѣніемъ ихъ содержанія; С. Петербургъ 3д спр. въ 8. — Извлеченіе сіе помѣщено также въ Трудяхъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности Ч. II. стр. 228. — 266. — *Комментаріи Барона Герберштейна о дѣлахъ Московскихъ, переведенныя съ Латинскаго языка Кириакомъ Кондратовичемъ 1747 г. въ дѣспь, хранятся въ числѣ рукописей Академіи Наукъ, какъ сіе явствуетъ изъ *Обстоятельнаго Каталога* и пр. стр. 16, No. 47. Тушь же между прочимъ хранятся: Переводъ путешествія *Адама Олеаріуса* (стр. 18, N. 57) и *Страленбергова* примѣчанія на книгу о Сѣверн. Восточ. странѣ Европы и Азіи (стр. 46, N. 65).*

(*) *Trawels into Poland, Russia, Sweden and Danemark by W. Cox; London 1784; И части въ 4. Сего сочиненія въ 1791 г. напечатано уже четвертое изданіе въ V часпяхъ въ 8. съ изображеніями и картами. Переводы онаго на языки Нѣмецкій и Французскій напечатаны въ 1786 году, на Шведскій же въ 1789, а на Голландскій въ 1791 г.*

zeichnisse и пр. nebst den Registern von H. Ch. Weber; 1785 и 1787 г. II части въ 8.

b). *An Essay to direct and extend the Inquiries of patriotic travellers*, with further observations on the means of preserving the life, health and properties of the unexperienced in their journies by land and sea. Also a series of questions interesting to society and humanity, necessary to be proposed for solution to the men of all ranks and employments etc. of all nations and governments, comprising the most serious points relative to the objects of all travels. To which is annexed a list of English and foreign works intended for the instruction and benefit of travellers, and a *Catalogue of the most interesting European travels, which have been published in different languages from the earliest times down to Sept. 8. 1787.* By Count Leopold Berchtold; London 1789. 8. II части.

c). *Bibliothèque universelle des Voyages*, ou: Notice complète et raisonnée de tous les Voyages anciens et modernes dans les différentes parties du monde, publiés tant en langue française, qu'en langues étrangères, classés par ordre de pais dans leur série chronologique; avec des *Extraits* plus ou moins rapides des Voyages les plus estimés de chaque pays, et des jugemens motivés sur les *Relations anciennes*, qui ont le plus de célébrité; par G. Boucher de la Richarderie; à Paris et Strasbourg 1808. VI частей. Извѣстія о пунешесствіяхъ по Россіи находящи-

ся во второй части сей *Всобщей Библиотеки путешествій*, оныя коей, по словамъ Буле, должно бы ожидать гораздо болѣе, нежели дѣйствительно въ оной найши можно.

d). Joh. Beckmann's *Literatur der ältern Reisebeschreibungen*; Göttingen 1807 — 1808 г.; въ III книжкахъ. Авторъ сей *Литературы древнихъ путешествій*, Геттингенскій Профессоръ И. Бекманъ, съ 1763 по 1765 г. былъ учителемъ Физики и Естественной Исторіи при С. Петербургской школѣ Св. Петра.

e). Сюда наконецъ причислить должно предпринятое нынѣ Императорскою Академіею Наукъ изданіе *Полнаго собранія ученыхъ путешествій по Россіи*, въ коихъ она принимала участие. Первый томъ сего собранія, содержащій описаніе земли Камчатки, сочиненное *Степаномъ Крашенинниковымъ*; вышелъ въ С. Петербургѣ 1818 года въ 8.

135). Съ познаніемъ Литературы какого либо народа имѣемъ также тѣсную связь знаніе генеральныхъ, специальныхъ и топографическихъ картъ, изданныхъ онымъ о своемъ Государствѣ. Свѣдѣнія же сему предмету въ отношеніи къ Россіи почерпнуть можно изъ слѣдующихъ сочиненій:

a). I. Klefkeri, curæ geographicæ s. *Indices tabularum et librorum geographicorum critici*; Hamburgi

1758. 8. (*Клефекера критическій указатель Географическихъ картъ, и сочиненій*).

б). *Извѣстіе о Ландкартахъ касающихся до Россійскаго Государства съ пограничными землями, также о морскихъ картахъ тѣхъ морей, кои съ Россією граничатъ*. Извѣстіе сіе помѣщено въ издававшихся при Академіи Наукъ Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ, (см. No 30), 1761 года Ч. II стр. 387 — 448 и 483 — 527; эта же самая спашья помѣщена и въ VI части Миллерова собранія Россійской Исторіи на стр. 1 — 108 подъ заглавіемъ: *Nachricht von Land- und See-Carten, die das Russische Reich und die zunächst angränzende Länder betreffen*. — Миллеръ первымъ изображеніемъ Россіи починалъ то, которое находится въ *Минстеровой Космографіи*, напечатанной 1550 г. Однако Баронъ Герберштейнъ еще въ 1549 г. къ первому изданію своихъ *Комментарій* присовокупилъ карту Россіи (*), о коей Шмидтъ Фисельдекъ въ дополненіи къ извѣстію Миллера (**), можетъ быть по ошибкѣ, утверждаетъ, что она вышла уже въ 1546 г. — Первый анп

(*) Копія съ сей карты приложена какъ къ сочиненной О. П. Аделунгомъ Біографіи Барона Герберштейна, такъ и къ извлеченію изъ оной, помѣщенной во II части Трудовъ Вольн. Общ. Люб. Росс. Словесности.

(**) Schmidt Phiseldock's Nachträge zu Müllers Nachricht, въ: Beiträge и пр. (см. No 47) на стр. 196.

лась объ опечествѣ нашемъ, изданный на Россійскомъ языкѣ, вышелъ при Академіи Наукъ въ 1745 году. Апласть сей соспоаяль изъ одной Генеральной и девятнадцати Специальныхъ картъ въ листъ, и самая Академія почитала оный полько первымъ опытомъ посеи частпи. (*)

135). Степень просвѣщенія или образованности какого либо народа въ разныя времена его сущеспвованія усмопрѣшь можно пакже изъ сочиненій о его *Древностяхъ*. — По частпи *Археологій* Россійской здѣсь упомянутьъ должно о слѣдующихъ сочиненіяхъ:

а). Рукопись Діакона Холопья монастыря *Тимофея Камнеюча о древностяхъ Рускихъ*, въ III частяхъ въ 4., хранящаяся въ Паптіаршей Библиошкѣ въ Москвѣ. Твореніемъ симъ пользовался покойный Тайн. Сов. *Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ* при сочиненіи *Историческаго замѣчанія о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго, такъ называемаго Холопья города*, которое напечатано въ Москвѣ 1810 г. въ 4. (**).

б). *Древняя Россійская Вилюювка*, содержащая въ себѣ собранія Древностей Россійскихъ, до Исторіи, Географіи и Генеалогіи Россійской касающихся, изданная *Николаемъ Новиковымъ*;

(*) Ежемѣсячн. сочин. 1761 г. Ч. II. стр. 504; — *Samml Russ. Gesch. VI, 87*; — *Kliefekeri Curæ Geogr. стр. 141*.

(**) Замѣчанія сіи нынѣ очень рѣдки, потому, что большая часть экземпляровъ оныхъ истреблена въ Москвѣ 1812 г. при нашествнн непріятеля.

С. Петербургъ 1775 — 1775 г. X часпей въ 8. Продолженіе оной въ XI часпяхъ печатано въ С. Петербургъ съ 1786 до 1801 г. въ 8.; а второе изданіе въ XX часпяхъ вышло въ Москвѣ съ 1788 — 1791 г. въ 8.

с). *Н. Новикова Повѣствователь Древностей Россійскихъ*; С. Петербургъ 1776 г. въ 8.

д). *Г. Успенскаго Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Рускихъ*; Харьковъ 1811 и 1812 г.; — изданіе второе: Харьковъ 1818 г. — II ч. въ 8.

е), Сюда же отнесши должно и сочиненіе *Х. Мейнера* показанное подь No. 78.

ф). Наконецъ въ отношеніи къ древнимъ Рускимъ монетамъ упомянуть еще должно о слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Büschings Magazin* (см. No 38). Ч. VIII стр. 373—384 *Bevtrag zu einer Geschichte der russischen Münzen.* — б) *Князя Щербатова* Опытъ о древнихъ Рускихъ монетахъ, въ Академическихкихъ извѣстіяхъ 1780 и 1781 годовъ (С. Петербургъ въ 8.) и переводъ сей статьи съ примѣчаніями *Ивана Бакмейстера* *Versuch über die alten Russischen Münzen*, въ *Neues St. Petersburgisches Journal* съ 1781 г. Ч. I — III. — с) *Zur Münzkunde Russlands*, herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften; St. Petersburg 1805. 8. Россійскій переводъ сего сочиненія Г. Академика *Ф. И. Круга*, напечатанъ подь заглавіемъ: Крипическія разыканія о древнихъ Рускихъ монетахъ изданныя Императорскою Академіею Наукъ;

С. Петербургъ 1807 года въ 8. — d) *Ф. С. Мальгина* опытъ историческаго изслѣдованія и доказательствъ о древности въ Россійскомъ Государствѣ монеты разнаго достоинства и медалей своихъ собственныхъ; въ *Сочиненіяхъ и Переводахъ И. Россійской Академіи* 1810 г. Ч. IV. стр. 140 — 225. — e) *Вѣспникъ Европы* 1816 г. No 12. стр. 315 — 317.

136). Равнымъ образомъ успѣхи народнаго образованія усмотрѣнь можно и изъ узаконеній, изданныхъ въ разныя времена по части просвѣщенія, также промышленности, и. п. п.

137). Впрочемъ само по себѣ разумѣется, что пошъ, кто займется сочиненіемъ удовлетворительной Истории отечественной Словесности и вообще Просвѣщенія, долженъ будетъ прибѣгнуть и къ твореніямъ *І. Алб. Фабриція* (Io. Alb. Fabricius), *Байле* (Bayle) *Гедериха* (Hederich), *Ехера* (Iöcher) и продолженію *Морерія* (*), *Гамбергера* (Hamberger), *Хр. Сакса* (Chph. Saxius), *Де Бура* (De Bure), *Дениса* (Denis), *Струве* (Struve), *Будера*

(*) Большаго Историческаго Мореріева Словаря (Dictionnaire historique. Лондонъ 1674 г. въ листъ), который по повелѣнію Петра I. послѣдовавшему въ 1716 г. переводился на Россійскій языкъ *Гавріиломъ Бужинскимъ*, Епископомъ Рязанскимъ, и донынѣ 427 рукописныхъ тетрадей (оныхъ буквы А до И) сохраняются въ библиотекѣ Св. Синода, См. Словаря Историч. о Духовн. писателяхъ, стр. 77.

(Buder), и *Мейзеля* (Meusel) и пр. (**); — так же къ *Историческимъ Библиотекамъ* такихъ родовъ, которые состояли въ сношеніяхъ съ Россією; — къ писателямъ касавшимся Исторіи

(**) Всѣми признано, что Нѣмцы болѣе прочихъ соблюдаютъ точность въ составленіи обзорной своей Литературы, и нельзя не пожелать, чтобы мы въ семъ отношеніи послѣдовали ихъ примѣру. — Не говоря объ издаваемыхъ въ Германіи многихъ Критическихъ журналахъ и вѣдомостяхъ, (какъ то: *Jahrbücher der Literatur, Literatur-Zeitungen, Gelehrte Anzeigen* и т. д.), необходимыхъ для каждаго ученаго, я приведу только:

- 1). G. C. Hamberger und I. G. Meusel; *Das gelehrte Deutschland oder Lexicon der jetzt lebenden teutschen Schriftsteller.* XI Th. in 8. Lemgo 1769 — 1815.
- 2). I. G. Meusel's *Lexicon der vom Jahre 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller;* XV Bde. in 8. Leipzig 1802 — 1816.
- 3). Jördens *Lexicon deutscher Dichter und Prosaiker;* VI Bde. in 8. Leipzig 1806 — 1814.
- 4). W. Heinsius *Allgemeines Bücher-Lexicon;* II Bde. Leipzig 1814. (neue Ausg.) in Fol.

Кромѣ сихъ, собственно до Нѣмецкой Литературы относящихся твореній, многія еще другія содержатъ извѣстія о сочиненіяхъ и самихъ авторяхъ; такъ на пр: *Theophili Georgi allgem. Europäisches Bücherlexicon;* Leipzig 1742. IV. Th. in Fol. und II Supplement Bde.; — издающійся въ Лейпцигѣ Ф. Брокгаузенемъ *Conversations Lexicon*, котораго четвертымъ численіемъ по нынѣ вышло уже X томовъ отъ А до Т. и т. п.

О разныхъ библиографическихъ сочиненіяхъ, изданныхъ во Франціи, см. Журналъ Улей (В. Г. Анастасевича) 1811 г. Ч. I. въ статьѣ о Библиографіи вообще стр. 14 — 23. Также: Труды Казанскаго Общества Любителей отечественной Словесности. Ч. I. стр. 296 — 308.

Словесности Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Польской; — къ капиталомъ Рускихъ книгъ, иностраннымъ ученымъ вѣдомостямъ и другимъ подобнымъ шво-реніямъ.

Симъ кажется можно на сей разъ заключить обзорѣніе источниковъ для составленія Истории Россійской Словесности. Быть не можетъ однако, чтобы здѣсь всѣ они уже были исчислены, и я никакъ бы не рѣшился напечатать статью сію, еслибы не ободрило меня къ тому благосклонное участіе въ сочиненіи оной, принятое нѣкопорыми извѣстными Литераторами, въ числѣ коихъ преимущественно и съ опличною признапельностію упомянуъ я долженъ о Господахъ Статскомъ Совѣтникѣ Федорѣ Павловичѣ Аделунгѣ и Коллежскихъ Совѣтникахъ Лавреншіи Ивановичѣ Пансерѣ и Василии Григоріевичѣ Анастасевичѣ. — Желая однако по мѣрѣ возможности пополнить недоспашки сего произведенія, при дальнѣйшихъ моихъ занятіяхъ, я съ благодарностію воспользуюсь всѣми дополнительными свѣдѣніями, копорыя угодно будетъ кому либо сообщить мнѣ частнымъ образомъ, или публично чрезъ напечатаніе въ Рускихъ или иностранныхъ Журналахъ.

Главнымъ недоспашкомъ статьи сей можно бы почесть малое число приведенныхъ мною жизнеописаній ученыхъ мужей. Въ семъ одно-

шеніи однако подробнѣйшія свѣдѣніа почерпнуть можно изъ существующихъ уже Историческихъ Словарей о Россійскихъ писателяхъ; а нѣкоторыя біографіи припечатаны и при изданныхъ полныхъ твореніяхъ нашихъ авторовъ. Снабься можете, что я привелъ и такія сочиненія, которыя по опроному разсмотрѣнію не окажутся достойными названія источника для Истории нашей Словесности: однако, по новости сего предмета, мнѣ казалось, что лучше упомянуть о лишней книгѣ, нежели умолчать о такой, которая заслуживаетъ вниманіе. Не безызвѣстно мнѣ также сколь трудно довѣрять словамъ, а особливо ссылкамъ (цитатамъ) разныхъ писателей: по сему то я покуда только полагался на свидѣтельство другихъ, когда никакъ не могъ прибѣгнуть къ самому источнику.

Теперь остаеися только сказать о нѣкоторыхъ употребленныхъ мною выраженіяхъ. Слово *просвѣщеніе* принялъ я вмѣсто „*Cultur*“, хотя можете быть справедливѣе надлежало бы сказать *образованіе* или *образованность*, — выраженія, коихъ знаменованія однако понынѣ не совсѣмъ еще опредѣлены. — Что же касается до выраженія *Словесность*; по я долженъ сознаться, что скорѣе могу согласиться съ писателями, принимающими оное въ обширномъ смыслѣ, нежели съ пѣми, которые хо-

пясть назначить ему предѣлы самыя шѣсныя (*). Впрочемъ къ *Исторіи просвѣщенія* или народнаго образованія причислить должно: Исторію Словесности онаго, Исторію искусствъ, художествъ и ремеслъ (мануфактуръ и фабрикъ, открытій и изобрѣженій) и наконецъ Исторію народной промышленности. *Исторія же Словесности* опять можетъ бытъ раздѣлена на Исторію учености (или просвѣщенія въ шѣсномъ смыслѣ), на Исторію самыхъ ученыхъ, и Исторію разныхъ предметовъ, имѣющихъ особенное вліяніе на просвѣщеніе, какъ на примѣръ: книгопечатанія и книжной торговли, коихъ распространеніе много способствуетъ успѣвшему и нравственному образованію народа.

П. К.

(*) Слѣд. въ семъ отношеніи: *Труды Казанскаго Общества Любителей естественной Словесности* Кн. I. Казань 1815 г. Въ 8. стр. 296—308. и V часть *Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ*.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.

Приглашеніе Смоленскаго Гражданскаго Губернатора ().*

Извѣстно, что многіе Историческіе памятники древнихъ событій въ печеніе цѣлыхъ вѣковъ оставались въ мрачномъ и горестномъ забвеніи, и развѣ по однимъ случайнымъ открытіямъ извлекались изъ долговременной неизвѣстности, и наконецъ служили къ пользѣ и славѣ Отечества. Извѣстно и то, что въ наши счастливыя времена, озаренныя просвѣщеніемъ, уваженіе къ симъ сокровищамъ древности сдѣлалось почти всеобщимъ; за всѣмъ тѣмъ разныя препятствія все еще скрываютъ многія драгоценности отъ взора наблюдателя; ибо понынѣ продолжаемыя изслѣдованія, не остаются иногда безъ утѣшительнаго вознагра-

(*) У насъ до сего времени, кажется, не было сдѣлано подобнаго приглашенія, служащаго къ объясненію отечественныхъ событій. Надѣмся, что чинатели наши не только съ удовольствіемъ прочтутъ оное, но могутъ быть найдутся изъ нихъ и такіе, которые поспѣшатъ содѣйствовать въ столь полезномъ предпріятіи.

гражденія ; открытіемъ достопамятностей Историческихъ. Смоленская Губернія, въ Опе- чественныхъ быпописаніяхъ издревле знамени- тая по многимъ совершеннымъ въ предѣлахъ ея важнымъ событіямъ, заслуживаетъ съ сей спо- роны особенное вниманіе, а достигнуть жела- емаго всего ближе и удобнѣе посредствомъ Поч- теннѣйшаго Духовенства. Каждый изъ Священ- никовъ совершенно ознакомленъ съ своимъ при- ходомъ: онъ извѣстенъ всѣмъ обывателямъ, и знаетъ всѣхъ взаимно; почтенъ и пользуется уваженіемъ и довѣренностію ; вѣдаетъ всѣ мѣста, всѣ урочища своего прихода. Владѣль- цы земель сообщаютъ ему все то, что толь- ко имѣютъ у себя въ семь родѣ любопытнаго, особенно старожилы повѣдаютъ преданія древ- ности и предсказавъ краснорѣчивыя свидѣ- тельства — памятники въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существуютъ. Послѣднія (мѣста) даже сами собою возвѣспятъ о себѣ и повѣдутъ лю- бопытствующаго къ догадкамъ, изысканіямъ. На сей конецъ я приглашаю:

1. Развѣдать, нѣтъ ли гдѣ и у кого либо Историческихъ Рукописей, Грамотъ, Рескрип- товъ (подлинныхъ или въ копіяхъ), древнихъ записокъ книгъ, повѣствованій о событіяхъ церковныхъ, и гражданскихъ и п. п. Со всего, что найдется, доставить почные и вѣрнѣйшіе спи-

ски, а всего лучше прислать въ подлинникъ, съ условіемъ возвратить непродолжительно въ цѣлости или продать, за что я охотно и немедленно доставлю слѣдующія деньги.

2. Доселѣ находятъ любопытныя, прилагающіе къ изслѣдованіямъ камни подгробныя и другіе памятники земляныя и каменные, могилы и валы, доски, надписи, орудія воинскія и п. п.; все по, что достигнешь слуха и представится глазамъ, описать съ ближайшимъ вниманіемъ и прислать.

3. Мѣста, которыя любопытны, по преданіямъ и очевидности, груды камней и возвышеній; свидѣтельствующія существованіе какого либо строенія, на примѣръ: Города, Крѣпости, Монашья и проч., или какихъ либо достопримѣчательныхъ происшествій, сраженій и проч. осмопрѣшь и описать съ наилучшимъ вниманіемъ, замѣтивъ видъ, положеніе, пространство, примѣшы и присокупивъ свои замѣчанія и предпочтительно рассказы старожиловъ, какъ народныя преданія.

Примѣчаніе. Говорятъ, что въ одномъ мѣстѣ Бѣльскаго уѣзда есть известковья громады и что онѣя сущь приготовленная известь во времена Сигизмунда III. Короля Польскаго; будто имѣвшаго намѣреніе построить тамъ городъ. Въ Порѣчскомъ и въ другихъ уѣздахъ еств

остатки камней и насыпей, удостоверяющіе существованіе городовъ или крѣпостей и замковъ. Въ окрестности горада Бѣлаго и въ Смоленскомъ и Порѣчскомъ уѣздахъ, увѣряюшь, естъ бездонныя озера, въ коихъ находили всплывавшіе опломки кораблей, снастей, лодокъ. Въ Духовскомъ уѣздѣ, въ приходѣ села Пречистаго или Сошны, естъ въ лѣсу Ель, посаженная въ верхъ корнемъ руками ПЕТРА I. при слѣдованіи Его на бой съ Карломъ XII. съ произнесеніемъ сихъ словъ: *Если она прирастетъ, то кровавый воевода будетъ, подобно ей, низвергнутъ и пораженъ мечемъ Рускаго.* Говоряшь, что сію Ель и теперъ указываюшь. И первое и послѣднее достойно наиблизжайшаго обозрѣнія разспросовъ, изысканій и описаній.

4. Нѣкоторыя изъ Царей, особенно уже безсмертный и благодѣтельный Фениксъ, одушевитель нашъ ПЕТРЪ I., многихъ вознаграждали за разные подвиги добродѣтели, искусства и храбрости Грамотами, кубками и прочимъ. Сіи знаки воздаянія безмолвно хранящся въ разныхъ рукахъ. И то и другое, для увѣковѣченія имени признавательныхъ и заслужившихъ воздаяніе, должно бытъ доставлено въ подлинникъ съ вышесказанными условіями или, по меньшей мѣрѣ, въ описаніяхъ съ прибавленіемъ, ежели можно, описанія случаевъ, коихъ слѣдствіемъ было оказанное опличіе.

Прилѣчаніе. Извѣстно мнѣ, что у нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ владѣльцовъ есть старинныя свидѣтельства заслугъ фамилій ихъ. Весьма полезно и похвально и сіе предать свѣдѣнію публички и памяти попомства. Утверждаютъ, что кому-то изъ Духовныхъ Гражданъ дана попомственная привилегія отъ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I. варить пиво безъ пошлыны. Въ Дорогобужѣ и Вязмѣ нѣкоторымъ Гражданамъ пожалованы кубки при трапезахъ за отличное участіе въ коммерціи съ Архангельскомъ и ва другія полезныя дѣянія. Далѣе рассказываютъ, что на высотахъ Дорогобужской крѣпости были два искусственные фонтана (!!).

5. Въ нѣкоторыхъ городахъ, селахъ и пустошахъ есть Церкви и Монастыри, сооруженныя въ древнія времена: имъ надобно сдѣлать описанія, когда и кѣмъ воздвигнуты, по какому случаю, что имѣють у себя оплечительнаго и любопытнаго и въ какомъ шеперь положеніи. Не умолчать, ежели есть древніе, въ даръ принесенныя Сосуды, Креслы, Ризы, или что другое, а также Евангелія или иныя Священныя книги; въ числѣ оныхъ, рассказываютъ, есть писанныя въ давнопрошедшія времена. Первыхъ и послѣднихъ означить названія мѣсто и время печатанія или написанія. При семъ обратишь вниманіе не сохраняють ли при себѣ Церкви или Монастыри какихъ либо дав-

нобытныхъ, такъ сказать, Архивныхъ бумагъ и нѣтъ ли между ими чего либо интереснаго.

6. Въ достопамятный по бѣдствіямъ и славъ 1812 годъ, разныхъ сословіи обыватели Смоленской Губернии показали блистательныя примѣры могущества, преданности къ вѣрѣ, наслѣдованной отъ отцовъ, любви къ Отечеству, и Государю, — оправдали непоколебимость духа, смрашнаго врагамъ и достойнаго имени Рускаго; благоразуміе и твердость издревле отличавшія дѣшею Сѣвера. Но весьма многіе подвиги вѣры, чести и славы извѣстны только между содѣлавшими оныя и участвовавшими въ нихъ. Время нашествія новыхъ Вандаловъ было единственныя примѣрнымъ въ исторіи временемъ — и потому всякая почему-либо отличная черта событія должна быть свято сохранена для преданія потомству, которое едва будетъ вѣрить испытанному нами и которое не перестанетъ удивляться величію духа Рускихъ, храбрости воителей и мудрости Богомъ благословеннаго АЛЕКСАНДРА I. Всѣ, какіе гдѣ содѣланы подвиги вѣры, мужества, неуспрашимости, силы, добродѣтели, ума, пожертвованій, вѣрности, любви или привязанности и прочее, все описать обстоятельно, безъ всякаго прибавленія — вѣрно, по внушенію чести и совѣсти; означить каждаго Гражданина, чѣмъ либо отличившагося, званіе, имя, отчество, фами-

лію, разумѣя обоюга пола людей и мѣсто со-
бытія. Нѣкоторые изъ начальствующихъ Мо-
настырями и изъ священно и церковно-служи-
телей ознаменовали себя подвигами должності
и добродѣтели: я всѣхъ таковыхъ покорнѣйше
прошу съ полною довѣренностію, свойственною
душамъ правдолюбивымъ описатьъ что и самими
содѣлано. Не забудь съ одинакою вѣрностію и
почтенностію собрать и начертать поскупки не-
пріятелей, опличительные по варварству, же-
сткости, грабительству и разбою; а ежели
есть и по добродѣтелямъ.

7-е. Ежели кто составишь одинъ разъ воз-
можныя описанія и отправишь ихъ, а затѣмъ
узнаешь, найдешь или вспомнишь что нибудь
новое, шо, не ограничаваясь разъ исполненнымъ,
доставляешь во всякое послѣдующее время въ
дополненіе предшествовавшему.

Предпринимая сіе общеплезное и во многихъ
опіношеніяхъ должное съ моею стороны при-
глашеніе; я оспаясь въ полной увѣренності,
что Благородное Дворянство и другихъ сосло-
вій особы не откажутся содѣйствовать возмож-
нымъ опіи нихъ, и что почтенное Духовен-
ство исполнишь оное съ приличнымъ доброход-
ствомъ и усердіемъ, какъ таковое дѣло, которое
поручается съ уваженіемъ къ его священному
сану и которое, по мѣрѣ важности дѣйствія
или выполненія, не османишься безъ доспойна-

го вниманія и свѣдѣнія Вышняго Начальства;
къ чему шолико благорасположень Его Преосвя-
щенству Архіерей Смоленскій и Дорогобужскій.
Февраля 1819. Смоленскъ.

*Смоленскій Гражданскій Губернаторъ
Баронъ Лшъ.*

2.

Общество лишилось на сихъ дняхъ ревност-
нѣйшаго Дѣйствиельнаго Члена своего, Над-
ворнаго Совѣтника и Кавалера Якова Василь-
евича Орлова, Профессора Всеобщей и Цер-
ковной Исторіи, скончавшагося отъ внезап-
ной болѣзни, которая продолжалась не болѣе
двухъ дней. Онъ отличался обширными свѣде-
ніями, приобретенными въ печеніе не-долговре-
менной жизни; а кропкимъ, истинно - Хри-
стіанскимъ правомъ заслужилъ любовь и ува-
женіе отъ всѣхъ знавшихъ его. Чтобы воз-
дать должную памянь споль достойному со-
члену, общество назначило особенное обраніе.
О заслугахъ его въ Словесности Общество не
применеть извѣстияхъ своихъ чинашелей.

П Р О З А.

О В К У С Ъ

И ЕГО ВЛІЯНІИ НА СЛОВЕСНОСТЬ И ПРАВЫ.

(Отрывокъ.)

Науки и искусства полезны; это аксіома даже для Исламишова, шакиха, какъ Гарунъ-аль-Рашидъ и его пошомки. Однако извѣстно, что съ глубокой древности до нашихъ вѣковъ, по временамъ возставали противу нихъ иногда открытыя гоненія, иногда крики Софисова, хотя послѣдніе, не выключая и Жан-Жака, вишійствовали противу наукъ не столько для истины, какъ для личной славы, сражая общія, вѣковыя

живнія: они доказывали, что науки развращают нравы и унижают духъ народа. Подобныя явленія всегда и вездѣ доказываютъ одно, что человекъ всѣхъ временъ есть пошль же древній Прометей, упопребившій во зло благошворнѣйшій изъ даровъ неба. Свѣшильникъ вѣденія въ рукахъ человека будетъ всегда, или свѣшочью изпребленія, или пламенникомъ жизни.

Еще древность уподобила науки древу добра и зла, древу жизни и смерти; а мы порицашелей ихъ уподобимъ людямъ, кошорые, видя пламень, пожирающій города, порицаютъ и благошворный огонь. Нѣтъ ужаснѣйшаго яда, кошорый бы не былъ полезенъ, и нѣтъ прекраснѣйшаго плода, кошорый бы не могъ быть гибеленъ человеку. *Умѣй пользоваться: вошь законъ вѣчной мудрости.*

Творенія искусствъ, кошорыя глубокими своими впечатлѣніями пробуждаютъ всѣ способности души, безъ сомнѣнія должны имѣть сильное вліяніе на нравы; и если въборъ, красота и изящность швореній зависятъ сколько отъ дара, столько и отъ вкуса; то вліяніе послѣдняго, какъ ближай-

шаго сродника дарованія, несравненно важнѣе, нежели какъ нѣкошорые думаютъ. Въ вѣкъ просвѣщенія, можешь быть, не повѣряя, до какой степени чистота вкуса зависитъ отъ нравовъ и нравы отъ чистоты вкуса, и именно въ вѣкъ просвѣщенія, когда для юной неопытности сполько соблазновъ, сполько средствъ ослѣпиться мнѣніями ложными, обмануться сужденіями кривыми и разумъ ввести въ заблужденіе; а какъ разумъ беспрестанно дѣйствуетъ на сердце, по чрезвычайно прудно, чшобы пуши сердца были прями, когда пуши ума кривы.

Такія истины обращаютъ мысли мои на предметъ сей; и когда я не обниму его во всемъ пространствѣ, то можешь быть на важность его привлеку взоры другихъ.

Едва ли въ какомъ вѣкѣ было и сполько спранныхъ нападеній и сполько незаконныхъ припязаній на вкусъ, какъ въ наше время. Это безъ сомнѣнія отъ превращенности понятій, какую словамъ даетъ злоупотребленіе. Какихъ чудовищныхъ мыслей, какихъ кровавыхъ мечпаній полишники нашихъ временъ не привязывали къ словамъ *равенство, свобода, теловѣколюбіе!* Въ обла-

сти искусствъ слова: *Геній и вкусъ* подверглись тойже превратности значенія; и не смотря на краснорѣчивое Лагарпово защищеніе правъ Генія и вкуса, оскорбишели здраваго смысла увѣнчаны опть жаркихъ друзей именами Геніевъ, а шолпы ремесленниковъ въ званіи аршисповъ причислили себя къ служишелямъ божества, кошорое ихъ и кошораго они не вѣдають. Въ слѣдшвіе сего новаго порядка вещей и модиспки Пале-Рояля объявляють себя привилегированными разпространительницами вкуса.

Воопть почему, говоря о немъ, какъ о принадлежности дарованій писателя или художника; нужно въ самомъ началѣ отдѣлить всѣ поштороннія понятія, его зашешняющія, и не смѣшивашъ со вкусомъ времени и моды. Послѣдній ешть причуды воображенія и шакъ же прихощень и перемѣнчивъ, какъ и своенравная дочь воображенія — мода. Досшоинство послѣдняго не ешть свидѣтельство вкуса, о кошоромъ здѣсь говорштся; они не современны и не имѣють ни малѣйшаго взаимнаго вліянія, ибо начала ихъ со всѣмъ различны. Во Франціи, когда вкусъ моды искажалъ все, что

было подъ его владычествомъ въ вѣкъ Людовика XIV, когда запыливые вымыслы его безобразили головы, уборы и всѣ предметы искусственныхъ украшеній, въ одно и тоже время просподушный Геній вкуса водилъ рукою Лафоншена, Фенелона, Рассина. И напрошивъ, когда мода преобразовала всю область ея владычества, когда вкусъ времени всѣ уборы и издѣлія роскоши украсилъ благородною проспошою древности, въ это время во Франціи вкусъ въ липперашурѣ примѣрно унижался.

Есть также частный вкусъ народный, зависящій отъ характера, духа законовъ и другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ; онъ разнообразенъ, какъ племена человѣческія; но чувствованіе души нѣжной и образованной; но изящной вкусъ, какъ самая изящность—одинъ, общій, неизмѣнный. —

На сей-то вкусъ, отъ смѣщенія понятій, одни такъ нагло посягають, а другіе такъ спранны ополчуются: первые думаютъ, что въ блистательныхъ задахъ обществъ, узнавъ приличія свѣта, они посвящаются и въ шайнства вкуса; послѣдніе, не находя у старинныхъ писателей слова *кисб*, по-

чищаютъ его вымысломъ писателей, какъ говорятъ они, модныхъ и опвергая его, какъ расколь, не вѣрять существованію. И если правда, что о вкусѣ не должно спорить, шакъ это съ людьми послѣдняго рода; они на предѣлахъ собственнаго понятія спавяютъ столпы Геркулесовы уму человѣческому.

Такимъ образомъ вкусъ, въ отношеніи къ нашему времени, есть качество души, динимыхъ обладателей составляющее гордость, людьми полуобразованными почищаемое ничемъ, качествомъ, копорымъ многіе хваляща, но рѣдкіе имѣютъ, о копоромъ всѣ говорятъ, но не многіе знаютъ и копорое въ самомъ дѣлѣ чѣмъ болѣе изьясняемо, шѣмъ менѣе изьяснимо.

Не спанемъ же и мы слишкомъ изьяснятъ его, чшобъ не сказатъ слишкомъ много и для людей знающихъ и для шѣхъ, копорые не хотятъ знать ничего. О вкусѣ писали многіе знаменитые липператоры. Любищели глубокихъ изслѣдованій найдутъ у нихъ пространныя шеоріи. Мы коснемся началъ, дѣйствій и предметовъ его упражненій не болѣе, пока увидимъ, откуда происходитъ имя и свойство

вкуса и какое онъ имѣеть вліяніе на словесность и нравы народа.

У писателей древности безъ сомнѣнія не должно искашь теоріи вкуса. Въ то время, когда являлись первыя произведенія шворческихъ умовъ, люди наслаждались ихъ впечатлѣніями со всѣми силами юной жизни; но предаваясь живости чувствъ, они не разсмащривали началъ ихъ, не изыскивали причинъ наслажденія. Юноша не осматривается въ задумчивости надъ цвѣткомъ, подобно мужу изпыщапелю; онъ спѣшитъ сорвать его, чщобъ насладиться благовоіемъ. Очарованный цвѣтами жизни, первыхъ вѣковъ человекъ не низводилъ мысленнаго взора во глубину души; но когда искусство умножились, когда слово человека доставило безчисленные роды наслажденій уму и сердцу, ещественнымъ образомъ начались сравненія, онѣ первыя пробудили дѣятельность мысли, дали ей способъ увидѣть различныя дѣйствія швореній, одиѣ, сильнѣйшія другихъ, заставлявшія одно швореніе предпочипашъ другому; шакъ мало помалу возбуждено упражненіе ума и откры-

шы тайные пущи Генія къ сердцу. Такимъ образомъ челоуѣкъ въ собсшвенныхъ наслажденіяхъ началъ изучашь свою душу и въ послѣдспвіи времени, опредѣляя свойспва ея, опредѣлилъ и шо живое чувспво, силою кошораго мы внезапно влечемся къ прекрасному и ошвращаемся ошъ непріятнаго.

Подъ такимъ поняшіемъ эшо свойспво души было опредѣляемо и древними филологами. Греческое *πρεπον* (*) сіе *чувство приличія* „безъ кошораго швореніе, какими „бы красошами ни изобиловало, не будешь „совершенно“; Римская *Urbanitas* (**), сія *свѣжливость*, „въ кошорой ничего несогласнаго, ничего грубаго, ничего нестройнаго, ни въ чувспвѣ, ни въ словѣ *уловить* „не возможно“ ешть шо самое чувспво души нѣжныхъ и образованныхъ, кошорое новѣйшіе кришики, болѣе и болѣе наблюдая и видя въ немъ шакую же быспрошу и живоспъ, какими одаренъ органъ физическій, въ переносномъ смыслѣ назвали *вкусоливъ*.

Это мнѣ нравится. Но по чему? *потому, что нравится.* — Вошъ первоначальныя

(*) *Dionys Hal. περὶ δεινότητος* Cap. 20.

(**) *Quintilian. de institut. Or. Cap. XI.*

рѣшенія вкуса, эшо голосъ внушренняго чув-
сшва, копорого начало сущесшвуетъ въ
сердцѣ каждаго; но дѣйсшвуетъ въ пош
единшвенно мѣрѣ, въ какой находишся чув-
сшвишельность. Когда оно неразкрышо, чув-
сшво вкуса шупо, чшо видимъ въ народѣ;
когда слабо или дурно направленіе, оно или
грубо или ложно, чшо видимъ въ людяхъ,
дурно образованныхъ; но какъ чувсшвишель-
ность никогда не бываетъ совсѣмъ мерш-
вою, вкусъ никогда не бываетъ совершен-
но ничемъ: ешъ всегда какой нибудь, или
хорошій или дурный: *у всякаго свой вкусъ.*
У самаго прошолодима ешъ сіе внушрен-
нѣе чувсшво, необразованное, — оно чер-
сшво, чшобъ поколебать его впечатлѣні-
ями искусшвъ, нужны удары, копорые бы-
до глубины его поражали. Эшо шѣ камни,
копорые двигала лира Орфея. Кшо не ви-
дѣлъ и у насъ, въ теашрахъ или при дѣй-
сшвіи, высокихъ красотъ Орашоровъ, ко-
гда шолпа, внезапно пораженная, вся напол-
няется однимъ чувсшвомъ: душа поражена
въ самой глубинѣ ея. Такимъ образомъ когда
Архіепископъ Августинъ, по изгнаніи враговъ
изъ Москвы, въ первый разъ вступилъ въ

Соборъ Успенскій, и спавъ предъ Олшаремъ, неожиданно воскликнулъ: *Да воскреснетъ Божъ и разтогнутся врази его!* Весь народъ залился слезами. Высокое какъ молнія ударяешь по сердцамъ.

И шакъ вкусъ ешь живое, быстрое и вѣрное чувствво всего, что испинно и прекрасно въ цвореніи искусства; слѣдователь-но вкусъ, могушь заключишь по эшому опредѣленію, какъ внушренне чувствво, принадлежишь всѣмъ въ равной степени? — Онъ шакъ же не можешь бышь равномерень, какъ и самая чувстввишельность. Ешь люди, у кошорыхъ при видѣ несчастія, посшигшаго чловѣка, біеніе сердца не усиливается. Такое сердце едва ли способно приняшь участіе въ шрагическомъ положеніи Эдипа, а шѣмъ болѣе почувстввовашъ приашиность оборона или красосу выраженія поэпического. Вкусъ, какъ и чувстввишельность, обнаруживаешься не въ одинакой мѣрѣ не шолько у людей, но у цѣлыхъ народовъ. Дѣйствія поэіи и краснорѣчія надъ сердцами Афинянь, мы, сыны другаго неба, шакъ мало посшигаемъ, что приняли бы шкъ за поэпическіе вымыслы, еслибъ не

подтверждали ихъ безчисленные свидѣтельства. Сколько различно дѣйствуетъ климатъ на ускореніе сердца, а образъ жизни, нравы и религія на его образованіе, сколько примѣтная разность оказывается у народовъ въ чувствительности сердца къ твореніямъ вкуса.

Когда чувствительность уже раскрыта, извѣстно, что все на нее впечатлѣнія искусства, исключая производимыя музыкою, все ея движенія, рождающіяся въ насъ не прежде, какъ въ слѣдъ за мыслями или понятіемъ. Слѣдовательно опредѣленіе будущаго, когда скажемъ, что вкусъ есть движеніе чувствительности, объясняемой понятіемъ. Безъ помощи понятія сердце самаго себя уразумѣть не можетъ, а особенно когда впечатлѣнія сложны и разнородны. Чтобы чувствовать, на примѣръ, достоинство трагедіи, а шѣмъ болѣе поэмы, должно вдругъ обнять все пространство заданія, сообразить правдоподобіе вымысла, равновѣсіе частей, приличіе красокъ съ предметомъ и проч., и проч., должно сердцу принять вдругъ такую шоллу впечатлѣній, которую одна необыкновенная сила разсудка въ

состояніи привести въ порядокъ, объяснишь ихъ и, шакъ скажешь, вразумишь сердце. Такиимъ образомъ счастливое сочешаніе нѣжной чувствительности и быстраго понятія сошавляетъ живость и вѣрность вкуса. Взаимное соединеніе сихъ двухъ способностей шакъ необходимо къ его сошавленію, что опдѣльное ихъ дѣйствіе всегда будетъ ничтожно для сужденія объ искусстввахъ. Машемашикъ, кошорый во время предшавленія Рашиновой Федры хладнокравно спрашивалъ, *что этиль доказывается?* доказалъ ясно, что понятіе безъ чувствительности не производитъ вкуса.

Нельзя однако сказать, что въ сужденіяхъ вкуса движенія его были послѣдствія размышленія; онъ чувствуетъ быстро и живо, или одобряетъ, или опвергаетъ, дѣйствуетъ не по соображенію, не по изслѣдованію, но по внушенію, по одному внушенному голосу, предъ кошорымъ часшо умолкаетъ самый разумокъ. Часшо въ швореніи искусства шо, чего не можешь рѣшишь понятіе разсудка, рѣшаешь понятіе чувства. Предѣль, на кошоромъ ошпановливается сужденіе ума, есть предѣль, гдѣ начинается

сужденіе вкуса. Разумъ опкроетъ соразмѣрности Венеры Медиційской, но чувство постигнетъ прелестъ ея формъ и положенія. — Чувство человѣка есть первоначальное дѣйствіе души; разумъ предназначенъ, чтобы только изъяснять шайншвенный языкъ его. Вкусъ есть верховный судія во всемъ, что предспавляешся душѣ, и воптъ по чему для вкуса нѣтъ правилъ: разумъ покоряешся, но сердце не имѣетъ повелишелей.

Область вкуса безпредѣльна, какъ область разума. Человѣкъ подобно Природѣ, украшающей шворенія свои, украшаешъ свои произведенія. Всѣ искусства и художества суть дѣши ума и воображенія; онѣ дружески сплетаются рука съ рукою, подобно сеспрамъ Граціямъ. Ваяніе и Поэзія, Живопись и Музыка суть только разные нарѣчія одного и шогоже языка; во всѣхъ сердце говоритъ сердцу языкомъ чувства. Оно дышетъ въ мраморѣ Кановы и на холстѣ Рафаела; оно говоритъ подъ смычкомъ Дица и подъ перомъ Жуковскаго. Такимъ образомъ вліяніе вкуса просшираешся на всѣ искусства и художества. Но что власпъ его просшираніе въ искусство словесное, въ эщомъ нѣтъ со-

ищѣнія. Слова челоуѣка преимущественнѣе всѣхъ его орудій. Сей живой органъ души въ область своего дѣйствія одинъ похищаетъ волшебства почти всѣхъ искусствъ: образы ваянія, краски живописи, самую гармонию музыки; онъ вдругъ дѣйствуетъ на всѣ способности и всегда чрезъ одно орудіе слуха, орудіе, которое такъ нѣжно, спорого и прихотливо, что иногда самой разумъ принужденъ приносить ему легкія жертвы. Въ твореніяхъ слова впечатлѣнія до безконечности разнообразны и безчисленны. Вотъ почему дѣятельность вкуса несравненно обширнѣе въ искусствѣ словесномъ.

Вкусъ какъ ни простъ и однообразенъ въ началахъ своихъ; но съ чудесною вѣрностію приспособляется ко всѣмъ родамъ твореній. Онъ одинъ и пошлѣе для поэмы и саширы, для стиховъ и прозы; предметъ возвышенный или народный — вкусъ не измѣняетъ своихъ правилъ, вездѣ сохраняетъ свою чистоту и приличіе. Нельзя сказать, чтобъ Богдановичъ и Дмитриевъ, Карамзинъ, Муравьевъ, Крыловъ и Хемницеръ писали однимъ слогомъ; но не смотря на свойства, ихъ оплѣчающія, они всѣ, иногда, имѣютъ нѣ-

что общее, чего, кажется определить невозможно. Это прекрасный выбор, совершенное приличие словъ и выражений; это общій вкусъ палацша зрѣлаго. Такъ всѣ плоды, не смотря на безконечно-разнообразныя свойства ихъ, сходны между собою прищипносцію вкуса.

Н. Гнѣдизь.

О СТРАСТИ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

Охоша къ Стихотворству нынѣ споль обыкновенна, что превратилась въ спрасиль почти всеобщую. Правила просшаго стихосложенія шакъ легки и крашки, что нынѣ почти ни одного молодаго челоуѣка въ сполницѣ, кошорый бы ошъ лѣни ни захошѣлъ заняшья симъ упражненіемъ и кошораго чесподлюбіе не увлекало бы къ приобрьпенію въ корошкое время великихъ Парнасскихъ почестей. — Теашрь и женщины производяшъ болѣ Поэшовъ, нежели самыя Музы; но какъ ни теашрь, ни прекрасный полъ не въ соспоянніи произвесшъ Генія, шо истинные поэшы, передающіе имена свои пошомспву, сушь шѣ, кошорымъ была—Природа насшавникомъ и образцомъ.

Кришика никогда еще не была споль разпросшранена, какъ нынѣ. Въ нашемъ вѣкѣ

весьма обыкновенно видѣшь дѣшей разсуждающихъ, и разсуждающихъ не глупо. Почтеніе воздаенся нынѣ юношесству, между шѣмъ какъ прежде принадлежало оно людямъ совершеннаго возраста. Можетъ быть это погрѣшность, но надобно признаться, что она часто бываетъ погрѣшностію счастливою. Мы начинаемъ разсуждать нѣсколькими годами ранѣ нашихъ предковъ. Скоро всступая въ свѣтъ — нынѣ ничему не удивляемся. Благородная смѣлость, приобретаемая нами посредствомъ опыта и упражненія, рождаетъ въ насъ новыя мысли, помогая развитію прежнихъ. Робость, бывшая прежде удѣломъ нашимъ лѣтъ до 25, препятствовала безсомнѣнію усилію разума и шой игрѣ воображенія, кошорая заставляла изобрѣщать, а чрезъ шо и нравился.

Признаемся по крайней мѣрѣ, что рано дозволенная намъ свобода мысли и говоришь смѣло, можетъ легко способствовать умноженію хорошихъ кришниковъ; но она также должна распространить до чрезвычайности и обильный списокъ дурныхъ спихотворцевъ. Всѣ молодые люди съ пылкимъ

воображеніемъ, слышатъ внутри собственнаго сердца нѣкій обольстительный голосъ:
 „Вы имѣете довольно смѣлости изыски-
 „вашь ошибки въ великомъ Ломоносовѣ, и
 „довольно вкуса находить ихъ и вѣсна-
 „влять на показъ свѣту. — Пріятности,
 „согласіе и очаровательная прелести сти-
 „ховъ Дмишріева, не препятствуютъ замѣ-
 „нить небольшое число выраженій сла-
 „быхъ и прозаическихъ, котораго отъ него,
 „какъ сказать, ускользнули. Вы разсмапри-
 „ваете съ великою разборчивостію самыхъ
 „судей изящнаго вкуса, и не смѣете вслу-
 „шить на поприще, котораго всѣ дѣшны и
 „всѣ шернія вамъ извѣсны?“ Такое вну-
 „треннее сужденіе самолюбія ихъ возбужда-
 „етъ, очаровываетъ, и ежели по случаю у-
 „слышатъ они Карамзина или Дмишріева, чи-
 „тающихъ стихи свои, ежели по счастію стои-
 „ко замѣнятъ они ихъ различныя прелести,
 „и слышатъ вознишащя слою и красною,
 „въ шворетіяхъ ихъ разсыпанными; то вдругъ
 „общарныя предпріяшя наподняють ихъ го-
 „ловы. Парнасъ представляется имъ во
 „всемъ величїи своемъ, и они видятъ прѣкис-
 „лавы его и безсмершый изпочникъ. —

Въ шопъ же самый день испытываютъ способность свою въ сочиненіи небольшого Мадригала, и опть усилія къ усилю, чрезъ три недѣли изгѣшвляютъ двенадцать прагическихъ явленій. Одинъ взглядъ молодой дѣвицы, брошенный невзначай или съ намѣреніемъ на сихъ новичковъ Парнасса, достапочень успремилъ ихъ на шо поприще, на которое Природа никогда бы ихъ не назначила. Одинъ взглядъ сей превращаетъ мгновенно безпорядокъ чувствъ ихъ въ сильный энтузіазмъ. Аполлонъ и любовь дѣлающіяся для нихъ одинаковыми Божеспвами. Уже я вижу ихъ заблудшимися по собспвенной волѣ, приспраснившимися по заказу и водружающими смѣло хоругвь Перида; ибо для сихъ Донкишотовъ, Поэзія и любовь одно и шоже. Я не думаю, чтобы Ламангскій рыцарь былъ влюбленъ и могъ сдѣлаться шаковымъ когда либо. Пресполь спраспей находилса въ головѣ его, но не въ сердць: Увы, сколько людей по его примѣру, избравъ навсегда совершенно несвойственный имъ образъ жизни, посредствомъ умшвованій ушвердаясь въ безразсудномъ предпріяшн, добивались шщешно всшупишь въ храмъ

*

славы! Сколько сочинителей безъ руководителя — разума — углублялись въ священную долину (между двумя вершинами Парнасса), поспились въ ней долгое время и бодрствовали за перомъ, сочиняя безвкусныя Элегии своимъ Дульцинеямъ и заспавляя въ спихахъ своихъ сладко журчашь, порхашь Зефировъ, въздыхашь Филомелу, скучашь любовь, засыпашь разсудокъ; иногда разрушашь порядокъ Природы, принимаешь подобно Паладину обыкновенныя въпренныя мълницы за ужасныхъ гиганшовъ и дѣлалась блуждающими рыцарями Парнасса! Чшо же извлекутъ они изъ столь великихъ трудностей? Презрѣнїе, насмѣшки, а иногда и самое оскорбленїе. — Не должно вѣришь, чшо бы испинному Поэту сродно было сумасбродство. Есть люди, копорые воображають, чшо Поэшь есть образъ неисповаго Корибанша или разспрепанной Пифїи; чшо разсѣянность беспресшанно за нимъ слѣдуешь, и чшо умъ его, увлекаемый воображенїемъ, не имѣешь ни закона, ни посшоянной птвердости. Въ самомъ дѣлѣ, когда бы о нѣкопрыхъ господахъ спихопворцахъ судили по многимъ ихъ одамъ, въ коихъ едва

ли можно признашь существованіе разума; шо безсомнѣнія почли бы ихъ весьма сумазбродными: ибо что значашь по истинѣ наши оды? Сочинитель совершенно не вѣдаешь, гдѣ онъ, что онъ видишь, что дѣлаешь и что слышишь? Кажется, что сила восшорга опъяла у него всѣ чувства, и что онъ уже при концѣ издыханія: одни шолько судорожныя движенія означаютъ присушствіе жизни. Многіе дѣлающа Поэтами—живописцами, не будучи къ шому назначены, и не имѣя ни дарованія, ни правилъ. Лирическія каршины ихъ загрожены украшеніями излишними. Всѣ чершы въ нихъ превышаютъ мѣру; а выраженія шо слабы, шо исполински. Однимъ словомъ, исключая нѣкошорыхъ произведенія въ семь родѣ, кошорыхъ вѣчно жишь будупъ въ пошомствѣ, нельзя сдѣлашь инаго справедливѣйшаго. опредѣленія объ нашихъ героическихъ одахъ, писанныхъ по заказу на разные случаи, какъ сравняшь ихъ съ чудовищными зданіями, въ кошорыхъ всѣ роды архитектуры смѣшаны безъ всякаго опличія, и коихъ богатштво и опдѣлка доказываетъ не плодо-

вишность и искусство, но его злоупотребление и бесполезность усилий.

„Дайте мнѣ, горящія облака, порывистыя
 „вѣтры, кошорые на возмущенныхъ кры-
 „лахъ несутъ въ воздухѣ бури: пусть мер-
 „швая шишина заснуишь мѣсто грома;
 „возколебавшаяся земля безмолштуешъ;
 „бѣгущая волна оцепнѣетъ; пусть ударъ
 „грома разсѣчетъ сію громаду облаковъ, ви-
 „сящихъ въ высотѣ небесной: по сему гре-
 „мящему знаку, по сему гласу, мѣръ возбла-
 „годаришь своего Властителя; а Всевыш-
 „ній, умилоштивденный покорностію нашею,
 „воззоветъ Зефировъ, возжетъ солнце, и
 „влажныя горы, окружавшія прешоль его,
 „превращающя въ росу, проліютъ въ нѣдра
 „земли жизнь, прохладу и изобиліе.“ —

Вопшь ода, ежели она когда либо была
 шаковою, и ежели мнѣ слѣдовало непремѣн-
 но употребить всѣ слѣхи и не опустить изъ
 вида ничего шакаго въ природѣ, что бы спо-
 собствовало богатству моихъ описаній. Сколь-
 ко пущыхъ украшеній и сколь пышность сія
 бесполезна! Многіе восхищающя однако же
 подобными выраженіями: ибо удивленіе, ко-
 шораго причиною пышныя изображенія и

неожиданныя дѣйствія поражаетъ душу шѣмъ, чего не поспигъ еще разумъ.

Великіе поэты подобны Природѣ: она не подражаема въ своихъ дѣлахъ и произведеніяхъ; но оппюдь несмысленна, неспиранна. Ничто не причиняетъ столько оскорбленія истиннымъ чадамъ Аполлона, какъ несчастіе имѣть не доспойныхъ сподвижниковъ. Поиспинъ, прекрасный полъ долженъ осперегаться хвалишь сочиненные въ честь ему дурные стихи и не принимаешь ни Акроспиховъ, ни Мадригаловъ; женщины обязаны оспановишь шакаго Авшора, кошорый во всю жизнь свою не писалъ бы ничего, или писалъ единешвенно въ прозѣ; но кошорый, желая приобрѣсть одобреніе за Сонетъ, сочиненный *не готовясь*, или за Сшансы, написанные въ довольно долгое время, — принимаешь за стихи всѣхъ родовъ, не смощря, что къ шому не имѣешь ни малѣйшаго дарованія, ни познаній. Впрочемъ, ничто не можешь бышь шакаъ бесполезно, какъ чрезвычайная спрасъ къ рифмошворенію: несчастныя чада Фѣба дѣлаются чрезъ шо даже неспособными къ другому какому либо роду Словесности. Занятіе сіе по всей

справедливости должно принадлежать пѣмъ, копорые въ немъ успѣвають; но вы, коихъ произведенія публика читаетъ единственно изъ челоуколюбія — уже ли заключите непоколебимо и постоянно всѣ обязанности ваши въ необходимость беспрепятственно скучать своимъ соотечественникамъ. Уже ли желаете вы быть всегда причиною того, что безцѣнное искусство, какова Поэзія, вмѣсто уваженія приобретаетъ презрѣніе васъ постигшее? Похвальное искусство! — Скажутъ многіе, безцѣнное искусство! — Какъ! Поэзія, эпа машеръ саширы, уже ли займетъ почетное мѣсто въ публикѣ? Не для того, чтобы болѣе укоренить, распространить и усилить лести, коварство и злобу? Для того, чтобы обезславить достоинство, прелести и красоту, прошивъ коихъ она часто восплакала? Для того наконецъ, чтобы подъявъ мятежное чело прошивъ вѣры и закона? — Что опивѣчатъ на сіи восклицанія, какъ не то, что порочныя спраши существуютъ въ прозѣ также, какъ и въ стихахъ и дѣянїяхъ нашихъ, — и что шалантъ, стремясь принести пользу или вредъ, слѣдуетъ все-

гда влеченію души, которая есть его испочникъ? Такимъ образомъ Поэзія — сіе искусство живописанъ для разума и заспавляе чувствоватъ сердце все то, что Природа и кисть представляюпъ для очей плъесныхъ, дълаешя фурією въ клеветникъ, пламенникомъ въ неисповомъ, ядомъ въ злонамъренномъ саширикъ; но не менъе она есть похвала добродътели, награда свободныхъ искусствъ, украшеніе вѣка, слава Государства, забава частнаго челоука и прелестъ Общества. — Счастливы существа, получившія палантъ, который всюду за ними слъдуетъ, который въ уединеніи и тишинѣ представлаетъ взорамъ ихъ все похищенное опсуспвиемъ, и который сообщаетъ жизнь и краски всему, что есть въ природѣ: искусство, непоспижимое для людей обыкновенныхъ.

А. Н.

УДОВОЛЬСТВІЯ. (*)

Каждый возрастъ имѣешь естественныя и свойственныя ему удовольствія. Вы можете по вкусу вашему предпочесть одинъ передъ другими, не выступая однако изъ границъ, предписанныхъ благоприсойностию, прилично вашему полу.

Есть удовольствія, служація къ сохраненію здоровья, какъ наприкладъ: шѣлесныя упражненія различнаго рода; другія доставляющъ пользу, какъ то: женскія рукодѣлія и хозяйство; нѣкоторыя имѣющъ цѣлю

(*) Изъ завѣщанія умирающаго отца дочерямъ его, соч. Григори, Доктора Медицины въ Единбургѣ, который, руководствуясь древними и новыми нравоучителями, изложилъ легко и пріятно замѣчанія о поступкахъ и обязанностяхъ нѣжнаго пола съ самаго вступленія на поприще шумнаго свѣта. *Прим. Перев.*

прияшность, сюда принадлежащъ наряды, панцы, музыка и рисованіе; иныя же не относящя ни къ полезному, ни къ прияшному, шаковы бывающъ разнообразныя роды игръ; наконецъ выше всѣхъ просыхъ забавъ, должно бытъ поставлено чшеніе, которое образовываетъ разумъ, распространяетъ свѣдѣнія и совершенствуетъ вкусъ.

Особенно совѣтую вамъ, чаще бытъ на воздухѣ, прогуливаться и ѣздить верхомъ. Таковыя упражненія весьма укрѣпляютъ шѣло и доставляютъ хорошій цвѣтъ лицу. Если вы привыкнете ѣздить всегда въ каретѣ или коляскѣ, то разслабитесь до такой степени, что совсѣмъ не будете въ состояніи ходить пѣшкомъ. Удобности сіи, введенныя роскошью, подобно многимъ другимъ, прияшны тогда только, когда употребляющя умеренно; но ничего незначущи и вредны, когда обращающя въ привычку.

Мы обязаны пещись о своемъ здоровьи, какъ для себя, такъ и для друзей нашихъ. Худое здоровье рѣдко не имѣетъ несноснаго вліянія на нравы. Часто женщины съ большимъ умомъ, будучи слабого и нѣжнаго

сложенія, нимало не берегущь себя, предаваясь чрезмѣрно ученію и опшвергая сонъ; это вредишь здоровью и красощь.

Но если Природа наградила васъ прекраснѣйшимъ здоровьемъ; шо не хвалищесь имъ, а наслаждайщесь въ молчаніи. Мы шакъ привыкли соединяшь нѣжность и чувствительность женщинъ съ слабощію ихъ сложенія, что если женщина говоришь о крѣпощи ея, большомъ позывѣ къ пищѣ и силѣ при перенесеніи великихъ шрудовъ; шо подаешъ намъ поводъ удалятьсь опъ ней; сіе даже при маломъ вниманіи весьма замѣшно. —

Васъ учашь различнымъ женскимъ рукодѣліямъ не для шого, чтообы вы непременно все сами работали, но чтообы лучше могли судишь о совершенствѣ работъ, знали бы имъ цѣну и умѣли показашъ, какъ должно дѣлашь. Сіи упражненія шакже послужашъ вамъ средствами провести довольно приятно нѣсколько часовъ уединенія, на кошорое вы осуждены, будучи обязаны необходимо ошавашься дома: кшо доволенъ и одинъ, независимо опъ другихъ, шопъ нашель вѣрную спезю къ благополучію. Вы-

ѣзжая безпрестанно, чшобы искашь забавъ въ своего семѣйсва, вы будете бременемъ для вашихъ знакомыхъ, копорымъ наскучашь посѣщенія споль щедро распочаемыя; напрошивъ спали бы искашь ихъ, если бы были вы бережливые.

Домашнее хозяйство ешь истинное и главное замяше женщннь; шамь представшсь имъ много случаевъ упражняшь вкусъ и разсудокъ.

Если нѣкогда вы сдѣлаешесь машерями, шо посвѣщайте симъ обязанностямъ большую часшь вашего времени и вниманія; но не думайте въ небрежности извиняшьсь большимъ сосполяннемъ: ибо единая выгода, кошорую можешь доспавишь вамъ богатштво, чшо вы разорншесь нѣсколько поздые. —

Не знаю, какой вамъ дашь совѣщъ о выборѣ книгъ для чшенія! Вы можете занимашься Исторіею безъ всякаго худаго послѣдствія: великая книга свѣпа раскрыта передъ глазами вашими и представляешь безчисленность разнообразныхъ и занимашельныхъ предметовъ. Если былъ бы я увѣренъ, чшо Природа влила въ васъ споль

твердыя основанія вкуса и шакія чувствованія, кошорыя бы никогда не измѣнились и вѣчно управляли поступками вашими; по я съ величайшимъ удовольствіемъ распорядилъ бы ученіе ваше шакъ, чшобы оно вело природныя склонности къ высочайшему совершенству; но когда вздумаю, сколь легко разгорячишь воображеніе юности, сколь шрѣдно на продолжительное время ошановишь ея порывы, съ какою быспрошою предаешся она изысканнымъ чувствованіямъ и какъ смѣло все приносишь въ жершву своему шщеславію; шогда убѣждаюсь, чшо образуя поддѣльный вкусъ, кошорой былъ бы плодъ искусства и шруда, а не даръ Природы, вы сдѣлалися бы подозрительными. Мнѣ желательо, чшобы вы образовалися согласно предназначенію машери Природы. Я хочу, чшобы вы навсегда сохраняли чувствованія, опъ ней полученныя, и чшобы онѣ были шакими единообразными, постоянными вашими шушевошиселями, кошорыхъ бы не для чего вы не оставляли.

Одежда весьма занимается женщину: имъ свойственна шпросъ къ нарядамъ. Пусть шолько умъ опредѣляетъ издержки, для сего

пошребныя; а вкусъ научаетъ средствамъ скрывать недоспашки и выспавлять красшны въ лучшемъ видѣ. Но чтобы болѣе пользоваться симъ средствомъ нужна великая разборчивость и разсудокъ: умная женщина, по видимому упошребляя воаможившее спараніе скрыть свои прелести, умѣетъ весьма ловко ихъ обнаружитъ. Прекраснѣйшая грудь въ свѣтѣ есть па, которую рисуешь воображеніе. Простой и мало придуманный нарядъ, всегда красивъ и приашенъ.

Забота ваша бытъ хорошо одѣтыми не должна ограничиваться только шѣмъ временемъ, когда вы являетесь въ общешво; напрошивъ, привыкайте ко всегдашней опряшности шакъ, чтобы въ самомъ домашнемъ одѣяніи вашемъ, когда бываете въ совершенномъ уединеніи, вамъ не стыдно было показаться. Вы не можете замѣшитъ, до какой степени просширается сужденіе наше о нравѣ женщины по ея одеждѣ. Изъ ней мы видимъ ея шщеславіе, легкомысленность, небрежность, безуміе и глупость. Приашная простота доказываетъ намъ разборчивость и шонкій вкусъ. —

Легкость и ловкость особенно нужны для танцевъ. Я желаю, чпобы въ эпомъ упражненіи, предаваясь удовольствію, вы не позабыли благоприличія, всегда для женщины необходимаго.

Для особы чувствительной и веселой, я не знаю удовольствія лучше шеатра; но жаль, что женщины многія піесы наши не возможно видѣть безъ нарушенія благопристойности. — Вы не воображаете, съ какимъ вниманіемъ мужчины васъ замѣчаютъ въ семь случаѣ и какія дѣлаютъ объ васъ заключенія по вашему пребыванію въ театръ. Какъ женщины самыя безпорочныя бывають имъ гораздо извѣстнѣе, шо они, при сужденіи о прочихъ, принимаютъ ихъ образцами. Добродѣтельная дѣвица слушаетъ грубыя слова безъ смущенія, пошому, что она не понимаетъ ихъ смысла; но мужчины непроницаемые припишутъ спокойствіе лица вашего споль высокому присутствію духа, кошорый превосходитъ наше, а злобные наблюдатели почувуть сіе, если могу щакъ выразиться, смѣлымъ безстыдствомъ. —

Иногда дѣвица, слѣдуя другимъ, смѣется вольному слову, не понимая сама истинной причины смѣха. Нельзя не замѣтить, дѣйствительно ли она не знаетъ того; — если же понимаешь, тѣмъ хуже: тогда находящіяся она въ величайшемъ замѣшательствѣ. Скромность ея сильно поражается въ то время, когда къ спыду ея замѣшаютъ, что она чувствуешь оскорбленіе. Для предупрежденія сей непріятности должно убѣгать пѣсы, въ копорой честь и нравственность совершенно нарушены. Трагедіи вообще благоприсойны; печальныя впечатлѣнія, ими внушаемая, возвышаютъ душу и смягчаютъ сердце.

Я не знаю, что сказать вамъ о карточной игрѣ, копорая почти не извѣсна нашимъ женщинамъ. Это порокъ раззорительный и чуждый исправленія. Въ вашемъ полѣ онъ гнусѣе, нежели въ нашемъ, пошому, что приводитъ въ движеніе презрѣныя и буйныя спраски. Однако я не запрещаю вамъ всѣ вообще игры. Есть изъ нихъ пакія, копорыя служатъ средствами для разнообразія забавъ, и въ копорыя вы

проиграете только то, о чем не можете сожалеть и что вас не расстроитъ.

Въ семь случаевъ, какъ и въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ поведенія, рѣшимость ваша должна быть непоколебима. Сія твердость совсемъ непротивна угожденію и ласковости, копорыя споль очаровательны въ женщинахъ; напрошивъ того поведеніе весьма постоянное придастъ вамъ болѣе приличности и предохранитъ отъ осужденія. Оно сдѣлаетъ васъ почтенными въ общественныхъ глазахъ, и покажетъ намъ великое достоинство вашего характера.

А. Б—въ.

НѢЧТО О ПЛЯСКѢ.

Пляска—сіе предпочтительное увеселеніе женскаго пола, по всей справедливости заслуживаетъ въ сочиненіи ему посвящаемомъ особенное изслѣдованіе. Она служишь споль еспешивнымъ выраженіемъ удовольствія, что нѣтъ на всемъ пространствѣ земнаго шара шакаго народа, копорый бы ею не занимался.

Пляска принадлежала издревле къ обрядамъ богослуженія. Жрецы, даже Монархи плясали при шоржешивенныхъ случаяхъ, изъявляя шѣмъ благодарность Богамъ. У Грековъ и Римлянъ не совершалось почти ни одного шоржешивеннаго жершвоприношенія или народнаго праздношва безъ пляски, шакъ что сдѣлавшись общимъ изъясненіемъ радости, она перешла наконецъ въ повсемѣшное употребленіе.

*

Опъ природы лѣнивый обитатель Востока, хотя самъ не пляшетъ, но не менѣе этого почиаетъ пляску большимъ удовольствіемъ: его собственное состоитъ только въ зрѣніи. Слასполюбивый Турокъ, нѣжась на диванѣ, ѣшетъ въ горлышко своей кофе, и покуриваетъ шабакъ, между тѣмъ какъ невольницы забавляютъ его своими плясками.

У Индѣйцевъ есть особенный родъ женщинъ, извѣстный подъ названіемъ Баядерокъ. Онѣ отправляютъ пляски всенародно въ Пагодахъ, и въ знатныхъ домахъ промышляютъ, увеселяя гостей на пиршествахъ.

У насъ Христіанъ пляска введена гораздо позже. Принадлежитъ идолопоклонникамъ, она въ первые времена введенія Христіанской вѣры была вовсе запрещена какъ обрядъ языческаго богослуженія, и съ изпробленіемъ онаго исчезла.

Каждое покушеніе веселыхъ и счастливыхъ людей, посредствомъ пляски сообщать другъ другу взаимное удовольствіе, было уничтожаемо въ самомъ началѣ. Священнослужители вооружались всею силою убѣжденія, власши и краснорѣчія, доказывая,

что пляска есть кумирслуженіе, соблазнъ, похабство. Ее преслѣдовали духовныя и гражданскія пошановленія такъ, что на пядсуновъ наложены были тяжкія наказанія.

Вы видите изъ сего, любезныя чипашельницы, сколь шрудно было возшановити пляску, сіе невинное, общешвенное увеселеніе. У Христіанъ въ продолженіи цѣлыхъ 14 столѣтій одни шокмо Государи призывали оное въ чершогг свои и шо шихомолкомъ. Сверхъ шого и пляски шогдашняго времени, сколько мы объ нихъ извѣшны, опнюдь не цлѣняющъ нашего воображенія,

Возшановленію плясокъ обязаны вы наукамъ, и — Ишалии. Когда въ XV столѣтій введены были въ сію землю шеапральныя зрѣлища; шо и пляска снова появилась, и заняла мѣсто свое въ балешахъ. Пошомъ перещда она ко двору Государей и сосшавляла часшь большихъ пиршешствъ. Въ началѣ XVI столѣтія уже данъ былъ въ Миланѣ Французскому Королю большой шоржешшвенный балъ, на коемъ плясали даже два Кардинала.

Собравшіеся въ 1562 году для опредѣленія догматовъ Римско-Каполическаго вѣроисповѣданія духовные ошцы въ Триденшѣ, дали Королю Филиппу II великолѣпный балъ, на коемъ Гг. Кардиналы, Архіереи и Прелаты плясали съ Нѣмецкими, Испанскими и Ишаліянскими Госпожами.

Обыкновенный шогдашняго времени шанецъ, назывался *Паванъ* (pavane). Сія важная, шоржесшвенная пляска не лишала Духовныхъ Государей и знашныхъ шого времени барынь величавой ихъ поступи, и самый гордый Монархъ учасшвуя въ оной, не былъ вынужденъ лишать себя наружной сановишосши.

Одно названіе сей пляски даетъ объ ней доспапочное поняшіе. Слово *Паванъ* происходитъ отъ Раон (павлинь). Глаголь *ve ravaner* означаетъ и по нынѣ гордую и величавую поступь. Платье, въ коемъ плясали эшопъ шанецъ, еще опредѣлишельнѣе доказываетъ его величавость; ибо до насъ дошла книга, изданная шого времени шапцмейстеромъ съ приложеніемъ рисунковъ и музыки къ шѣмъ пляскамъ. — Мужскіе фигуры на сихъ чершежахъ предспавлены со

всею важностію. Въ одной рукѣ держашъ они шляпу, а другую подносяшъ своей дамѣ. Они одѣшны въ длинныя эпанчи, кошорыя на подобіе Паспорскихъ маншій обвиваюшся вокругъ руки; при бедрѣ длинныя шпаги. Женщины изображены въ спшоль длинныхъ и шяжелыхъ нарядахъ, чшо при всякой попышкѣ плясашъ въ оныхъ скоро, онѣ конечно подвергались бы паденію!

Такимъ образомъ пляска введена въ Ишпаліи снова; она сдѣлалась шамъ увеселеніемъ первыхъ вельможъ, и пошомъ переведена была Екашеріною Медицейскою во Францію. Сія хишрая придворная женщина, сдѣлавшая дворъ свой средошочіемъ ошборнѣйшихъ удовольспвій, для привлеченія честшлюбиваго дворянспва, придала величавой и важной Павлиной пляскѣ всю живосшь и пріятносшь, кошорыхъ она еще не имѣла, и сей новый, скорый и веселый шанецъ возимѣлъ большое вліяніе на шогдашніе обычаи. Длинныя, спепенныя, закрышыя дамскія плашья должны были соображашься съ новою пляскою, и мѣсно ихъ засшупили корошкіе, легкіе и узкіе уборы, ошъ кошорыхъ не шокмо въ Царспшвѣ модъ, но и въ обласпи

погдашнихъ поняшій послѣдовало неслыханное превращеніе.

Вмѣсто прежнихъ длинныхъ и по землѣ стелющихся плашьевъ, появились шеперь коронкія юпки, и опкрышал женская нога спала предметомъ сладоспрасшія. Въ первый разъ начали причисляшь къ совершеншвамъ и предесшямъ женскаго пола круглыя руки, полную шею и высокую грудь; ибо до сего времени всѣ сіи часши шѣла закрышы были подъ покрывалами, ворошникомъ и рукавами. Величавый доселѣ Павлиный панецъ сдѣлался во время царшвоуванія Екашерина Медицейской увеселишельною пляскою. Она шакже выдумала маскерованные балы. Хотя самыя маскерады были уже шогда извѣсны; но они сосшояли не въ пляскахъ, а въ нѣмой комедіи, кошорую предспавляль дворъ. Екашерина напрошивъ умѣла одушевляшь и самыя маски.

Прекрасныя чипашельницы легко вообразяшь себѣ, что за симъ слѣдовало пошпеленное изобрѣшеніе разныхъ другихъ плясокъ. Онѣ начали опличашся разнообразіемъ, и между различныхъ названій, опносящыхся къ пляскамъ шогдашняго времени,

нахожу я, еще нѣкоторыя сохранившіяся до нынѣшняго, какъ на примѣръ: les tordions, le rus vaches, les jetés, chassés, coupés, balancés и проч.

Около того времени извѣстны были уже Менуэши и Альманды. Сіе доказываетъ, что и въ Германіи пляска была въ повсемѣстномъ употребленіи.

Спаринныя народныя Французскія пляски назывались Branles. Ими открывались балы, такъ какъ нынѣ начинающіяся оныя Менуэтами. Кавалеръ бралъ даму за руку и дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и назадъ. Движенія сей пляски были умѣренныя, прощяжныя.

Между послѣдними плясками были и веселыя (des branles gais), копорыя также принадлежали къ характернымъ танцамъ. — Такъ на примѣръ: *Прагешной* (der Tanz der Wäscherinnen) состоялъ въ бишіи въ ладоши на подобіе колоченія бѣлья; *Крусовой* (Kräusel), *Конской* (Pferdetanz). При семъ послѣднемъ, плясунъ подражалъ ржанію и прыганію лошадей. И въ наши времена естъ что-то на это похожее; ибо я часто слыхивалъ о такъ называемой

галопадъ. Самый примѣчательнѣйшій изъ сихъ характерныхъ шаяцовъ былъ панецъ съ факелами. Его плясали на торжественныхъ празднествахъ, при бракосочетаніи и коронованіи. Плясунъ держалъ въ одной рукѣ факель, а въ другой даму Сюда принадлежитъ *Страссовой танецъ* (Keisentanz), при коемъ цѣлый рядъ дамъ и кавалеровъ брали другъ друга за руки и дѣлали разные фигуры. Первый изъ нихъ пѣлъ пѣсню, а прочіе ошвѣчали ему хоромъ.

На подобіе Нѣмецкаго Гросфапершанца имѣли они также окончательную свою пляску, извѣстную подъ именемъ Branle de sortie. Она сопровождалась пѣніемъ. Къ шогдашнимъ пляскамъ присоединяли и дикія Африканскія, изъ коихъ одна подъ названіемъ Канарской, свидѣтельствуетъ о своемъ происхожденіи. Она состояла въ разныхъ дикихъ тѣлодвиженіяхъ.

Сии пляски продолжались до нынѣшняго спользія. Нынѣ же всѣ оныя замѣнены Англинскими народными плясками, кои шамъ также сопровождалась пѣніемъ. О семъ свидѣтельствуетъ каждая старинная плясовая Англинская книга, каковыхъ въ Германіи по не-

давному введенію Коншпрпанцевъ (Countrytänze) найдено еще много; ибо надъ каждою пляскою помѣщено въ заглавіи начало какой нибудь пѣсни, какъ на пр. *God save the King George!* и проч.

Въ заключеніе присовокупляю маленькую Французскую плясовую пѣсню, выписанную изъ сочиненія Г. Арбо, дабы дать чашпельницамъ моимъ нѣкошорое поняшіе о содержаніи оныхъ. Нижеслѣдующая Арія принадлежитъ къ Паванѣ.

Belle, qui tient ma vie
 Captive dans tes yeux,
 Qui m'a l'ame ravie
 D'un souris gracieux,
 Viens tost me secourir,
 Ou me faudra mourir.

Plutost on verra l'onde
 Contre mont reculer,
 Et plutost l'oeil du monde
 Cessera de brusler,
 Que l'amour, qui me point
 Décroisse d'un seul point.

„Прекрасная! Ты коей взоры плѣнили
 „меня, коей нѣжная улыбка восхищала

„душу мою, поспѣчай коня на помощь —
„или мнѣ должно умереть.

„Скорѣ рѣки устремляясь на гору, ско-
„рѣе солнце упрямить свѣтъ свой, неже-
„ли кончишься любовь, свѣдающая сердце
„мое.“ —

ПИСЬМА САВАРИ къ Гжѣ. ***.

О ГРЕЦІИ.

Письмо первое.

Островъ Казосъ.

Не должно всегда почищать несчастіями случающіяся на морѣ непріятности. Иногда суровость судьбы болѣе служишь къ нашей пользѣ, нежели самая ея благосклонность. Имѣвши два дни сряду передъ глазами улыбающіеся берега Крипа, наглядѣвшись завидливымъ окомъ на бархатную ихъ зелень и каршинныя мѣстоположенія, я ропсаль на прошивной вѣтеръ, принудившій насъ распаться съ ними, и остановка наша въ гавани Казосской была для меня огорчишельна. Съ шѣхъ поръ, какъ я познакомился съ жителями, мысли мои переѣнились, и вѣтеръ можетъ насъ долго здѣсь задержашъ, прежде нежели я хоть мало пожелаю, чшобъ онъ переѣнился.

„Казось (а) есть одинъ изъ острововъ
 „Цикладскихъ. . . . Онъ получилъ свое имя
 „отъ Казо, отца Клеомахова. Жилили
 „сего не большаго острова основали селеніе
 „на горѣ Казіусѣ, принадлежащей къ Сириі
 „(b). Казось, говоритъ Страбонъ, лежишь
 „отъ Карпатъ (что нынѣ Скарпанто) на
 „двѣ съ половиною стадіи, и на девять отъ
 „Самоніума, Крипскаго мыса (с). Онъ имѣ-
 „етъ 3 стадіи въ окружности, съ городомъ,
 „называемымъ по имени острова, и со мно-
 „гими островками, окрестъ его лежащими.“
 Плиній (d) не согласуется съ Страбономъ
 въ измѣреніяхъ, и онъ ошибается. Видѣвши
 мѣста собственными глазами, я посмѣваю
 за должное оправдать Страбона въ точности
 въ описаніяхъ.

(а) Стефанъ Византійскій. Французскіе море-
 ходцы, по испорченному произношенію, на-
 зываютъ его островомъ Газа.

(b) Страбонъ, кн. 10.

(с) Сей мысъ, лежащій на Восточной сторонѣ
 острова Крипа, называется нынѣ мысомъ
 Соломоновымъ.

(d) Плиній, кн. 4. гл. 12.

Оспровъ Казось подвергнулся общему жребію Архипелага: онъ находишься во власпи Турковъ. Но сіи послѣдніе не рѣшающся на немъ поселиться по тому, что шамъ нѣшь крѣпости. Они находились бы въ опасности попасшь въ плѣнь къ Мальшійскимъ корсарамъ, что нѣсколько разъ уже съ ними случалось въ Аншипаросъ и другихъ мѣстахъ, не имѣющихъ укрѣпленій. Сей страхъ доспавляетъ природнымъ его жишелямъ по благо, что они наслаждающся спокойствіемъ и сохраняющъ свое имущество и свободу.

На другой день по нашемъ прибытіи, я съ нешерпѣніемъ спѣшилъ обозрѣшь оспровъ. Спустили на море шлюпку — и мы поплыли къ окружающимъ его скаламъ. Мы не знали, гдѣ приспашъ. Оспровъ со всѣхъ сторонъ загроможденъ ужасными утесами; ревуція волны покрывающъ ихъ своею пѣною. Куда мы ни обращали взоръ, ошовсюду Казось являлся намъ неприступнымъ. Одинъ изъ жишелей, замѣшивъ нашу нерѣшимость, вышелъ изъ селенія и указывалъ намъ плашкомъ по мѣсто, куда мы должны были грести. Мы прибыли туда, плывъ

около мили близъ берега. Въ семь мѣспѣ
 кражъ земли понижаешся въ видѣ долины,
 въ концѣ кошорой выкопанъ родъ гавани,
 удобной для пристанища мѣлкимъ судамъ.
 Входъ имѣеть не болѣе 12 шаговъ шири-
 ны и весьма не безопасенъ: должно прохо-
 дить прямо и съ болшею шочносцію.
 Если судно шолкнешся о берега, сосполя-
 щіе изъ оспроконечныхъ камней; шо мо-
 жеть разлетьшся на часпи. Прибавьше
 къ шому, что когда мы подошли къ он-
 версцію, сильная зыбь волновала шамъ во-
 ду. Казіюшъ подозвалъ одного изъ своихъ
 единоземцевъ; они спали каждый на особой
 споронѣ усшья и дали намъ знакъ греспи
 изо всѣхъ силъ. Въ шо время, когда шлюп-
 ка входила въ сей опасный проходъ, они
 взяли длинныя багры, недопускали ее про-
 нушся до камней и шакимъ образомъ ве-
 ли въ гавань. Эшо и ешь одно мѣспо, ко-
 шорымъ можно присташъ къ оспрову. Жи-
 шели могли бы распроспранить его; но
 они лучше хотяшъ подвергашся нѣкошо-
 рой опасносци, и за шо бышъ спокойнымъ
 со шпороны своихъ непріятелей.

Казюль, который провожалъ насъ въ приспань, учтиво пригласилъ насъ итти въ селеніе. Мы съ охотою за нимъ послѣдовали. Я былъ одѣтъ по Французски, со шпагою, въ шляпѣ и прочемъ національномъ платьѣ. Скоро разнесся слухъ о прибытіи тужеспранцевъ. Женщины и дѣти вышли изъ домовъ и ожидали насъ на одной возвышенности. Онѣ оказывали великое любобинство и разсмащривали насъ со вниманіемъ. Когда мы проходили мимо ихъ, то всѣ онѣ скромно пощупали глаза. Между ними многія были весьма прекрасны. Нѣкоторыя привѣщспвовали насъ, желая намъ добраго дни, и присовокупляя: добро пожаловать. Мы отвѣчали имъ по воспочному обыкновенію: Да будетъ день сей счастливымъ днемъ для васъ и для вашихъ госпей!

Пушеводишель нашъ былъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ оспровищанъ. Онъ убѣдилъ меня зайти къ нему и ввелъ въ одну комнату, которая была убрана кощя не слишкомъ великолѣпно, но весьма опряшно, и шпакъ, что можно было сдѣлать заключеніе о хорошемъ досщашкѣ хозяина. Вокругъ всей комнаты находился диванъ. Показъспъ

гошовили завпракъ, хозяйнъ посадилъ меня на нѣкошоромъ возвышеніи, а самъ сѣлъ пониже. Скоро явились жена и дочь его, неся въ рукахъ свѣжія лица, фіги и виноградъ. Молодая Казіюшка красѣла, видя чужеспранца, кошорый безсомнѣнія казался ей одѣтъ необыкновеннымъ образомъ. Между шѣмъ какъ мы завпракали весьма охотно, и хозяйнъ безпрестанно подливалъ мнѣ превосходное вино въ огромной спаканъ, большая часпъ женцинъ щого селенія пришла къ нему; онѣ поклонились намъ и сѣли безъ приглашенія кругомъ комнапы. Любопытство привело ихъ. Тотчасъ начали онѣ перешепщывашься, и разбирашь всѣ части Французскаго одѣянія. Европейцы рѣдко приспашюгъ къ сему уединенному оспрову. Глаза, привыкшіе видѣшь брипныя головы, обернушыя шалью, длинныя плащя, стяннушыя поясомъ и лица съ бородами, смошрѣли, какъ на чудо, на долгіе завышыя волоса, на лице безъ усовъ и бороды, на шреугольную шляпу и корошкое, едва до колѣнъ доспашющее плащье. Сія прошивуположностъ, казалось, весьма ихъ удивляла. Усмѣшка, срывавшаяся временемъ съ ихъ

губь, давала знашь, что онъ дѣлалъ весь-
ма забавныя замѣчанія. Съ моей стороны,
я разсмаширивалъ ихъ съ великимъ удоволь-
ствіемъ. Между прочими я замѣшилъ двухъ
молодыхъ дѣвушекъ, которыя показались
бы красавицами даже и въ Парижѣ.

Одна изъ нихъ небольшая роспомъ, имѣла
глаза, полные огня, надъ копорыми возвы-
шались дугою черныя брови, правильно про-
веденныя. Лице ея было смугловащо, но
весьма выразишельно. Щеки ея, округлен-
ныя рукою Грацій, каждое мгновение покры-
вались новыми розами. Маленькой рошикъ,
казалось, былъ сошворень для того, чтобы
говорить однѣ нѣжныя слова. Когда она
улыбалась, то бѣлые какъ снѣгъ зубы сос-
тавляли припятную прошивуположность съ
алымъ цвѣтомъ губъ ея. Разумъ показывал-
ся во всѣхъ движеніяхъ, живоспъ одушев-
ляла всѣ черпы ея лица. Черныя волосы,
связанные на верьху головы, небрежно па-
дали на шею, бѣлизною и гладкоспю по-
добную слоновой кости. Сія шея, шща-
шельно образованная Природою, прошиги-
валась съ удивительнымъ размѣромъ и за-
ключалась прелешною грудью. Корсетъ

*/

безъ рукавъ, разпегнушій сверху, выказывалъ привлекапельныя оной округлоспи. Тонкое мипкалевое плашье чрезвычайной бѣлизны, скрывало совсѣмъ ноги красавицы. Оно было обложено пурпуровою накладкою, весьма искусно вышишою, шириною въ чешыре пальца, и спянушо слегка поясомъ, концы коего развѣвались во кругъ. Такова была сія молодая Гречанка, привлекавшая на себя мое вниманіе.

Вшорая оспоривала у нее пальму преимущества. Сташь ея были спройнѣе, и осанка благороднѣе. Глаза ея блиспали шихимъ пламенемъ, и шакъ сказашь, дыщали любовью. Длиныя ресницы, скромно опущенныя, не позволяли видѣшь глаза сіи въ полномъ ихъ блескъ, какъ будшо бы она боялась измѣнишь шайнамъ души своей. Лице ея было бѣлѣе, щеки, не шполь румяныя, казалпш лиліею, слегка наведенною цвѣшомъ розы. Черпы сего лица, будучи менѣе выразительны, въ замѣну шого были гораздо правильнѣе. Вообще она могла служишь образцемъ правильности. Съ перваго взгляда казалась она не шполь прелеспною, но разсматривая, совершенство всѣхъ частей

въ цѣломъ поражаетъ болѣе удивленіемъ. Видѣ первой дѣвицы внушалъ веселость: на нее нельзя было смотрѣть безъ удовольствія. Сія послѣдняя сначала менѣ могла поразить; но когда на нее приспально посмотришь, то нѣкоторое невольное влеченіе къ ней привязываетъ, и сердце не можетъ защититься отъ сильныхъ впечатлѣній.

Всѣ женщины, удостоившія насъ своимъ посѣщеніемъ, были одинаково наряжены. На каждой изъ нихъ былъ корсетъ, поясъ и длинное мишкалевое платье. Все различіе состояло въ узорахъ шитья, кошорые у каждой были сообразно съ ея вкусомъ, и въ уборкѣ волосовъ. Иныя разпускали ихъ по плечамъ, заплетая въ одну или во многія косы; другія связывали на верьху головы, откуда они падали на шею. Не однѣ шѣ дѣвицы, кошорыхъ я описалъ, показались мнѣ прекрасными: ихъ было много, но сіи болѣе другихъ меня поразили. Можетъ быть вы подумаете, Милостивая Государыня, что послѣ печальнаго зрѣлища, кошорое было у меня передъ глазами до прибытія на сей островъ, воображеніе мое воспламенилось при видѣ юныхъ красавицъ,

и что удовольствіе побудило меня украсить ихъ еще болѣе. Сіе легко спанешся: по крайней мѣрѣ очарованіе продолжалось довольно долго. Я прожилъ болѣе недѣли на островѣ, и не желалъ бы переменить ни одной чертѣ въ картинѣ, которую для васъ изобразилъ. Я описалъ то, что видѣлъ и чувствовалъ. Признаюсь вамъ, что удивленіе мое было равно удовольствію: я воображалъ на сихъ скалахъ найпаче жалкихъ невольниковъ, спрдающихъ подъ бременемъ ига иноплеменнаго, — и вмѣсто того увидѣлъ народъ веселый, щасливый и свободный посредѣ Турецкаго владычества. Но возвратимся къ нашимъ красавицамъ.

Когда завтракъ кончился, тогда онѣ ушли. Хозяинъ мой повелъ меня въ другую комнату, и дабы внушить мнѣ довѣріе къ Казиошамъ, а болѣе всего къ нему, вынулъ изъ ящика свидѣтельство, подписанное двумя корабельными Капитанами изъ Прованса, и просилъ меня прочиташъ оное.

Первая изъ сихъ подписей заключала въ себѣ слѣдующее: „Французы, которыхъ будья приѣдешь къ сему острову, вы можете безъ опасенія вѣрнисья жителямъ

„онаго. Я прешерпаль кораблекрушеніе у
 „сихъ береговъ, и оспровипяне помогали
 „мнѣ пакъ, какъ только люди обязаны по-
 „могашь другъ другу въ подобномъ несча-
 „стїи.“

Содержаніе впрочемъ было таково: „Пре-
 „дупѣдомляю соопечеспвенниковъ моихъ,
 „которыя по случаю приспанушъ къ оспро-
 „ву Казосу, чшобъ они были оспорожнѣ
 „и недовѣряли здѣшнимъ жителемъ, копо-
 „рыя сушь обманщики и воры; почему
 „иноспранцы должны ожидать для себя все-
 „го худаго ошъ ихъ злобы.“

Я ошдалъ сіе спранное свидѣтельствво
 моему хозяину съ довольнымъ видомъ, и ска-
 заль ему, чшо мнѣ не было нужды въ
 оношъ, дабы вѣришь его чесноспи. Онъ
 весьма щщашельно завернулъ его и спря-
 талъ; и сія самая увѣренносшь подала мнѣ
 хорошее о немъ мнѣніе. Вѣрояшно, чшо ему
 не извѣсно было содержаніе сей бумаги,
 и чшо впрочемъ Кашипанъ обманулъ его. Я
 не хопѣлъ выводить его изъ заблуденія,
 которое было для него споль прїяшно.
 Припомъ же сіе свидѣтельствво могло
 только породить не совсѣмъ бесполезную

предосторожность въ шѣхъ, копорые его прочищаютъ. Что до меня касается то я совершенно положился на первое свидѣтельство; и продолжалъ обходиться съ Казіюшами дружески. Единственна моя предосторожность состояла въ томъ, чтобъ находясь между ними, имѣть при себѣ слугу и быть хорошо вооруженнымъ; однакожь и сіе было не нужно: я отъ нихъ ничего не видѣлъ, кромѣ ласкъ и добраго расположенія.

Желая узнать оспровъ, я вышелъ изъ селенія и пошелъ къ самой высокой горѣ. Я достигъ до оной послѣ часоваго путешествія. Оттуда видѣнь оспровъ Карпашо и кажешся не въ дальнемъ разстояніи; берегъ его продолжается отъ Воспока на Западъ. Пройдя самаго селенія лежатъ при оспровка: къ Воспоку, Западу и Северу, и составляютъ шу обширную гавань, въ копорой мы приспали. Сіи оспровки не воздѣланы и покрыты кустарниками. На вершинѣ горы, съ копорой я разсматривалъ окрестности, построена часовня, обсаженная смоковницами. Отъ сего мѣста простираешся полукругомъ цѣль горъ, посредѣ коихъ находится равнина около

мили въ окружности. Жители съ великимъ трудомъ успѣли сдѣлать ее годною для хлѣбопашества, изноргнувъ изъ земли цѣлыя скалы и кучи каменьевъ, которыя нынѣ служатъ ей оградой. Все сіе пространство раздѣлено на участки по числу семействъ. Здѣсь Казюны сѣютъ рожь и ячмень въ началѣ дождливаго времени, продолжающагося отъ Октября до Февраля мѣсяца. Дожди шамъ идутъ не непрерывно, и перепадають только въ сихъ мѣсяцахъ; въ остальное же время года воздухъ всегда чистъ и погода ясная. Всѣ дни шамъ хороши, а ночи свѣшлы. Морскіе вѣтры умѣряють зной солнечный, и въ такомъ жаркомъ климатѣ люди наслаждаются благорасшивореннымъ воздухомъ и почти неизмѣннымъ здоровьемъ. На скалахъ береговъ посаженъ виноградъ, доставляющій весьма вкусное вино. Я удивлялся, какъ могли сіи трудолюбивые и умные островитяне воздѣлать каменистые утесы, едва на нѣсколько вершковъ покрытые землею, и радовался видѣ, что они вознаграждены за свой трудъ, и что островъ доставляетъ имъ все необходимое для жизни.

Удовольствовавъ мое любопытство, я возвратился къ своему хозяину. Меня ждали обѣдать. Курица съ сарацинскимъ пшеномъ, свѣжія лица, опмѣнно вкусныя голуби, сыръ и хорошее вино, были для меня несказаннымъ лакомствомъ послѣ худой пици, на корабль. Мужчины обѣдали всѣ вмѣстѣ, сѣвши кругомъ на коврѣ, а женщины въ особо отдѣленныхъ комнапахъ. Это обычай; и хошя онъ не по вкусу Французовъ, но должно было ему покориться. При концѣ спола, круговая чаша пошла изъ рукъ въ руки. Оспровиняне пими, желая мнѣ ечашливаго пушешествія, а я съ чашею въ рукѣ желалъ благополучія Казіошамъ. Веселость начинала уже одушевлять пирующихъ, какъ вдругъ звукъ музыки поднялъ насъ изъ-за спола.

Двадцать молодыхъ дѣвиць, одѣшыхъ въ бѣлое развѣвающееся плашье, съ заплещенными въ косы волосами, вошли въ комнату: онѣ привели съ собою одного юношу, который игралъ на лирѣ и сопровождалъ игру свою пѣніемъ. Многія изъ сихъ дѣвиць имѣли весьма пріятныя лица, на всѣхъ блистала свѣжесть, а нѣкошорыя изъ нихъ

едва уступали шѣмъ двумъ красавицамъ, которыхъ я вамъ описывалъ. Всѣ вообще составляли очаровательное зрѣлище: однообразное убранство сихъ Нимфъ, скромность возвышавшая ихъ прелести, стыдливость, напечатлѣнная на ихъ челахъ, веселость, умѣряемая благоприспоспѣшностію,—все сіе заставляло меня думать, что я перенесенъ на островъ Каллипсо. Онѣ начали спановишься въ кружокъ, и пригласили меня плясать съ ними; я охотно на то согласился. Составленный нами кругъ единственъ по своему сплетенію: танцовщикъ не подаетъ рукъ нѣмъ двумъ особамъ, которыя споятъ по обѣимъ сторонамъ подалѣ него, а двумъ за ними слѣдующимъ; такимъ образомъ, что руки его находятся спереди и сзади его сосѣдокъ, опущанныхъ кольцами сей двойной цѣпи. Сіе переплетеніе весьма пріятно, и легко отгадать, по какой причинѣ. Въ серединѣ круга споятъ музыкантъ; онъ игралъ и вмѣстѣ пѣлъ. Каждая танцовщица съ точностію слѣдовала музыкальной мѣрѣ, но приближаясь, по отдаляясь, по оборачиваясь вокругъ него. Что до меня касаеться, то я далъ свободу

водишь себя, и мысли мои не сполько были заняты пляскою, сколько лицами, ее производившими.

На другой день я обошел селение; оно заключается въ себя около спа домовъ, изъ коихъ въ каждомъ живетъ по одному семейству. Всѣ дома каменные; и построены весьма прочно; состоятъ обыкновенно изъ двухъ или трехъ комнатъ въ нижнемъ, и двухъ въ верхнемъ ярусъ; въ каждомъ домѣ есть очагъ и водоемъ, выработанный изъ камня. Сии водоемы наполняются въ дождливое время года, и вода сохраняется въ нихъ свѣжая и чистая. Кроме сего въ спа шагахъ отъ селенія, у подошвы горы, протекаетъ весьма хорошій источникъ, который доставляетъ въ круглой годъ свѣжую воду.

Я входилъ во многіе дома, и вездѣ заставалъ женщинъ за рукодѣлемъ: иныхъ за шитьемъ или за вышиваньемъ; другихъ за шканьемъ цѣхъ прекрасныхъ мишкалей, изъ кошорыхъ онѣ дѣлаютъ себѣ плащя. Ткальныя ихъ верспаша не велики, но весьма удобны, и должно сказать, что Казіешки великія мастерицы шкань. Вездѣ я

видѣлъ шрудолубіе, прилѣжаніе и щцашельно наблюдаемую опряшность. Будучи ласково принятъ нѣкошорыми изъ шанцовавших со мною женщинъ, я всшунилъ съ ними въ разговоръ и спрашивалъ ихъ: опъ чего шакъ много прекрасныхъ особъ женскаго пола на ихъ оспровѣ, я шакъ мало мужчинъ (я видѣлъ не болѣе пяти или шести)? На сіе онѣ опвѣчали, что весну, лѣшо и часпъ осѣни Казіюшм проводяшъ въ мореходспвѣ. „Они шоргуюшъ въ Архипелагъ,“ присовокупили мои знакомки „и приплываюшъ сю, „да шолько опъ времени до времени, для „досшавленія необходимыхъ припасовъ ихъ „семейспвамъ; но оспяющся съ нами шолько на зиму. Въ Ноябрь мѣсяцъ засѣваюшъ „они поля, въ Маршѣ собираюшъ жашву и „въ слѣдъ за симъ уходяшъ на море. Про „изведенія оспрова недосшашочны для про „пишанія всѣхъ его жипелей; по сѣму они „и принуждены досшавашъ сѣшпные при „пасы въ другихъ мѣсшпахъ. Со всѣмъ шѣмъ, „если мы не богаты, шю покрайней мѣ „рѣ живемъ въ счашливой посредшвенно „спш. Мальчики сопровождяюшъ опщевъ „своихъ на море, и сами спановашся

„мореходцами. Во время ихъ описуяспвія мы, „какъ видите, прядемъ бумагу и вышкан- „ныя нами машеріи доставляюшгь опча- „спи необходимое для ихъ и нашихъ одѣя- „ній.“

Дѣлая сіи посѣщенія, не могъ я удиви-
 висья порядку и устройству, господству-
 ющимъ въ сей малой республикѣ, согласно
 и единомыслию всѣхъ ея членовъ, а болѣе
 всего сей тихой веселости, сему доволь-
 ству, кошорыя изображены на ихъ лицахъ.
 Счастливыи народъ! думалъ я: честолюбіе
 и коварство не нарушаюшгь швоего спо-
 койствія! алчность къ золоту не развра-
 тила швоихъ нравовъ; раздоры, несогласія
 и пороки, коими она наполняетъ землю, ше-
 бѣ неизвѣсны. На островѣ швоемъ не уви-
 дишь надменнаго шшлами и богатшвомъ
 гражданина, попирающаго ногами бѣднаго сво-
 его соошечешвенника; не увидишь през-
 рѣннаго раба, превозносящаго хвалами по-
 роки своего господина. Здѣсь люди равны
 между собою; Казіонъ не спыдишся и не
 унижается предъ Казіономъ. Взаимное другъ
 ко другу уваженіе ихъ связываетъ; невин-
 ныя удовольствія, кошорыя Природа сама

доспавляешъ всѣмъ смертнымъ, сушь ихъ увеселенія; посредственностъ и равенство сушь швердыя основы ихъ благополучія.

Однакожь, говоря правду, я долженъ признахся, что въ часпныхъ разговорахъ съ нѣкошорыми изъ сихъ прекрасныхъ Казіопокъ, я описалъ имъ весьма блестящими красками учасъ женщинъ во Франціи. Изобразилъ ихъ въ щегольскомъ нарядѣ, часпо украшенныхъ золопомъ, шелковыми маперіями и драгоцѣнными каменьями, лешающихъ въ пышныхъ колесницахъ съ пиршества на пиршество, съ зрѣлица на зрѣлице; окруженныхъ шолпою обожашелей, кои спараются угождашь имъ; занимающихся одними удовольствіями и находящихъ ежеминушно новыя веселости. Я описалъ имъ однѣ шолько розы сей прелесшной жизни! Казалось, что сія картина ихъ плѣнида; онѣ вздохнули о самихъ себѣ, находили ошпрость свой весьма скучнымъ и желали бы въ минушу перенесхсь во Францію. Таково-шо сердце человѣческое! Оно гошгово промѣняшь благополучіе, кошорымъ наслаждаешся, на блестящіе призраки, кои воображеніе ему представляешъ.

Въ одинъ день я посѣтилъ двухъ сестеръ, копорыхъ мнѣ весьма хвалили. Я заспалъ весь домъ въ унынїи; сами онѣ вздыхали за рукодѣльемъ. Старшая, копорой было около 18 лѣтъ, высока роспомъ, хорошо сложена и прекрасна собою. Она не приходила на пирушку къ моему хозяину. Мрачная задумчивость покрывала ее лице; румянецъ щекъ ея увядалъ, но погасающій огонь еще блисталъ въ глазахъ ея, и слезы выкапывались изъ-подъ длинныхъ ресницъ: кто бы не пожалѣлъ о ней! Младшая сестра раздѣляла съ нею горестъ и была подобна цвѣтку, посаженному въ тѣни, копорый не будучи согрѣваемъ живительнымъ лучемъ солнца, вянетъ едва разцвѣтши. Я душевно желалъ утѣшить сихъ печальныхъ красавицъ, но не надѣялся на успѣхъ: ибо въ такое короткое время не могъ имъ внушить къ себѣ довѣренности. Я узналъ, что одна изъ нихъ лишилась нѣжно любимаго супруга, и мнѣ сказывали, что это была самая прекрасная чета изъ всего острова: любовь ихъ соединила — и чрезъ мѣсяць послѣ брака несчастный юноша погибъ отъ кораблекрушенїя. „Смерть пожрала его.“

„едва узнавшаго цѣну жизни, прибавляли Казіюшы: „ибо ему не было еще и двадцати „лѣтъ. Меньшая сестра, привязанная къ „спаршей нѣжными узами дружбы, плачешь „вмѣспѣ съ нею. Не одно сіе горе лежишь „у нее на сердцѣ: ей шеперь шесшнадцать „лѣтъ, и она не за мужемъ; а въ нашемъ „краю мужчинъ шакъ мало, море поглощаешь „большую ихъ половину. Опъ сего-що мно- „гія наши дѣвушки осшаюцца вѣкъ не за- „мужними.“

Сіе разсужденіе объяснило мнѣ, почему въ Кандіи, равно какъ и во многихъ городахъ, видишь Казіюшкѣ, произвольно осшавившихъ свое опечешво. Сіи молодыя дѣвицы, не имѣя ни родшвенниковъ, ни покровишелей, ни друзей, принуждены служишь; шевинность ихъ подвергаешся великой опасности; не рѣдко бывъ увлечены примѣромъ или соблазнены богачами, ведутъ онѣ жизнь не позволишельную. Я видѣлъ многихъ изъ нихъ, копорыя забывъ чисшопу нравовъ ихъ опщизны, потеряли сіе просшосердечіе, сію милую искренность, кои сшодъ привлекашельны въ ихъ единоземкахъ.

Во время моего пребыванія въ Казосѣ, возвратилась сюда одна барка съ сарацинскимъ пшеномъ, дынями, гранатовыми яблоками и разными другими плодами. Почти всѣ женщины сошли съ горы и спѣшили на встрѣчу супругамъ, опцамъ, братьямъ и друзьямъ своимъ. Никогда я не видалъ сполна живыхъ изъясненій удовольствія и нѣжности: онѣ съ восторгомъ обнимали ихъ, прижимали къ груди своей и благодарили Небо за ихъ возвращеніе. Всѣ знаки радости, всѣ выраженія любви были употреблены съ той и другой стороны. Зрѣлище сіе прогало душу. Вошь, подумалъ я, вошь древніе Греки! Это ихъ живое воображеніе, всегда гошное воспламенилось; ихъ опимѣнная чувствительность; копорю они опшались опъ всѣхъ земныхъ племень! Сія скалы укрыли ихъ опъ ига Турецкаго — и они сохранили нравы своихъ предковъ.

Послѣ-обѣденное время сего радостнаго дня было посвящено веселію. Капшанъ Казіонскій давалъ небольшое пиршество, на которомъ и я былъ по его приглашенію: Зада наполнилась шанцовщицами, у коихъ волосы были намазаны благовонными маслами;

онѣ нарядились въ самыя лучшіе корсеты, съ прекрасно вышитыми поясами и въ бѣлыя длинныя плащя. Топчась сосшавилось нѣсколько круговъ, съ переплешенными по обыкновенію руками. Двѣ лиры и пѣсельники, помѣщенные на нѣкопорокъ возвышеніи, одушевляли движенія пляшущихъ; веселость сіяла въ глазахъ каждаго. Молодые люди, возвратившіеся изъ пущешесствія, спали подлѣ своихъ подругъ и любовныхъ; они обнимали ихъ въ панцахъ своими руками, чувствовали бѣеніе сердець ихъ; радость была написана на всѣхъ лицахъ: молодая Гречанка, пошупивъ глаза свои, спарались какъ можно менѣе оную показывать; но румянецъ ихъ ланишь и препешаніе груди возвѣщали, что онѣ находящяся близъ пѣхъ, кои для нихъ всего милѣе; и каждое движеніе ихъ было наслажденіемъ. Наши искусшвенные панцы несравненно болѣе имѣють въ себѣ ловкости, зашѣливости и даже величія; но сколь они холодны въ сравненіи съ круговыми плясками ошрова Казоса! Въ однихъ удовольшворяешся только шщеславіемъ въ другихъ сердце говоритъ сердцу взоромъ улыбною, а болѣе всего прикосновеніемъ

Мудрая Природа въ насъ самихъ поселила наше блаженство. Богачъ думаетъ удержавъ его въ блестящемъ кругу своемъ; на роскошныхъ пирахъ выказывая пышность и великолѣпіе, онъ хочетъ купить его цѣною золота. Или онъ не знаетъ, что блаженство не терпитъ излишняго блеска пышности, что сіе свободное божество приходитъ къ намъ само по своей волѣ, и никогда не позволяетъ за злато купить себя?

Западные вѣтры задержали насъ цѣлыя восемь сутокъ въ пристани Казосской, и я благодарилъ за сіе Небо. Я видѣлъ сирены, на кошорыя щедрая Природа изливаетъ всѣ свои блага, видѣлъ и другія сирены, гдѣ сирены принуждаютъ ее умѣрять дары свои, и вездѣ я находилъ народы несчастныя, не по собственной винѣ своей и не по бесплодію земли; но ошъ насилій правительсва монархическаго. Посредѣ рабовъ, согбенныхъ подѣ бременемъ Опшоманской власни, я нашелъ скалу не болѣе шрехъ миль въ окружности; но Турокъ не смѣетъ шуда приблизиться — и шамъ живетъ народъ благополучный. Тамъ каждый

ошець семейства естъ владыка въ своемъ домѣ; онъ судитъ возникающіе въ ономъ раздоры, и опредѣленія его сущъ законы, кои не могушь бышь несправедливы; ибо ихъ произносишь любовь родишельская. Если случающся нѣкошорыя несогласія между поспоронними людьми, тогда Священники и спарцы собирающся и рѣшають ихъ; но онѣ весьма рѣдки между гражданами, кошорые равны другъ другу и не знаютъ ни бѣдноспи, ни богашства. Всѣ члены сего небольшого обществя вѣчно заняшы. Я видѣлъ самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвиць и женщинъ, сходящихъ на лугъ и моющихъ, какъ во дни Гомеровы, бѣлье свое въ изпочникѣ; онѣ не огорчающся сею работою, но развеселяють ее пѣніемъ. Только въ шой спранѣ, гдѣ богашый можеть наняшь руки бѣднаго, спыдишся онъ употребляшь свои собспвенныя.

Путешественники, наблюдавшіе нравы покоренныхъ Опшоманами Грековъ, весьма справедливо упрекають ихъ въ обманахъ, вѣроломствѣ и низоспи. Сіи пороки въ нихъ не врожденные, но произшекають ошъ рабства, въ кошоромъ они осуждены жишь.

Обищатели Казоса Греки; но лучъ свободы ихъ освѣщаетъ, и по сему они шрудолубивы, чесны, нувшвишельны и добронравны. Пошлише къ нимъ Кади, Мушевели, Пашу — и они сдѣлающа шакже обманчивы и развращны, какъ и прочіе ихъ соплеменники. Изъ сего замѣчанія можно вывести непремѣнную истину, кошорая должна бы служить основаніемъ для всякаго Правительсшва, что человекъ вообще бываетъ добръ по соразмѣрности удержанныхъ имъ природныхъ правъ своихъ: свободы и собственности; чѣмъ болѣе ихъ у него ощущающъ, тѣмъ куже онъ становится.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Мы пользуемся прекраснѣшею погодою. Небо чисто, и Юговосшодный вѣтръ направляетъ корабль нашъ прямо къ шой пристани, куда спремяшся наши желанія. Удалясь отъ береговъ, мы совершенно потеряли изъ виду землю, и сколько взоры могутъ простирашся, видимъ необозримыя равнины воды и необьяшное пространство небесъ. Какъ величественно сіе зрѣлище!

Какими высокими мыслями наполняешь онѣ
 душу! И человекъ могъ построить сію
 огромную деревянную храмину, коей ввѣ-
 ряешь счастье и жизнь свою! Спокойно сидя
 внутри сего ломкаго убѣжища, кошорое
 червь можетъ пропѣчить, кошорое одинъ
 ударъ раздробить въ щепы, — онъ дерзаетъ
 презирать ярыя волны Океана! Но поди-
 вишесь изобрѣтательному его разуму: онъ
 повелѣваетъ вѣтрами, запусываетъ ихъ въ
 полошню и принуждаетъ направлять по его
 волѣ плавающую его шемницу. Спраниствуя
 отъ одного конца Вселенной къ другому по
 неизмѣримой равнинѣ, безъ признаковъ, мо-
 гущихъ имъ руководствоваться, онъ разсма-
 триваетъ въ небесахъ направленія пуши
 своего. Игла, обращенная къ Полюсу, и зрѣ-
 лище свѣтилъ небесныхъ, возвѣщаютъ ему,
 въ какой спранѣ земнаго шара онъ нахо-
 дится. Черпы и шочки, наблюдательнымъ
 умомъ положенныя на бумагу, показываютъ
 ему острова, берега и скалы подводныя, а
 искусство научаетъ избѣгать оныхъ. Но
 да шрепещетъ онъ вопреки своимъ знані-
 ямъ! Огнь воздушный гошовъ возгорѣлся
 надъ его головою и превратилъ въ пепелъ

его жилище. Бездны морскія разверсны подъ ногами его, и шолщина не болѣе одной доски его ошь нихъ опдѣляетъ! Видя его самонадежность, лзя ли не подумать, что сіе слабое швореніе почищаетъ себя безсмертнымъ? Однако ошь долженъ умереть — онь умреть, и никогда уже не возстанеть.

Письмо четвертое.

Сего дня я вспаль до разсвѣща, чшобъ видѣшь возхожденіе солнца. Зрѣлище сіе въ открыномъ морѣ, ешь восхищительнѣйшее изъ всѣхъ, кои щедрая Природа предшавляетъ очамъ челоувѣка. Посптаруюсь избразишь его, если не со всѣмъ великолѣпіемъ, какое оному прилично, шо по крайней мѣрѣ, сколько возможно, со всею шочносною.

Небо ясно, погода тиха, пріянная свѣжестъ разливается въ воздухъ. Легкое дыханіе попушнаго вѣперка плавно колышетъ насъ въ волнахъ. Ничшо не возмущаетъ царствующаго на водахъ молчанія. Оно распростирается ошь Восшока до Запада.

Нѣсколько звѣздочекъ, блистающихъ на шверди, скоро сокроются. Уже первые лучи дня проникають сквозь синевашные пары, облекающіе небосклонъ. Ночь, удаляясь къ Западу, совокупляетъ во едино убѣгающіе свои мраки. Воспокъ мало по малу проясняется. Онъ мечетъ по всему пространству воздуха бразды свѣша, кои оспавляютъ пурпуровые слѣды на лазуревомъ сводѣ неба. Зрѣлице перемѣняется съ каждою минутою; предметы освѣщаются болѣе и болѣе; цвѣты спановящся ярче. Но какое явленіе поражаетъ мои взоры? — Тысячи златыхъ лучей летятъ изъ одной почки и разсыпаются въ воздухъ; Воспокъ загорѣлся; солнце является. Я вижу свѣшозарный кругъ его на небосклонѣ: кажется, будто оно выходитъ изъ нѣдръ водныхъ и на минушу оспаешся на гладкой ихъ поверхности, какъ бы на пронѣ своемъ. Какіе потюки пламени произтекають отъ него! Зрѣніе ими ослабляется. Какъ величественно подымается оно надъ водами, коперыя освѣчивають образъ его въ безчисленныхъ видахъ! И такъ сіе-то есть великое свѣшило міра? Явленіе его даетъ новую жизнь

чувствительнымъ швореніамъ и радость
вливаетъ въ сердца. Привѣтствую тебя,
прекраснѣйшее свѣтило мірозданія! Славлю
высокую Десницу, начершавшую путь твой
въ небесахъ!

Письмо пятое,

Пять дней уже пропекло со времени
отбытія нашего изъ Александріи, и вѣтеръ
всегда былъ для насъ попушный. Еслибъ
онъ дулъ по сильнѣе, то мы скоро были бы
уже въ Кандіи; но онъ всегда былъ шакъ
слабъ, что мы едва сдѣлали половину наше-
го пути. Никогда я не видалъ моря въ такомъ
спокойствіи; мы плывемъ безъ качки, безъ
попрысеній корабля, какъ будто бы внизъ
по теченію рѣки. Сей образъ плаванія
весьма пріятенъ. Сидя подъ наметомъ, ко-
торый защищаетъ насъ отъ солнечнаго жа-
ра, и прохладаясь зефиромъ, рѣввающимся
въ корабельныхъ снастяхъ, мы подвигаемся
почти непримѣнно впередъ. Не смотря на
медленность нашего плаванія, если шонъ
же самой вѣтеръ продолжится еще цѣ-
лую ночь, то мы завтра же будемъ близъ

Родоса; а опшолъ до Криша переѣздъ весьма не далекъ.

До пяти часовъ вечера мы наслаждались прекраснѣйшею погодою. Но мало по малу Западъ нахмурился. Пары, будучи сперва легки и шонки, сѣплялись, собрались, сгущились; шеперь образуешь гряду мрачныхъ тучъ, копорья, подобно горамъ, скрывающъ ошъ насъ послѣднїе лучи заходящаго солнца. Не предвозвѣщаетъ ли эшо бурю? Наши мореходцы шого опасаются. — Увидимъ.

Письмо шестое.

Опасенїя наши были не напрасны; вѣшерь перемѣнился. Не Воспочный Зефиръ насъ уже сопровождаетъ: сильная буря, вырвавшись изъ Запада, прогнала его къ знойнымъ степямъ Азїи, и подобно швердой преградѣ сопротивляется нашему плаванїю. Вошще мы боремся съ ея буйшвомъ: ничшо не помогаешъ — и мы удаляемся назадъ, вмѣшшо шого, чшобы подвигаться впередъ. Черныя тучи заслонили ошъ глазъ на-

шихъ солнце; пѣна носилъся по зыблямъ буншующаго моря; волны съ ревомъ ударяють въ бока корабля; въперъ ужасно свищешь въ снастяхъ. Отъ чрезмѣрнаго напряженія парусовъ съ шрескомъ переры- вающа веревки; мачты, отъ сильнаго качанія скрипятъ, и всѣ части корабля спускають имъ опивѣчаютъ. Всякую минуту намъ кажется, что корабль нашъ распадается пополамъ.

Служилели корабля въ заботахъ; Капитанъ съ крикомъ отдаешь имъ повелѣнiя. Самый опытный изъ нихъ править рулемъ; другiе натягиваютъ канаты; иныя, уцѣплясь за конецъ райны, навиваютъ паруса, и качаясь съ колебанiемъ корабля, сгибающа дугою на воздухъ, оплешающа ногами около веревки, а руками работаютъ, съ опасностiю въ одно мгновение бышь сорванными порывомъ вѣтра и повергнушь въ море.

Вопъ уже семь дней, какъ мы беспре- станно лавируемъ, и все безъ пользы. Нашъ отбрасываетъ назадъ; и если сiе продол- жишь, то мы принуждены будемъ при- спастъ или къ Кипру, или къ берегамъ Си-

ри. Сей непріятный случай открылъ мнѣ, что судно наше весьма тяжело на ходу, а правящіе онымъ мореходцы ничего не смыслятъ. Они сосшоятъ изъ Грековъ, копорые худо знаютъ свое дѣло, и выполняютъ его весьма медлѣнно. Никогда не могли они править прошивъ вѣтра, и каждый разъ, принимаясь за веревки, они перяютъ гораздо болѣе времени, нежели сколько выгрывають его своими маневрами. Капишанъ не больше ихъ свѣдуецъ: ни разу не снималъ онъ высопы; на корабль его не сыщешь ни окшанша, ни квадранша, ибо онъ не знаетъ употребленія сихъ инструментовъ; морская карта вовсе ему не извѣстна, равно какъ измѣреніе корабельнаго хода. Словомъ, это настоящій хозяинъ барки, который плаваетъ на удачу, днемъ по печенію солнца, а ночью по звѣздамъ. Если небо пасмурно, то онъ правитъ, какъ умѣетъ, по компасу, коего не знаетъ даже склоненій: кажется, что онъ одинъ изъ древнихъ Греческихъ мореходцевъ; я даже готовъ думать, что онъ былъ при осадѣ Трои, и что какой нибудь баснословный богъ возвратилъ ему жизнь именно для того, чтобы

увѣришь насъ въ правдоподобіи вѣковыхъ спрансшвованій, на кошорыя осуждены были Герои Гомеровы. Какъ бы по ни было; но я сомнѣваюсь, чшобъ мы скоро могли до-стигнушь до Кандіи.

Наши мѣры приняшы; мы прощаемся до времени съ островомъ Кришомъ. Наскуча щещенно боролсья съ прошивящеюся судьбою; мой Зантіюшъ пворошилъ къ Малой Азіи. „Мы сыщемъ, говоришь онъ, убѣжище въ какой нибудь приспани; а когда погода будешъ намъ благопріяшнѣе, тогда снова пу-сшимся въ свой пущъ.“ — Онъ не знаетъ еще, въ какомъ шочно мѣсшѣ мы приспа-немъ; но какъ скоро примѣшишь землю, то уношребишь всѣ усилія, чшобы не попере-ряшь ее изъ виду. Вошь какъ Греки пла-ваюшь по морю! Чшо касаешся до меня; шю я начинаю разкаивашься, чшо рѣшилс я плышь съ шакимъ искуснымъ пушеводителемъ; но жребій брошенъ — и должно ему покоришься. —

О. Соловб.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ УЛЛИНА.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОССІАНА.)

Куда пропекшихъ дней дѣянія сокрылись?...
На мрачныхъ времени промчались крылажь,
Въ пучинѣ вѣчности безмолвно погрузились,
И только память ихъ живешь у насъ въ сердцахъ!

Такъ разливаешь сѣдой шумань въ равнинахъ,
Такъ сокрываешь онъ лѣсиспый доль ошь глазъ,
И *Моры* дикія ложится на вершинахъ.
Но оживилъ меня вновь пѣснопѣнья гласъ.
Внемли же, Оссіанъ, шы лирному бряцанью:
Оно со струнь моихъ польещя для тебя,
Да пишу швоему я дамъ воспоминашю,
Да обращу швое вниманье на себя!

Я нѣкогда взошелъ на Гландрскую вершину,
Чтобъ Карбры мрачную пещеру посѣшить.

Тамъ раздавался ревъ текущихъ водъ въ стременину;

Сраженный ужасомъ, я не дерзаль вступить.

Густые облака чело горы скрывали;

Въ ущелинахъ ея утесовъ съ быстротою

Клубяся, шумныя внизъ рѣки упадали;

Сожженны молніей на сей скалъ крушой

Поверженны древа повсюду взоръ встрѣчаешь.

Тамъ пѣни Випязей собираются толпой;

Въ часъ ночи пѣнье ихъ пустыню оглашаетъ,

И съ ними слышится звукъ арфы золотой.

Съ закатомъ солнца я достигъ вершины страш-
ной.

И тамъ въ уныніи ночь цѣлую провель;

Повсюду вой звѣрей, крикъ вѣщихъ птицъ ужа-
снѣй

Я съ трепетомъ внималъ. Вдругъ вѣтеръ засви-
стѣлъ

Въ разсѣдинахъ горы, и буря съ нимъ возстала;

Посыпался съ небесъ шумящій, крупный градъ;

Пещера дикая разпреснувшись спонала

И съ ребръ своихъ лила ревущій водопадъ.

Гремѣлъ ужасно громъ; удары прерывая,

Утесъ далекій звукъ со шрескомъ повпоралъ,

И яркій въ шемношѣ лучъ молнии сверкая

Ожупощенія карнишу освѣщала!

Но скоро онъ угасъ; исчезла тѣма сгущенна;

На небесахъ заря водовгла свѣдѣній шронъ,

И солнце, жакъ какъ мѣдъ въ горнилѣ разформенна,

Спезею огненной взошло на небосклонъ.

Всё озарилось блестящими лучами,

И съ ужасами ночь за горизонтъ зашла;

Лишь утренній шуманъ дымился надъ водами,

Касаяся небесъ лазурнаго чела.

Тамъ у подошвы горъ, равнины пропняженныя

Волшебный счастья видъ являли для людей,

И синій Океанъ, грозой не возмущенный,

Осыпанъ пурпуромъ сверкающихъ лучей,

На лонъ шишины, дремалъ, не колыхаясь!

Сей видъ разительный душою овлаждалъ;

И я, премѣною въ Природѣ наслаждаясь,

Въ восторгѣ пламенномъ, взялъ арфу и воспѣлъ:

„Почто, о человекъ, забоишься всечасно?

Почто влачишь всегда въ уныньи жребій свой?

Тордишься крѣпостью ты силъ своихъ напрасно:

Могущество — мечпа, и слава — блескъ пу-
стой!

„Простри надъвину власнѣ надъ бурными
морями,

Реки: умолкните! иль солнцу повели,

Когда оно печенъ надъ нашими главами,

Остановившись въ мигъ, и путь опредѣли!

Велѣнія твои пребудушь бесполезны.

Каплятся быстрыя льна своей спезей,

И года времена, свершая круги звёздам
 Переменяются не властію своею.

Отрадный солнца блескъ за бурей наступаешь.
 Вьщай, простира свой взоръ на синій небосклонъ,
 За чѣмъ Природа такъ чудесный ходъ свер-
 шаешь?

Непостоянство, знай, всеобщій есть законъ!

„Остановись! взгляни на гору величаву,
 Кошорая, какъ Царь, среди луговъ спойшь,
 Съ презрѣніемъ смотря на дальнюю дубраву;
 Но время и сію твердыню сокрушитъ;
 И на обширный доль, кошорый попираешь
 Силою своею, она обрушится, падеть!

„Вотъ дѣва красотою небесною блистаешь,
 И взоры Випязей младыхъ къ себѣ влечешь.
 Какъ благовоніе весеннею порою
 Роскошные цвѣтшы лѣютъ среди полянъ,
 Такъ дышетъ всё вокругъ ней невинностыю сла-
 пою,

И зыблется покровъ на персяхъ, какъ шумань.
 Прелестные глаза огнемъ любви сверкають,
 Какъ сирѣбы молніи, горящей въ облакахъ;
 Ланишы нѣжныя, какъ розы разцвѣтають;
 Какъ свѣтлый лучъ зари — улыбка на устахъ!
 Къ прекрасной юношѣ шекающей полпами;
 Она идетъ ередъ ниль съ возвышеннымъ че-
 ломъ.

Такъ полная луна, окружена звѣздами,
 Царицей шествуетъ на сводъ голубомъ! . . .
 Но молодость пройдетъ — и времени дыханье
 Цвѣтущую красу прелестной помрачитъ,
 И охладивъ сердца, на вѣкъ очарованье
 Съ волшебной цѣпью опъ дѣвы улепнеть,
 И пламенникъ любви предъ ней не возгорится!

„Такъ разрушеніе—одинъ удѣлъ всего!

Не къ счастью челоуѣкъ въ печальный міръ ро-
 дится,

И тучей бѣдствія мрачатся дни его!

Но мудрость намъ велитъ хранить покой сер-
 дечный,

На жребій не ропшать, законъ Природы чтить,

И бремя горестей въ сей жизни скоротечной

Съ душевной твердостью и мужествомъ сно-
 сить!

А. Н.

К Ъ Х Л О Ъ .

ПРИ ПОСЫЛКѢ КРАСОКЪ.

~~~~~

Вотъ, Хлоя! краски здѣсь различны,
 Къ изображенію всего приличны:
 Лазоревой—пищи лазурь небесъ;
 Зеленою—луга, поля, веселый лѣсъ.
 Ты можешь всѣ красы Природы:
 Младья нивы, рѣзвы воды,
 Искусной кистью рисоватьъ;
 Но ты должна во всеи Природѣ подражать!
 Захочешь — и рисуй, но зиму намъ съдую,
 Природу дремлющу, унылую, пущую,
 Безлиственны древа въ гремящихъ хрусталахъ;
 То живо напиши, какъ въ люпы морозы
 Безмолвные ручьи въ алмазныхъ спящихъ цѣляхъ;
 И шамь, гдѣ на цѣвшахъ сіяли утра слѣзы,
 Звѣздятся инеи, сверканьемъ взоръ слѣпяшь,
 И снѣжно-серебряны равнины,
 Алмазной пылью осыпанны, горятъ!
 Представь, какъ по полямъ разсѣяны споятъ
 Въ кудрявыхъ инеяхъ вѣшвыспы исполины;
 Ты зимній день представь во всѣхъ его красахъ,

Какъ блестяще зеркала въ серебряныхъ лѣсахъ...!

Но лучше я люблю плѣняться тучной нивой,

Которую браздишь рукой трудолюбивой

Веселый пруженикъ, прилѣжный селянинъ,

Пишатель нашъ, Природы сынъ.

Представь мнѣ лугъ молодой, одѣтый шкандю

нѣжной,

Представь надъ нивой млечно-снѣжной,

Богато убранной жемчужною росой,

И благовонный паръ, и пчель жужжащицърой!...

Въ досугъ переходя къ предмету ошь предмета,

Рисуй, по юный Май, по блескъ златаго лѣта.

Представь, какъ дышетъ всё прохладой въ ран-

ній часъ;

Какъ въ серебряныхъ клубахъ по въирамъ дымъ

капится;

Какъ въ сизыхъ сумеркахъ, къ очарованью глазъ,

Лилый край небесъ зарей, какъ жаръ, пла-

вится!

Рисуй красы земли и свѣщды небеса:

Какъ солнце медленно опходитъ за лѣса,

И въ алыкъ Запада волнахъ купался,

Надъ темной чащею дубовъ

Возсѣвъ; и въ златѣ расширяясь,

Ошь засыпающихъ холмовъ

На мигъ вечерни мраки гоняшь;

Но мигъ еще — и всё въ моряхъ тумановъ по-

ветъ!...

Представь, как сходишь въ міръ ночная ти-
шина,

И полная луна

Безмолвно выступя на голубыя воды,

На синій дѣсь,

На доно дремяющей Природы

Съ высоту небесъ

Набросишь сребрянныя шкани.....

Иль въ перемѣ представь, въ мечтаныи подь
окномъ,

Унылую красу. Глава склонилась къ длани,

Чуть сонъ допронулся чела ея крыломъ,

И стихли на устахъ о миломъ ей молишвы,

И на очахъ еще сверкаеть бисеръ слёзъ!

Но вошь поля гремящей битвы:

Звучить спеняцій доль, дымится край небесъ,

И груди пѣлъ обшекъ поптокъ кровавѣй.....

Исчезла брань, и змигъ предестниій, величавый

Герой, съ вѣщемъ къ ея ногамъ!

Она проснулась!... Если жъ намъ

Захочемъ подарить ты образъ дѣвы нѣжной,

Съ улыбкой ангельской, съ душою безмятеж-
ной,

Которая родство и дружбу полюба,

Имей любяи еще не знаетъ,

Влечеть къ себѣ сердца, но ими не играетъ...

Тогда въ портретахъ семъ представишь ты —
себя!

Вѣдоръ Глинна.

Р О М А Н С Ъ.

Маршъ любимый напѣвая
 Храбрый ратникъ молодой,
 Шель усталости не зная
 Въ отпускъ видѣшься съ роднёй,

* * *

„Долго съ ними не видался,
 „Чай меня ужъ Лиза ждётъ;
 „Ахъ! давно я съ ней разстался —
 Онъ лезишь — а не идешь.

* * *

Ужь денница освѣшила,
 Красоты родимыхъ мѣстъ,
 И лучемъ позолотила
 Колокольни ближній крестъ.

* * *

Онъ спѣшивъ и достигаетъ
 До кладбища поселянъ;
 Передъ нимъ вдали мелькаетъ
 Деревушка сквозь шумань. —

* * *

Онъ на мѣстѣ погребенья
Гробы праошцевъ узналъ;
Полный въ сердцѣ умиленья,
На козѣни рапникъ палъ.

* * *

Палъ близъ свѣжей онъ могилы
И Творца благословишь.

„Скоро я увижусь съ милой:
„Богъ насъ съ ней соединишь.—

* * *

„Скоро Лизанька обнимешь
„Пришлеца во край родной!
„Поспѣшу— „вспаешь и видишь,
Лизы дѣдушка свдой

* * *

Близъ могилы — Кровь заспыла.
„Лиза гдѣ? — „Спарикъ молчишь.
„Гдѣжь она? — „Ахъ! вопъ могила,
Лиза здѣсь швоя лежинь!

* * *

Ни полслова—Цепенѣешь,
И слезинки нѣшь изъ глазъ;
Онъ колеблется — блѣднѣешь —
— „Не видашь мнѣ боѣв васъ

* * *

„О родные въ свѣтѣ бѣломъ:
„Дѣдушка! проснись со мной!
„Разлучится духъ мой съ шѣломъ,
„Я умру въ сираиѣ чужой!

Въ поле чести заслываеши,
 Въ сердцѣ съ мрачною поскою;
 Онъ дружины досидаеши —
 Воспылала брань съ зарёй.

* * *

Жаждеть рашникъ;—Сей минушой
 Роковой свинець лепишь,
 И средь пыла брани люшой
 Храбрый юноша — убишь.—

В А С И Л Е К Ъ.

Въ роскошномъ цвѣтницѣ весной,
 Склонясь смиренно межъ правою,
     Душистой Василёчикъ цвѣлъ. —
 Въ часъ утра Майскаго гуляла,
 Прелестна Лида, вспавъ съ зарей,
 Румянцомъ розы помрачала,
 Лилей бѣлизной своей. —

Ахъ! еслибъ, мыслишь Василёчикъ,
 Я былъ прелестнѣе цвѣточикъ,
     И такъ какъ роза расцвѣтала. —
 Хотя на минушу — и не болѣ —
 Пока прелестная сорвешь —
 Пока къ груди своей прижмешь,
 Чтобъ мигъ пожишь, въ щасливой долѣ!

Но Лида возгордась красотою,
 Цвѣтовъ пѣняясь неспротою,
     Стопшала скромный Василёкъ. —
 Припавъ цвѣточикъ въ восхищенъ

Къ ногамъ красавицы своей—

Сказалъ: „Мнѣ слаще смерть отъ ней,

Чѣмъ хладное пренебреженъ!“—

Порф. Лобойковъ.

П Ъ С Н Я.

Долголь, Лизанька, напрасно
 Всѣхъ тебѣ прекраснѣй бышь?

Долголь, долго ли всечасно
 Всѣхъ лѣнннать, и не любишь.

Ты всему предпочитаешь
 Дружбу, коей ты живешь;
 А любовь, ее не знаешь,
 Только въ пѣсенкахъ поешь.

*

Иль ты думаешь, что можно
 Погодишь еще любишь? —
 Нѣтъ, откладывая не должно:

Вспомни время какъ лепишь.
 Ты видала, какъ цвѣточки
 На окнѣ своемъ цвѣтушь,
 Какъ ихъ нѣжные листочки
 Скоро вянушь — и падушь.

*

Еслибъ такъ любило время
 Милыхъ дѣвушекъ какъ я;
 Спарыхъ лѣшь тяжело бремя
 Миновало бы тебя.

Ты бы възкъ не пресничала
 Быть прекрасной ни на часъ;
 Нашихъ правнуковъ прельщала,
 Какъ теперь прельщаешь насъ.

!

Но увы! жестоко время
 Не щадитъ и красоты,
 Какъ уноситъ въперъ семя,
 Такъ оное ея черты.

Иль въ швоей, ни мыслишь, волѣ
 Все пятнапцати лѣтъ бытъ?
 Ахъ не мысли — будешь болѣ,
 Лизанька..... нора любить.

Гр. С. Салтыковъ.

ГОРА, ДОЛИНА И СОЛНЦЕ.

БАСНЯ.

Скрываясь въ облакахъ огромной вершиной,
 Кавказская гора предъ злачною долиной
 Гордилась высокою,
 Окрестъ видая взоръ презрѣнья.—
 „Кичливость щепетная достойна сожалѣнья!“
 Сказало солнце ей, бросая лучъ златой
 Надъ дикими горами.
 „Напрасно ты своей гордишься высокою,
 „Стоя подъ облаками,
 „Гдѣ ужасовъ однихъ явлешь видъ
 „И мрачную для глазъ картину.
 „Взгляни на скромную долину,
 „Что предъ тобою лежишь
 „И взоры спранника манишь.
 „Она въ безвѣстной низкой доли
 „Пріятнѣй для моихъ очей;
 „Тамъ ручейки въпровь по волѣ;
 „Сливаясь въ одинъ, спруются средъ полей
 „И жазвы влагою прохладной окропляютъ;

„Тамъ шумныя спада разсѣянно гуляють,
„Питаясь мягкой правой;
„Поселяннѣ, въ кругу семьи родной
„Тамъ ниву пожинаешь
„И плодъ обильный собираешь
„Рачительной рукой!
„Взгляни и не гордись своею высотой!“

Ал. Дуропъ:

С М Ъ С Ъ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

(Продолженіе)

Физиологическая система Доктора Галля и Шпурцгейма, основанная на анатомическомъ и физиологическомъ изслѣдованіи нервной системы вообще и мозга въ особенности, показывающая расположеніе и дѣйствіе души. Сог. Шпурцгейма, Доктора Медицины. Съ приложеніемъ 19 объяснительныхъ рисунковъ. Лондонъ и Эдинбургъ, 1815. XVIII. и 571. стр. (The physiognomical System of Dr. Gall and Spurzheim, и пр.)

Галлево черепословіе и живописный магнепизмъ давно уже обращали на себя вниманіе Антропологовъ, врачей и всей просвѣщенной публики. Обѣ сіи системы основаны на созерцаніи пред-

предметовъ подлежащихъ внутреннимъ и внѣшнимъ чувствамъ; но души, избранные ими, совершенно противоположны. Докторъ Галль назначаетъ для каждой способности человѣка известное количество мозга, которое именуетъ онъ органомъ, и раздробляетъ сіи органы по качеству предметовъ. Защитники же Месмеровою системою, основаніемъ чувственныхъ способностей полагаютъ общее ощущение, распространенное по всей нервной системѣ и усиленное при высшей степени магнетическаго состоянія. Предметъ Галлевою системою есть изслѣдованіе спроста и опдравленій нервъ вообще и въ особенности мозга. Галль преподавалъ свое черенословіе, сперва въ Вѣнѣ, потомъ путешествуя съ соупникомъ своимъ Докторомъ Шпурцгеймомъ, спарался распространить оное во многихъ городахъ Германіи и напослѣдокъ въ Парижѣ. Здѣсь предложилъ онъ начертаніе сей системы опъ имени своего и Шпурцгейма на испытаніе памошняго Императорскаго Инспитупа, но не приобрѣлъ его одобренія. Докторъ Шпурцгеймъ оскорблясь симъ случаемъ распался съ наспавникомъ своимъ и опправился въ Англію, гдѣ написалъ разсматриваемое сочиненіе.

Сочинитель во вступленіи говоритъ, что ученіе сіе споспѣшествуетъ къ ближайшему познанію человѣческаго естества; что сочиненія, содержація изслѣдованія сего предмета на-

полнены большею частью анатомическими описаниями: ибо гораздо легче разсматривать мускулы и кости, нежели нервы; а потому анатомическое и физиологическое познание нервной системы и мозга, всегда шествовало медленными шагами; — испытатели человеческой природы не принявъ въ руководство здравую философію, не стараясь углубляться въ произхождение нервовъ и мозга и оставляя въ небреженіи сравнительную Анатомію сихъ частей, не могли достигнуть почтаго и основательнаго познанія оныхъ: опы сего наспоющія изслѣдованія нервной системы представляють токмо рядъ заблужденій.

Первая часть сего сочиненія содержитъ Анатомію нервной системы вообще и въ особености мозга, а вторая Физиологію нервной системы. Рецензентъ разсматриваетъ объ сіи части подробно, какъ въ Медицинскомъ, такъ и Психологическомъ отношеніи; мы ограничимся только послѣднимъ. —

Всё сотворенное представляетъ намъ или душу, или вещество. Духъ извѣстенъ намъ столько, сколько постигаемъ его чувствами. Сущность матеріи удобнѣе постигнуть, нежели существо духа. Сочинитель изслѣдовавъ сіи положенія, раздѣляетъ дѣйствія (*functiones*) человека на два рода. Къ первымъ принадлежатъ тѣ, кои происходятъ посредствомъ организма

безъ участія умственныхъ способностей; ко вторымъ тѣ, кои-составляютъ дѣйствія души. Первые суть врожденные, поелику и самый организмъ врожденный. Способности живоной жизни раздѣляются на четыре степени: свободное движеніе; внѣшнія чувства; склонности и ощущенія; умственные способности.—Качество способностей зависитъ отъ устройства органовъ; въ доказательство приводить онъ, что обнаруживаніе душевныхъ способностей имѣетъ тѣсное соотношеніе съ поломъ и принимаетъ въ помъ и другомъ особенный характеръ. Почти шаковыя же основанія зависимости духа отъ тѣла, приведены *Касманномъ* въ его антропологической Психологій (изданной на Ламп. въ 1594) и *Лейбнемъ* въ сочиненіи о сокровенныхъ чудесахъ природы (lib. 1. de occultis naturae miraculis). Попомъ изслѣдуетъ вопросъ: отъ какихъ именно частей организма зависитъ обнаруживаніе живоной жизни вообще, и управленій ея въ особенностяхи? Доказавъ, что оно не зависитъ ни отъ всего тѣла, ни отъ внутреннихъ, ни отъ внѣшнихъ чувствъ, онъ утверждаетъ, что мозгъ есть органъ чувствования и умственныхъ способностей. Говоря объ особенныхъ органахъ мозга, какъ о вмѣстителяхъ различныхъ способностей душевныхъ, свидѣтельными многими писателями доказывается, что ученіе сіе весьма древнее.

Приступая къ изъясненію внутреннихъ способностей и ихъ органовъ, говоришь о посредствѣ (intermediüs), чрезъ которое внѣшній міръ дѣйствуетъ на внутреннія способности, а сіи на внѣшніе предметы. Первое происходитъ посредствомъ сихъ же чувствъ и произвольнаго движенія. Далѣе изъясняетъ свойственность чувственныхъ органовъ, ш. е. глазъ и ушей и единство впечатлѣнія или созерцанія ими доставляемаго; потомъ перешедъ опъ внѣшнихъ чувствъ къ внутреннимъ органамъ души, выводитъ слѣдующее положеніе: каждая душевная способность имѣетъ особенный органъ: а) существующій въ животноныхъ одного рода; б) различный въ обоихъ полахъ того же рода; с) не имѣющій соразмѣрности съ силами другихъ способностей того же существа; d) обнаруживающійся въ одно время съ другими способностями и открывающійся и исчезающій ранѣе, или позже прочихъ; е) единственно дѣйствующій или покоющійся; f) переходящій опъ родителей къ дѣтямъ и g) находящійся единственно въ здоровомъ, или болѣзненномъ состояніи. Особенности способности естественныиспытатели раздѣляются обыкновенно на два рода: на ощущенія и умъ. Ощущенія суть склонности и чувствованія, а умъ — сила познанія и разсудокъ. Различныя склонности обнаруживаются посредствомъ известныхъ органовъ, кои получаютъ опъ нихъ

свои наименованія. Къ органамъ ошущеній принадлежишь: органъ любви къ дѣтямъ, врильзанности, испишельности, разрушительности, любостяжанія, скрытности, самолюбія, добродушія, рѣшительности и пр. Къ органамъ ума принадлежать: органъ нераздѣлимости (individualitas), формы, величины, вѣса, цѣнны, пространства, порядка, времени, числа, звуковъ, языка, сравненія, подражанія и пр. Галль замѣнилъ, что у шѣхъ, кои легко выучиваютьъ науку, глаза весьма выдались. Шпурцгеймъ говоритъ, что владовишность въ словахъ и вообще филологія зависишь ошъ совершенства органа языка. При семъ случаѣ стараются онъ объяснить, какое вліяніе знаки производять на впечатлѣніе предметовъ въ умѣ, утверждалъ, что еслибы мы не имѣли представленій или идей, то бы мы не имѣли и произвольныхъ знаковъ. Послѣ сего разсуждаетъ о различныхъ родахъ дѣятельности особенныхъ чувствъ; о взаимномъ вліяніи душевныхъ способностей въ отношеніи къ нравственнымъ дѣйствіямъ нашимъ; о взаимномъ вліяніи способностей, какъ причинъ различныхъ характеровъ и дарованій; о трудности судишь о дѣйствіяхъ другихъ; о симпатіи и антипатіи; о Пантомимикъ (*). Здѣсь говоритъ онъ о фізіономическихъ признакахъ

(*) Сравни: Geschichte der Literatur der Pantomime von Füllebornъ въ дополненіяхъ его къ Исторіи Философіи.

вообще; раздѣляетъ Мимику или Папногомику на Мимику искусственно движущейся (automaticus) и живописной жизни; послѣднюю раздѣляетъ онъ еще на Мимику внутреннихъ способностей; излагаетъ всеобщія основанія Папногомики; кратко проходитъ различныя системы оной; касается выраженія разныхъ характеровъ и даетъ общее правило для сложной Папномимики, которой предметъ сложные характеры. На послѣдокъ разсматриваетъ челоѵка, какъ предметъ воспитанія, и оканчиваетъ главою о болѣзненномъ состояніи мозга и нарушеніи дѣйствій душевныхъ. Въ заключеніе Рецензентъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о сей системѣ:

Какъ древніе Антропологи, такъ и новѣйшіе Философы почитаютъ мозгъ важнѣйшимъ условіемъ въ обнаруживаніи умственныхъ способностей. Извѣстно и то, что количество и качество мозга имѣетъ тѣсную связь съ обнаруживаніемъ умственныхъ способностей. Докторъ Галль и Шпурцгеймъ почитаютъ также мозгъ органомъ души, хотя не говорятъ сего рѣшительно; но они каждой душевной способности, назначаютъ особенный органъ, и обращая вниманіе на одну только форму и величину, не принимаютъ въ разсужденіе мѣтросой матеріи, ксею мозгъ и нервы проникнуты (fluidum nervorum). Опытъ удостовѣряетъ, что нѣтъ ячеекъ ни одной части мозга, которая будучи

повреждена, нарушила бы опъявление душевных сил (*). Галль и Шпурцгеймъ для подтвержденія своей теоріи приняли произвольное раздѣленіе душевныхъ опособностей. (Вообще въ разсужденіи Психологической части сего сочиненія, Рецензентъ сдѣлалъ много основательныхъ возраженій, а особливо въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ сочинитель прекословилъ метафизическимъ истинамъ, утвержденнымъ долговременностію и общею вѣрою.—Мы бы желали, что бы Нѣмецкіе ученые показали намъ шакже, до какой степени сочиненіе сіе способствовашъ можетъ успѣхамъ Антропологии, Психологии и Драматическому искусству, и въ какомъ опношеніи оно содержица къ Психологии, начершанной Ешенмейеромъ по системѣ магнетизма; спрашно однакожь, что Рецензентъ сравнивая обѣ сіи системы, не упоминаеть о семъ сочиненіи, хотя оно за два года уже вышло въ свѣтъ).

(*) Сравни: Mémoires de l'Académie de Paris 1741 et 1713. — Haller disputat. chirurg. Selectae T. I. — Treubler de vulneribus cerebri; Memoirs of Society of Manchester IV, V. — Beobachtungen der K. K. med. chir. Akademie zu Wien, I. B. S. 15.

П И С Ь М О

КЪ ГРАФИНЬ Н. Н.

къ С . . . . . 3.

Природа одарила васъ, почтеннѣйшая Графиня, такими любезными качествами, такою добротою сердца, что я смѣюсь — или лучше не смѣю вслупать въ споръ съ вами о преимуществѣ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ.

Въ числѣ выгодъ послѣдняго, вы несправедливо неусыпный присмотръ матери за образованіемъ ума и сердца прекрасныхъ мамонокъ, какими по справедливости вы имѣете право гордиться, — присмотръ, котораго лишены они въ мѣстахъ общественнаго воспитанія. Не спорю, что одной только матери природа дала чудесный даръ вдыхать въ юныя сердца дѣлшей чувствительность и нѣжность ощущеній, даръ, принадлежащій не всѣмъ воспитателямъ; великое число пищомцевъ, ввѣренныхъ ихъ присмотру и многія другія обязанности, опнимающъ у нихъ возможность постоянно наблюдать сердечныя движенія юношей.

Такъ, не лѣзя не согласиться съ вами, почтеннѣйшая Графиня! ибо гдѣ почерпнуть доказательства къ опроверженію справедливаго мнѣнія, основаннаго на чувствительности сердца чадолюбивой матери? — За всѣмъ тѣмъ вы столько справедливы, что безсомнѣнія не станете отрицать и той пользы, какою отличаетея общественное воспитаніе. Загляните, Графиня, въ собственное сердце, разберите безпристрастно всѣ поступки ваши съ дѣтьми, и вы конечно согласитесь, что та же нѣжность, та же чувствительность, которая производитъ столько добра въ воспитаніи, имѣющъ и неудобности, вредныя по своимъ послѣдствіямъ. Какое зло производить часто отъ слабости, небреженія и слѣпой горячности впрочемъ чадолюбивыхъ родителей? Это не относится къ вамъ, почтеннѣйшая Графиня, но много ли такихъ матерей, какъ вы? — Преимущество ваше и тѣмъ уже доказывается, что вы ни одного слова не сказали въ письмѣ вашемъ о пищѣ и одеждѣ. При этомъ случаѣ я тотчасъ вспомнилъ прекраснѣйшія и часто повторяемаго вами изреченія: „Одни живутъ для того, чтобы ѣсть, а другіе ѣдятъ, чтобы жить. Одежда ни что иное, какъ обманчивая двусмысленная вывеска.“

Въ сердцѣ воспитателя, — ослѣпленіе и пристрастіе не имѣющъ мѣста. Въ глазахъ его

равны дѣли знаменитаго Князя и бѣднаго без-
извѣснаго дворянина; одни только успѣхи въ
наукахъ, прилѣжаніе и поведеніе различають пи-
шомцевъ между собою: истинное и достойное
уваженія опличіе! — Пусты люди, увлеченные
заблужденіемъ или закоренѣлыми предразсудка-
ми. думаютъ, что въ публичныхъ мѣстахъ вос-
питанія обращается особенное вниманіе толь-
ко на образованіе умственныхъ способностей.
Такіе дальновидцы походятъ на жищелей Гоанго,
которыя не хотѣли вѣрнись, чтобы въ Европѣ
были люди умнѣ ихъ Мандариновъ!

Общественное воспитаніе никогда не отдѣ-
ляетъ разума отъ сердца, обогащая одинъ, и
украшая другое. Оно приготовляетъ юношество
ко всѣмъ обязанностямъ челоука — гражданина.
Правила Вѣры, строгая нравственность, ува-
женіе къ старшему, подчиненность, покорность
вышей власти, все сіе съ самой цѣлшущей
юности вкорнняется въ сердцахъ пишомцевъ.
Тамъ научаются они болѣе любить Отечество
и Государя! — Тамъ начинаются между ними
связи, основанныя на невинности чувствъ, свя-
зи, которыя соединяють ихъ на цѣлую жизнь.

Представыте, Графиня, что люди воспиты-
вавшіеся въ одномъ мѣстѣ, гдѣ никто изъ нихъ
не предпочтенъ былъ иначе какъ за дарованія;
сіи люди, сосздавлявшие нѣкогда одно большое
семейство, становятся въ послѣдствіи чаще

на всю жизнь, какъ бы самыми ближними родственниками! —

Судьбы Вышняго неисповѣдимы! Одинъ продолжаетъ дни свои въ изобиліи, значности и счастіи; другому напротивъ выпалъ жребій поминаться въ бѣдности, неизвѣстности и быть брошену, точно какъ говорится за придевашъ земель въ тридесятое царство. Но вдругъ та же судьба сводитъ сего несчастливца съ другомъ его юности. Они узнаютъ одинъ другаго, вспоминаютъ прошедшее время молодости, мѣсто воспитанія и снова спавшися друзьями въ мужескомъ возрастѣ. — Какая же польза? Одинъ забываетъ шягость жребія своего, ободряется духомъ и примиряется съ судьбою; другой встрѣчаетъ часы невиннаго наслажденія — благодѣтельной дружбы.

Одно слово: мы вмѣстѣ съ нимъ учились, вмѣстѣ возрастали, одно сіе слово сильнѣе всѣхъ прозбъ и убѣжденій.

Вопшъ выгоды общественнаго воспитанія! Присовокупите же къ тому строгій выборъ воспитателей, и вы, безсомнѣнія согласитесь, что частные люди при принятіи воспитателей нерѣдко обманываются въ ихъ качествахъ.

Повѣрьте Графиня! что публичное воспитаніе имѣетъ все преимущество предъ домашнимъ! Эту истину подтверждаютъ вамъ примѣры всѣхъ вѣковъ и народовъ, о чемъ написа-

ны цѣлыя томы in folio, и кажется, что еще сполько же написать можно.

Впрочемъ пробѣгая въ мысляхъ прошедшія ваши о семъ разсужденія и похвалы Спартъ, я невольно признаюсь, что вы съ намѣреніемъ начали со мною эякую ужасной споръ, и, какъ догадываюсь, для того единственно, чтобы заставить меня писать, а эно для жѣнливаго большое наказаніе! —

Вы не можете себя представить восхищеніе мое, когда я вошелъ въ одно изъ здѣшнихъ заведеній общеспвеннаго воспитанія, именно въ Горный Каденскій Корпусъ, послушаю публичнаго испытанія воспитанниковъ. Эно было 20 Генваря, въ понедѣльный день, когда я получалъ письмо вамъ.

Позвольте, добрая Графиня, изобразить вамъ хотя цѣльнѣе этого удовольствія, какое я чувствовалъ въ семъ священныхъ общеспвеннаго воспитанія. —

Испытаніе началось въ 10 часовъ утра и продолжалось цѣлый день; Капихизисъ, Священная Исторія, шодкованіе на Липургію, Евангеліе, Химія съ принаровленіемъ къ Технологіи, Ориклогнозія, Геогнозія, Горная Механика, Горное искусство, Пробирное искусство и Металлургія, составляли предметы сего испытанія. Воспитанники давали весьма удовлетворительныя, полныя и ясныя отвѣты, особливо же пре-

восходно объясняя въ Геогнози движенье водъ на земномъ шарѣ и причины водкановъ, все это обратило особенное вниманіе Преосвященнаго Вишарія Епископа Ревельскаго, Господина Министра Финансовъ и великаго числа посѣпипелей, какъ любопытнымъ содержаніемъ самыхъ предметовъ, такъ и способомъ ихъ изъясненія; чпѣ приносишь особенную честь преподающему Оригногнозію и Геогнозію Г. Соколову. Испытаніе въ Химіи сопровождалось опытами, произведенными Г. Лаборантомъ Власовымъ (описаніемъ жизни копорого, вы Графиня, съ такимъ удовольствіемъ занимались) подѣ наблюденіемъ извѣснаго познаніями своими Г. Профессора Соловьева. Изъ сихъ опытовъ примѣчательнѣйшіе: произведеніе воды чрезъ соединеніе водопнора съ кислородомъ, добываніе Мецалоида, химическая Гармоника и опыты надъ гремучимъ золотомъ и серебромъ.

По окончаніи испытанія въ наукахъ, посѣпиптели разсмапривали рисунки, опыты чисмопписанія и сочиненія воспитанниковъ, свидѣтельствующія объ успѣхахъ ихъ не въ однихъ наукахъ, но и въ изящныхъ искусствахъ; послѣ чего введены они были въ Кабинетъ моделей Горнаго производства и въ Минералогическій кабинетъ, богатый весьма рѣдкими цпшудами, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны окаменелый брусокъ дерева, заключающій внутри себя въ самой сердцевинѣ кости большихъ

живописныхъ, и чрезвычайно огромный кусокъ Ма-
лахипа. Попомъ сошли внизъ, гдѣ осматрива-
ли спальни воспитанниковъ и были при объден-
номъ ихъ столѣ. Превосходный порядокъ, чи-
стопа и даже обиліе, повсюду господствующія,
служили самымъ яснымъ доказательствомъ по-
печеній дѣятельнаго начальства сего заведенія.

Послѣ стола, которыми угощаемы были посѣ-
пители, снова пригласили ихъ въ просторную
залу. Раздалась военная музыка, и длинный строй
воспитанниковъ, въ полной амуниціи, марши-
ровала съ своими Офицерами въ два ряда, про-
ходя мимо посѣпителей.

Музыка ушла — и при привѣщивенныя
рѣчи на Нѣмецкомъ, Французскомъ и Россій-
скомъ языкахъ, произнесенныя одна за другою
воспитанниками, обратили все вниманіе Собра-
тія: послѣдняя изъ нихъ по важности содержа-
нія, красотѣ слога и искусной декламации про-
звѣснѣйшаго ее воспитанника (Г. Пропасова)
приобрѣла особенное одобреніе. — Молодой
Ораторъ, одаренный отъ природы громкимъ и
яснымъ голосомъ, стройнымъ станомъ и укра-
шавшій дары сія еще приличными пѣлодвиже-
ніями, мысленно перенесъ меня въ благословен-
ную страну Аппики, въ знаменитыя нѣкогда
Аеины. — Но вы, добрая Графиня, назовете ме-
ня педантомъ, для котораго всё Греческое и
Римское представляется неподражаемымъ: при-

знаюсь, люблю страну очарованій, — люблю незабвенную Грецію, гдѣ мудрый Платонъ, добродѣтельный Сократъ, краснорѣчивый Демос-тень, величественный пѣвецъ Боговъ и Героевъ Гомеръ, насмѣшникъ Аристофанъ, нѣжный и роскошный Анакреонъ и чувствительная Саффо, блистали въ области ума, подобно свѣздамъ на Іонійскомъ небѣ. — Проснителю, почтеннѣйшая Графиня, мечтны увлекли меня далеко отъ моего предмета!

По окончаніи рѣчей при звукѣ трубъ розданы были самимъ Г. Министромъ Финансовъ отличнѣйшимъ изъ воспитанниковъ золотыя и серебряныя медали, произнесены были имена Кадеповъ, получающихъ другія награжденія, равно какъ выпускаемыхъ по окончаніи наукъ изъ Корпуса и переводимыхъ въ высшіе классы.

Но вошъ являющся на поединкахъ въ тяжелыхъ шлемахъ съ забраломъ рыцари и ужасная свѣча поражаетъ взоры посѣшителей. Отъ будашныхъ мечей ихъ сыплюшся спруею искры. Каждый изъ зрители принимаетъ участіе въ судьбѣ героевъ. Не опасайтесь, добрая Графиня, ни одна капля крови не упала на землю, и чистая спаль не омрачилась ею. — Проснителю поэту, который описывая вамъ испытаніе пшомцевъ въ Фехтовальномъ искусствѣ, перенесся мысленно въ вѣка рыцарства. —

Вособразите себѣ, добрая Графиня, прелесть мира и пищины послѣ гремящей брани! — Вособразите счастье поселянъ, отдыхающихъ спокойно на родныхъ поляхъ своихъ подъ сѣнью безопасности! — Пѣсни свободѣ и радости наполняютъ окрестности! — Все сіе живо и изобразилось въ душѣ моей, когда въ концѣ залы между колоннами, какъ бы въ священномъ портикѣ храма, раздавалась пленительная гармонія. Звуки очаровательной музыки, сліянные съ Ангельскими голосами цѣвцевъ, родили въ душѣ моей какое-то священныйное благоговѣніе. Ахъ, почтеннѣйшая Графиня! не знаю, что бы вы почувствовали, когда бы прислушивались въ этомъ волшебномъ храмѣ, и увидѣли, что эти арписты и цѣвцы — воспитанники Корнуса! —

Едва утихло пѣніе, какъ раздавалась снова музыка и грозные Марсы безъ шлемовъ и всѣхъ воинскихъ доспѣховъ, подобно легкимъ Зефирамъ открыли панцы. Они показывали искусство свое, по въ важномъ Польскомъ, по въ веселомъ Экссезѣ, по въ живой, огненной Мазуркѣ. — Но бѣсъ 9 часовъ вечера — и все видѣнное и слышанное мною исчезло мгновенно, подобно волшебнымъ видѣніямъ.

Признаюсь, Графиня, что я желалъ бы душевно продолжитъ еще сей восхищительный для меня день шоржеспта общественнаго воспитанія. Но въ нашей ли волѣ остановитъ по-

лепѣ невинныхъ и чистыхъ восторговъ? Одно меня огорчало; одно занимало меня? Я искалъ взорами милаго вашего Валеріана, по въ гровныхъ рядахъ воиновъ, по въ бывшѣ рыцарей, по въ срединѣ орапоровъ, по въ хорѣ пѣвцевъ, по въ кругу панцующихъ, и нигдѣ не встрѣчалъ его. Ахъ, ради Бога привезите его въ Столицу и сдѣлайте его гражданиномъ. Я спашусь, чтобы наемники не поселили въ немъ чувствъ эгоизма! — Знаю, что подозрѣніе это не можетъ бытъ для васъ приятно; но вспомните, что я люблю Валеріана, люблю сына обожаемой мною по добродѣтелямъ и уму особы!

Счастливъ Государь, покровительствующій просвѣщенію, счастливъ вельможа употребляющій во благо согражданъ своихъ покровительство Государя, счастливъ воспитатель, умѣющій порученный попеченію его верпоградъ усовершенствовать до такой степени! —

Горный Кадетскій корпусъ находящійся подъ управленіемъ Его Превосходительства Г. Директора Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ Евграфа Ильича Мечникова и обязанъ ему не только усовершенствованіемъ своимъ по учебной и хозяйственной части, но и многими преимуществами во время его управленія, исходящимъ отъ престола Монарха чрезъ Г. Министра Финансовъ. Изъ сихъ преимуществъ довольно упомянушь о полученныхъ Корпусомъ

въ исходѣ прошедшаго года, коими воспитанники онаго въ разсужденіи производсва въ чины по Военной и Гражданской службѣ уравниль съ воспитанниками Пажескаго Корпуса и Благороднаго пансіона, учрежденнаго при Педагогическомъ Институтѣ.

Скажите, добрая Графиня, какъ не назвать Васъ счастливейшею матерью, которая образованіемъ дѣтей своихъ можетъ служить примѣромъ для другихъ матерей?— Но какое пишло придадите вы воспитателю, понимающему въ полнѣ священную обязанность свою— образованія гражданъ полезныхъ въ домашней и общественной жизни,— воспитателю, умѣющему въ великомъ семействѣ своемъ поселить строгую нравственность, — воспитателю, достигшему пайну усовершенствованія общественаго образованія?

Не правдали, Графиня, что мудрецъ Феоклесъ включилъ бы его въ весьма малое число счастливейшихъ изъ смертныхъ, а вы прекратили бы со мною споръ о преимуществахъ общественаго воспитанія предъ домашнимъ?

А.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

1.

Общество, сообразно съ § 22 второй части Устава, долгомъ поставляешь за пожертвованныя для Библіотеки онаго книги, изъявись истинную благодарность свою слѣдующимъ лицамъ:

Флопа Капипанъ - Лейтенанту Владиміру Ивановичу Броневскому за сочиненныя имъ *Записки Морского Офицера, въ продолженіе Компаніи на Средиземномъ морѣ, подъ Начальствомъ Вице-Адмирала Сенявина отъ 1803 по 1810 годъ.*

Извѣстному Сербскому Писателю Вуку Стефановичу за составленный имъ *Сербскій рѣчникъ, содержащій Грамматику и Словарь Сербскаго языка.*

Учителю Санктпетербургской Гимназіи Паспору Гиппингу за изданное имъ на Шведскомъ языкѣ *описаніе Перновскаго Курхшилла въ Финляндіи, и Грамматику Финскаго языка Г. Якова Юдена.*

Равнымъ образомъ Общество доводитъ до свѣденія читателей о слѣдующихъ пожертвованіяхъ для благошворной цѣли поступившихъ:

*

Шпъ Его Превосходительства Г. Почетнаго Члена Гаврилы Андреевича Сарычева . . . . . 25 руб.

При подпискѣ на изданіе Общества:

- Его Сіятельства Графа Сергѣя Михайловича Каменскаго . . . . . 170 —
- Его Сіятельства Графа Дмитрія Николаевича Шереметева . . . . . 70 —
- Его Сіятельства Графа Никишы Пешровича Панина . . . . . 20 —
- Его Сіятельства Князя Николая Григорьевича Репнина-Волконскаго . . . . . 20 —
- Его Превосходительства Пешра Пешровича Пассека . . . . . 20 —
- Его Превосходительства Павла Федоровича Малиновскаго . . . . . 20 —
- Его Превосходительства Семена Михайловича Кочубея . . . . . 20 —
- Его Превосходительства Павла Васильевича Туполмина . . . . . 20 —
- Его Высекородія Николая Ивановича Шредера . . . . . 5 —
- Его Высокоблагородія Дмитрія Николаевича Баншынь-Каменскаго . . . . . 20 —
- Его Высокоблагородія Ивана Федоровича Либенау . . . . . 20 —
- Его Высокоблагородія Саввы Андреевича Москопильникова . . . . . 20 —

Опть Ея Высѣкоблагородія Пелагеи Ивановны Малышевой	70 руб.
— Его Высѣкоблагородія Ивана Ивановича Барышникова	40 —
— Его Высѣкоблагородія Александра Григорьевича Иваненка	10 —
— Ея Высѣкоблагородія Машрены Ивановны Корбелецкой	10 —
— Его Высѣкоблагородія Луккиліана Акимовича Каневского	10 —
— Его Высѣкоблагородія Василия Ивановича Гулака	10 —
— Его Высѣкоблагородія Федора Ивановича Корбелецкого	10 —
— Его Благородія Сергѣя Михайловича Обруцкаго	20 —
— Его Благородія Ивана Яковлевича Яковлева	20 —
— Его Благородія Николая Ивановича Эйха	20 —
— Его Благородія Федора Дмитриевича Пахомова	6 —
— Вятскаго и Пермскаго содынаго Комисіонера Гусева	6 —
— Главнаго Ташанскаго Управленія	10 —

Всѣ сіи пожертвованія приняшы съ признательностію, причислены къ суммѣ на благошвореніе опредѣленной и сохраняются вмѣстѣ съ дру-

ыми взносами. Объ употребленіи сихъ денегъ, Общество извѣстишь чипашелей въ своемъ Журналѣ.

3.

Пятый и послѣдній томъ книги — *Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи*, соч. *Иерузалима*, перев. Г. Крыловымъ, напечатанъ и подписавшимся роздается въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ они получили первые 4 тома. Главное содержаніе 5 тома слѣдующее: *Моисей. — Исходъ Израильтянъ изъ Египта. — Сороколѣтнее ихъ странствованіе въ пустынь. — Моисеево ученіе о Божѣ. — О сотвореніи міра. — О сущности его Религіи и Ея внѣшнемъ устройствѣ и проч.* Цѣна за всѣ 5 томовъ тридцать рублѣй, кромѣ пересылки, за которую прилагаются деньги особо, по мѣрѣ разспоянія. Продающся во всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ и Московскихъ книжныхъ лавкахъ; иногородные могутъ, съ приложеніемъ денегъ, опноситься къ самому издашелю, Кол. Ассес. Тимофью Семеновичу Крылову въ С. Петербургъ въ домъ Г. Дѣйсн. Тайн. Сов. Федора Александровича Голубцова у церкви Владимірскія Богомашери.

ИМЕНА МЪСТЪ и ОСОБЪ,

Благоволившихъ подписаться на сей Журналъ.

Въ Санктпетербургѣ:

Горный Кадепскій Корпусъ . . . . 4 экз.

Коммисія Соснавленія Законовъ.

Канцелярія Г. Министра Финансовъ.

Англинскій Клубъ.

Танцовальный Клубъ.

Ихъ Сіяшельства:

Графъ Дмипрій Николаевичъ Шереметьевъ.

Графъ Манштейфель.

Графъ Сергій Петровичъ Румянцовъ.

Его Высокопревосходительство Дмипрій Прокофьевичъ Троцинскій.

Его Высокопревосходительство Сергій Петровичъ Хипрово.

Ихъ Превосходительство

Павель Федоровичъ Малиновскій.

Викентій Ивановичъ Гольнскій.

Варвара Александровна Колокольцова.

Его Высокородіе Сергій Степановичъ Ланской.

Ихъ Высокоблагородія:

Павель Петровичъ Лукинъ.

Василій Федоровичъ Гудимъ-Левковичъ.

Абрамъ Израилевичъ Перешць.

Дмипрій Ивановичъ Горденинъ.

Тимофѣй Семеновичъ Крыловъ.

..... Волковъ.

Ихъ Благородія:

Александръ Петровичъ Грачевъ.

Софья Дмитриевна Пономарева.

Павель Васильевичъ Поярковъ.

Василій Федоровичъ Мошковъ.

Аспраханскій і гильдіи Купецъ Александръ Петровичъ Сапожниковъ

Санкшпептербургскій купецъ Иванъ Ильичъ Спариковъ.

Въ *Екатеринодаръ*: его Высокоблагородіе Павелъ Федоровичъ Бурсакъ.

Въ *Тамбовъ*: его Высокородіе Николай Ивановичъ Шредеръ.

Въ *Вяткѣ*: Вятскій и Пермскій соляной Комисіонеръ Гусевъ.

Въ *Подольскѣ*:

Его Превосходительство Спаниславъ Ивановичъ Павловскій.

Его Сіяшество Графъ Николай Марпыновичъ Грохольскій. . . . . 2 экз.

Его Высокоблагородіе Гаврииль Креспьяновичъ Кельхнеръ.

Его Высокобл. Яковъ Григорьевичъ Василенко.

Въ *Екатеринославѣ*: Нахичеванскій Армянскій Магистратъ.

Въ Одессѣ:

Ришельевскій Лицей.

Его Превосходительство Иванъ Анофріевичъ Курисъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Осипъ Михайловичъ Флюкки . . . . . 2 экз.

Карль Диперихсъ.

Ихъ Благородія:

Константинъ Лѣвниковъ.

Семень Голиковъ.

Афонасій Кохановскій.

Иванъ Нѣженецъ.

Петръ Ключиковъ.

Фѣдоръ Ковалевскій.

Семень Авраменко.

Карль Вейсъ.

Петръ Варениковъ.

Одесскій Купецъ Димитрій Дума.

Въ *Малмыжѣ*: Его Благородіе Ледшинъ.

— *Олскѣ*: Его Благородіе Федоръ Димитріевичъ Пахомовъ.

— *Орлѣ*: Его Сіятельство Графъ Сергій Михайловичъ Каменскій.

— *Въ Казани*: Его Высокоблагородіе Савва Андреевичъ Москопильниковъ.

— *Вологдѣ*: Его Высокоблагородіе Павелъ Александровичъ Межаковъ.

— *Глазовѣ, Вятской Губ.* Его Высокоблагородіе Корнилевскій.

Въ Псковѣ: Его Высокопреосвященство Архіепіскопъ Псковскій Лифляндскій и Курляндскій Евгеній.

— **Лубнахъ:** Его Высокоблагородіе Пётръ Марковичъ Полторацкій.

— **Ольгополь, Под. Губер.** Его Высокобл. Маршалъ Липинскій.

— **Котельничихъ:** Его Высокобл. Андрей Родіоновичъ Маркаевичъ..... 2 экз.

— **Тулъ:** Его Высокоблагородіе Федоръ Ивановичъ Ташариновъ.

— **Петрозаводектъ:** Его Высокоблагородіе Федоръ Ивановичъ Вушеневъ.

Въ Черниговѣ:

Его Сіяпельство Графъ Илья Васильевичъ Завадовскій.

Его Высокоблагородіе Пётръ Ивановичъ Бороздинъ.

Въ Оренбургѣ:

Его Высокоблагородіе Григорій Федоровичъ Генсъ.

Его Высокобл. Филиппъ Козьмичъ Шапошниковъ.

Его Благородіе Федоръ Ивановичъ Германъ.

Оренбур. Градской глава Пётръ Анфимовичъ Набашовъ.

Купецъ Филиппъ Петровичъ Рѣпинъ.

Въ Каширѣ: Александръ Андреевичъ Змиѣевъ.

Въ Переяславлѣ:

Ихъ Высокоблагородія :

Александръ Григорьевичъ Иваненко.

Машрена Ивановна Корбелецкая.

Лукилліанъ Акимовичъ Каневскій.

Василій Ивановичъ Гулакъ.

Главное Ташанское Управленіе.

Въ г. Бѣлоль: Его Благородіе Сергѣй Михайловичъ Обруцкій.

— *Московъ:* Его Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Барышниковъ.

Въ Смоленскъ:

Его Превосходительство Баронъ Казимиръ Ивановичъ Ашъ.

Ея Высокоблагородіе Пелагея Ивановна Малышева.

Ихъ Благородія.

Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ.

Маркъ Захаровичъ Аршеневскій.

Александръ Николаевичъ Аничковъ.

Въ Юхновъ: Его Благородіе Николай Ивановичъ Эйхъ.

— *Ельнѣ:* Его Превосходительство Петръ Петровичъ Нассекъ.

— *Гжатскъ:* Его Сіятельство Графъ Никиша Пепровичъ Панинъ.

— ————— Купецъ Иванъ Степановичъ Цервишиновъ.

— *Тосери:* Его Высокородіе Алексѣй Николаевичъ Абрамовъ.

— *Кашинѣ:* Его Высокоблагородіе Петръ Ивановичъ Цвилень.

Въ Новгородѣ:

Его Превосходительство Алексѣй Николаевичъ
Пошаповъ.

Его Высокородіе Владиміръ Сергѣевичъ Фили-
моновъ.

Его Высокоблагородіе Пётръ Ивановичъ Балле.

Его Высокобл. Василій Платоновичъ Трубниковъ.

Въ Полтавѣ:

Его Сіятельство Князь Николай Григорьевичъ
Рѣпинъ-Волконскій.

Ихъ Превосходительства:

Семень Михайловичъ Кочубей.

Павель Васильевичъ Туполаминъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Дмитрій Николаевичъ Бантышь-Каменскій.

Иванъ Федоровичъ Либенау.

(Продолженіе въпредъ).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

п'ятої частини.

ПРОЗА:	Стр.
Зиновій Богданъ Кмельницькій, или осябожденная Маллоросія	1,129.
Поѣздка на Илецкую Защипу	17.
Моровая зараза во Флоренціи (изъ Боккаччо)	39.
О философіи Англичанъ (изъ сочиненій Г. Сталь)	171.
О волканахъ	195.
Свѣтъ (изъ соч. Дюфрени)	203.
О вкусѣ и его вліяніи на словесность и нравы	275.
О спраши къ снѣжкомверстѣю	290.
Удовольствія (изъ соч. Григори)	300.
Нѣчто о пляскѣ	309.
Письма Савари къ Гжѣ *** о Греціи	319.
СТИХОТВОРЕНІЯ:	
Смерть Колинъи (отрывокъ изъ второй пѣсни Генриады)	51.
Стихи въ Альбомъ	56.
Посланіе къ А. Н. О.	58.
Тоска по родинѣ	62.
Соловей и яспребъ (Басня)	65.
Мадригаль	66.
Исторія	67.

Ода на вторую побѣду Графа Вынгенштейна на при Клястицахъ	209.
Къ Портрету ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫ- СОЧЕСТВА Великой Княгини АЛЕКСАН- ДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ	214.
Ошибка Лины	215.
Отважность любви	217.
Посланіе къ N.	221.
Воспоминаніе (<i>Притча</i>).	223.
Сова и пѣтухъ (<i>Басня</i>)	225.
Пѣснь Улина (изъ Оссіана)	334.
Къ Хлоѣ при посылкѣ красокъ	359.
Романсъ	362.
Василёкъ	365.
Пѣсня	367.
Гора, долина и Солнце (<i>Басня</i>)	369.
С М Ъ С Ъ.	

Матеріалы для Исторіи просвѣщенія въ Рос- сіи	69, 226.
Иностранная Словесность	109, 371.
Письмо къ Графинѣ N. N.	379.
Извѣщенія	122, 267, 390.
Имена мѣстъ и особъ, благоволившихъ подпи- саться на сей Журналь.	394.